

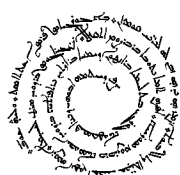
ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (22) 2016

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (22) 2016

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (22) 2016

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2016

CONTENTS

No 3 (22) 2016

Hristo Kyuchukov. Turkish spoken by Bulgarian Muslim Roma in Berlin7

DISCUSSIONS

Viktorija Bakula. Vocalism of the first syllable in the Kildin Sami dialect
(case study of Matthew 1878)13

Julia Normanskaja. Matthew 1878 as a monument of exact reflection
of the archaic stage of Kildin Sami34

Maria Bezenova. The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon
in the Votyak language” of 1891 (“Эеч кыльёс. Святой Тихонлэн эечлы дышетэм кыльёсыз”):
consonant features46

Valey Kelmakov. Comment on the paper by Maria Bezenova
“The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon
in the Votyak language” of 1891 (“Эеч кыльёс. Святой Тихонлэн
эечлы дышетэм кыльёсыз”): consonant features”64

Iraida Selyutina. Phonetic-phonological investigations of the Siberian languages
in the Nadelyaev Laboratory of experimental phonetic research (Institute of philology, SO RAN)68

Natalia Aralova. On alleged substrate effects in some languages of Siberia
(comment on the paper by Iraida Selyutina “Phonetic-phonological investigations
of the languages of Siberia in the Nadelyaev Laboratory
of experimental phonetic research (Institute of philology, SO RAN)).....80

Style sheet85

How to subscribe88

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (22) 2016

Х. Кючуков. Турецкий язык болгарских цыган-мусульман в Берлине7

ДИСКУССИИ

В. Б. Бакула. Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878).....13

Ю. В. Норманская. Евангелие от Матфея (1878) как памятник точной фиксации архаического состояния кильдинского саамского языка34

М. П. Безенова. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): особенности консонантизма.....46

В. К. Кельмаков. Отзыв о статье М. П. Безеновой «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): особенности консонантизма»64

И. Я. Селютина. Фонико-фонологические исследования языков народов Сибири в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН68

Н. Б. Аралова. О предполагаемых субстратных явлениях в некоторых языках Сибири (комментарий к статье И. Я. Селютиной «Фонико-фонологические исследования языков народов Сибири в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН»).....80

Требования к оформлению статей.....85

Как подписаться88

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонги (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbiev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Turkish spoken by Bulgarian Muslim Roma in Berlin

1. *The status of Turkish in Bulgaria*

Bulgaria was a part of Ottoman Empire for approximately 500 years (1396—1878). After the Russian-Turkish War and the liberation of Bulgaria from the Ottoman Empire (1878), a large Turkish community had remained in the territory of Bulgaria. Many families were split — some of the family members remained in the territory of Turkey and others stayed on in the territory of what was re-established as the borders of the new Bulgarian state.

At the beginning of 1900s and up until the 1940s, the Turkish community in Bulgaria had led a life more or less similar to the one which it had during the period when Bulgaria was part of the Ottoman Empire, and there were schools and mosques which were using Ottoman Turkish [Redhause 1884] as a tool of communication. After the Second World War, when the communists took the power, the situation slightly changed as governmental policy towards the Turkish minority slowly started to shift.

Turkish spoken in Bulgaria experienced controversial developments over the past 50—60 years. Immediately after 1945, during the early years of communist transformation, government policy towards the Turkish community and their language was very positive. Turkish children had the right to study Turkish as a mother tongue together with Bulgarian as the official language of the country. Some schools even offered education only in Turkish, where all the subjects were taught in the Turkish medium. In the 1950—60s, many Turkish children were encouraged to continue their education in high schools and universities to become teachers, nurses, and engineers. By the 1970s, there was already a large Turkish intelligentsia in Bulgaria, which was very well integrated into Bulgarian society.

Cultural life of Bulgarian Turks was very rich. In towns such as Razgrad, Shumen, Targovishte and Kardzhali, there were Turkish musical theaters supported by the state. The Bulgarian National Radio was broadcasting in Turkish three times a day, a newspaper (*Yeni Işık*) and a journal (*Yeni Hayat*) were being published, and numerous books of poetry and novels were coming out in Turkish. All these developments continued until the late 1970s; during this period of time the relationships between the Bulgarian and Turkish governments became very strained. During the Cold War the borders between Bulgaria and Greece and Bulgaria and Turkey were a no-go area — travel to Turkey was basically impossible for Bulgarians. At the end of the 1970s, the situation slowly started to change. The schools offering Turkish language as a mother tongue were closed down, the Turkish theaters were closed as well, publishing in Turkish became impossible and the number of radio programs was reduced.

After the 1980s came, the situation became even worse. In 1982, a process of changing the names of Muslim Roma and Bulgarian Pomak Muslims was initiated by the authorities. At first it was smooth, but starting in late 1984 / early 1985 the process of forcible changing of the names of Bulgarian Turks began; this also entailed the use of force by the police and the army where deemed necessary. This policy was officially called the *Vazroditelen protses* (*Revival Process*) by the authorities. During this period all books, newspapers and journals in Turkish were confiscated from public and private libraries and destroyed, any use of Turkish or other minority languages and music in public places was forbidden, and the ones who dared to break the rules were imprisoned or punished.

In the 1950s, a program in Turkish language called “Turkish Philology” was opened at Sofia University; in the late 1980s it became a Department of Turkic Studies. University professors at the Department of Turkic Studies were very closely connected with the Bulgarian communist party and most of them played an important role in the development of the governmental policy towards Bulgarian Turks and Muslim Roma. After the 1980s, the professors from Sofia University developed an idea that the Bulgarian Turks were not Turks, but Bulgarians, who during the Ottoman Empire were forced to become Turks (Emil Boev, personal communication). This idea was used as a basis for the forcible changing of the names of Bulgarian Turks and other Muslim groups. Another idea which the Turkologists from Sofia University developed during those years was that the Turkish language of Bulgarian Turks is different from the Turkish language of Turkey, because the Bulgarian Turks had been converted to Muslim religion and forced to become Turks, while in reality they were Slavs and Bulgarians (Emil Boev, personal communication). Using these ideas the group of professors developed “Standard Bulgarian Turkish”, which was different from Turkish spoken in Turkey. All these actions were done with the idea to support the theory of the Slavic and Bulgarian ethnic background of Bulgarian Turks so as to justify in the name of Bulgarian nationalism what was done as official policy against this minority group [Kyuchukov 1996, 1997].

After the democratic changes in the early 1990s, Turkish was introduced as a mother tongue in primary and secondary schools: an optional subject together with three other minority languages — Romani, Armenian and Hebrew. Textbooks from Turkey were adapted and used for language learning process. For Turkish language teachers, special seminars in Turkey were organized. A new university degree program in Turkish Philology at Shumen University was opened, and today two universities, Sofia University and Shumen University, offer degree programs to prepare specialists in Turkish language and Turkish Studies.

2. Theoretical background

The Muslim Roma community in Bulgaria is a part of the large Roma community in the country. The official numbers say that the total number of Roma is approximately 370000, but few believe this is an accurate figure. Most of the Roma NGOs think that the total number of the Roma is between 800000 and one million, and at least one half of them are Muslims. The Muslim communities are situated in the regions where the ethnic Turks are concentrated, although at the beginning of the 20th century, the Muslim Roma were spread all over the country. It is known that a segment of Roma from Sofia were speakers of Turkish and they were Muslim, but later lost their language and religion; however, they kept the names, and even today some of the Roma in Sofia have Muslim names in the community besides their official Bulgarian names on their legal identity cards.

Muslim Roma speak varieties of Turkish different from Turkish spoken by ethnic Turks in Bulgaria. Turkish spoken by Roma is called **Balkanized Turkish** and is a mixture between Ottoman Turkish lexis and Bulgarian syntax, which makes it very interesting for research by experts in areal linguistics and Turkish linguistics. It belongs to the Western Oghuz languages, which include Turkish, Ottoman Turkish, Gagauz and Balkan Gagauz Turkish. The Oghuz languages and particularly Turkish also influenced the Crimean Tatar language in this part of Bulgaria [Johanson, Csato 1998].

According to Trudgill's terminology [Trudgill 2011], Turkish spoken by Muslim Roma is a "language in isolation". It kept the existing complexity of Ottoman Turkish while being in isolation, having very little contact with the ethnic Turkish community in Bulgaria, and at the same time it underwent certain simplifications. Thomason pointed out that there is a need of detailed description of the Turkish dialects which form Balkan Turkish [Thomason 2001]. In this respect, the present paper aims in part to give a general idea about Balkanized Turkish and how it developed outside of the Balkans, being in contact with other languages, and with the governments pursuing assimilation policies towards it.

The classical definition of Ferguson is that diglossia may develop from various origins and in different language situations [Ferguson 1959]. The author distinguishes superposed variety called H (high) variety and regional dialects called L (low) variety. According to Romaine, "the High (H) and Low (L) variety differ not only in grammar, phonology, and vocabulary, but also with respect to number of social characteristics, namely, function, prestige, literary heritage, acquisition, standardization, and stability" [Romaine 2000: 46]. The H variety is usually learned in institutions and is used by and at institutions and in formal records.

Gal describes the situation among the German-speaking community in a Hungarian village [Gal 1998]. They use a variety which is an old dialect of German (L) and they learn standard German (H) through satellite television.

Turkish spoken by the Bulgarian Roma in most cases is not comprehensible by the majority of Turks in Berlin. So what the Roma do is basically try to learn the variety of Turkish spoken by Turks in Berlin, which they consider to be "standard Turkish". This is a new language for most of them. In the literature on second language acquisition there is a clear notion what a native language (NL) is and what a target language (TL) is. In the process of learning a TL, there are stages through which the learner passes. These stages are termed a form of interlanguage [Kyuchukov 2007].

3. Methodology

Most of the big German cities have communities of Roma, who came from Bulgaria as migrants. Roma from Pazardzhik, for example, are living mainly in Cologne, Roma from Shumen came to Düsseldorf, and Roma from Plovdiv live in Dortmund.

Muslim Roma from northeastern areas of Bulgaria from the cities of Varna, Dobrich, Razgrad, Targovishte are mainly settled in Berlin. The Berlin districts where the Bulgarian Muslim Roma arrive are mainly Wedding, Kreuzberg, Neukölln and Spandau. Actually, these are the districts where the Turkish migrants from Turkey live as well. The Muslim Roma from Bulgaria call themselves *millet* (from the Turkish *milliet* 'nation') and speak a variety of Turkish which differs from Standard Turkish. It is also different from the Turkish dialects spoken by Bulgarian Turks.

The Muslim Roma in Berlin are very diverse. Among them there are speakers of different languages:

- Romani, Bulgarian and Turkish;
- Turkish and Bulgarian;
- German as their third or fourth language.

The Turkish community in Berlin is not homogeneous. There are speakers of different dialects from the territory of Turkey. Turkish spoken by Turks in Berlin is highly valued (H) and Turkish spoken by Bulgarian Roma is less valued (L), according to the terminology of Schiffman [Schiffman 1997].

Bulgarian Roma very often are humiliated and rudely treated by German Turks because of the form of Turkish they speak. For that reason, Roma try to learn Turkish, but do so mainly through communication with Turks in the coffee shops and while working on construction sites. They do not take classes and there are no organized forms of Turkish language learning.

Consequently, the variety of Turkish spoken in Berlin is learned by Muslim Bulgarian Roma informally after their arrival to Berlin. Looking for jobs in Turkish coffee shops, restaurants, building constructions and all kind of manual work, they introduce themselves as Turks from Bulgaria, knowing a variety of Turkish helps them to find jobs. However, the variety of Turkish they learn in Berlin is not standard Turkish as spoken in Turkey. It is a Berlin variety of Turkish — a mixture between dialects spoken in Turkey and standard Turkish, which the Bulgarian Muslim Roma perceive as a High Variety of Turkish. In their opinion, it has higher prestige and they learn it from oral communication with the representatives of the Turkish community in Berlin.

4. Data collection and research questions

The data for this study was collected with a hidden tape recorder employed to record on public transport, in shops and on the streets of Berlin. The speech recorded between Muslim Roma is mainly spontaneous.

The speakers are usually in communication situations with other Bulgarian Muslim Roma where there is no need to utilize a so-called H variety of Turkish. The total number of the respondents is 11 (6 female and 5 male). Their age is between 20 and 60. The length of the records is 13 hours 30 minutes, in total 128562 utterances. The respondents were asked to tell interesting stories from their lives, fairytales, and have short conversations about their day or the previous day. The conversations' length varied between 15 minutes and 1 hour.

Recorded conversations were transcribed and sentences with lexical patterns from High Turkish were identified.

Research questions guiding the study are:

1. Are lexical items, which belong to the High variety of Turkish, and which are used in the spontaneous speech of Muslim Roma, either patterns of interlanguage or patterns of a language change?
2. What kinds of patterns of code-switching between Turkish and Bulgarian exist?

Turkish spoken in Balkans by Muslim Roma (Bulgaria and Macedonia) previously was described partly by a few authors [Kyuchukov 1995; Matras 1990, 2004; Matras, Tufan 2007; Friedman 2003; Giray 2015]. Previous publications deal mainly with the description of different grammatical categories and code-switching between Turkish-Romani, Turkish-Bulgarian, and Turkish-Macedonian.

The present paper is an attempt to look at Turkish in a bilingual context from another perspective, i. e. Turkish dialect — Turkish standard code switching.

5. Research findings

In German society, Muslim Roma from Bulgaria assume a fictive role of ethnic Turks from Bulgaria, so in these cases they have one type of CM. However, among themselves, when they get together for a drink or visit each other's homes, they use another CM, speaking the variety of Turkish from Bulgaria.

Speaking the TL (the "standard variety" of Turkish spoken in Berlin), Bulgarian Roma make numerous errors; these can be grouped into three principal categories:

- **morphological** — the suffixes are usually pronounced in a shortened form: instead of *-iyor*, *-iyi* suffix is used;
- **lexical** — archaic terms: *muallim* instead of *öğretmen* 'a teacher';
- **syntactic** — the word order is still influenced by Bulgarian word order, although new vocabulary from standard Turkish is acquired and used.

Muslim Roma speaking one variety of Turkish (from Bulgaria) and learning a new variety (the Berlin variety) create a new type of code switching and diglossia. In their opinion, one dialect (from Bulgaria) serves as L and the second variety (from Berlin) serves as H variety of Turkish language.

L variety dialect + H variety dialect

Here are some examples of the code switching between the two varieties of Turkish and Bulgarian.

- (1) *Mecbur musun* (STR) **отчет** (BG) *vermeye ona?* (45m)
 oblige-2Pres.T report give him/her
 Are you obliged to report to him/her?
- (2) *Ama neyse* (STR), **каквото ще да е** (BG) *braksIn beni...* (39f)
 but whatever whatever to be to leave I-Acc.
 But whatever, it does not matter, leave me (in peace)...
- (3) *Okula* (STR) *gideyler mi?* *Versinler onu* **градина-ya** (BG). (50f)
 school-to go-do-they give him garten-to
 Do they go to school? Let them put him in the (kinder) garden.
- (4) *O клиент-ler* (BG), *er tarafta rahat isetmeyi* (STR) *kendini...* (38f)
 the client-pl. everywhere comfortable feel himself
 Those clients do not feel comfortable everywhere...

As can be seen from the examples above, Muslim Roma in their everyday communication within the community are also starting to use lexical items from standard Turkish: *mecbur*; *ama neyse*; *okul*; *rahat hissetmek*.

Until recently, these lexical items were not in the vocabulary of Bulgarian Muslim Roma. It is obvious that they were acquired by the speakers over the past 1—2 years since they arrived in Berlin.

A young woman, asked for her husband in a phone conversation, responded:

- *Eşim yok evde!*
 husband-poss. neg. house
 My husband is not at home.

Actually she replaced the word *kocam* ‘my husband’ from Bulgarian Turkish with *eşim* ‘my husband’ from standard Turkish, however the syntax is still the Bulgarian Turkish syntax — SVO instead of standard Turkish SOV.

In another conversation with a young Roma man from BG, he addressed me as *Hüseyin ağabey* ‘brother Hyusein’, as in Standard Turkish, instead of *Hüsein aga*, as in the Bulgarian Turkish variety, but the rest of the sentence was influenced by Bulgarian syntax, and it has SVO structure.

Actually this can be seen in the sentences above as well:

- (1) *Mecbur musun отчет vermeye ona?* — **O V S**
 (3) *Versinler onu градина-ya.* — **V S O**

It is known that Bulgarian has a free word order and the verb can be in different positions. However, in the Standard Turkish syntax word order is strictly fixed, and V is always in final position. The given examples show that speakers use vocabulary from Standard Turkish but have not yet acquired the syntactic structure of Standard Turkish.

In the above examples, the cases of Turkish-Bulgarian code-switching are very obvious. The speakers use *отчет*, *каквото ще да е*, *градина*, *клиент* from Bulgarian for various reasons. It is obvious that they do not know some of the Bulgarian lexical equivalents in Standard Turkish (*отчет* ‘report’, *градина* ‘kindergarten’). But it is not clear why they use the Bulgarian word for ‘client’ when they know the Turkish equivalent *müşteri*, and it is also unclear why the speaker says something in Turkish and then repeats that in Bulgarian, as in the case of *Ama neyse* (STR), *каквото ще да е* (BG).

6. Conclusions

From my observations on the Roma Muslim community in Berlin, I can conclude that there is a process of “integration” into German society through learning the Berlin variety of Turkish as a communication tool. Among the Turks in Berlin who do not speak Standard Turkish either, the Muslim Roma from Bulgaria are not respected and do not have high social prestige because of their use of Turkish. However, some changes in the Bulgarian variety of Turkish are being observed, and the younger generation is shifting to the variety of Turkish spoken in Berlin, which in their opinion has the imputed status of “standard” Turkish.

The last very important observation and assumption is what Fishman calls the “perspectival quality of ethnicity”: “Some of those who do not consider themselves X-ians now, may come to consider themselves X-ians in five or ten years from now, or in the next generation” [Fishman 1997: 329].

Bulgarian Muslim Roma in Berlin do not consider themselves Turks, but their children definitely will identify along those lines. In a conversation with some Muslim Roma children between 10—12 years old I heard correct Standard Turkish learned in a Turkish Foundation, and they seem certain in their belief that they are Turks.

Abbreviations

Glosses

2 — 2 nd person	pl. — plural number
I-Acc — Accusative case of the 1 st person	pos. — possession
neg. — negation	Pres.T — Present Tense

Common

BG — Bulgarian	NL — native language
CM — communication media	O — object
H — high (variety of language)	S — subject
L — low (variety of language)	STR — standard Turkish
NGO — non-governmental organization	TL — target language
	V — verb

References

- Ferguson 1959 — *Ferguson C. A.* Diglossia // *Word*. 1959, 15. P. 325—340.
- Fishman 1997 — *Fishman J.* Language and Ethnicity: The view from within // *The Handbook of Sociolinguistics / Ed. Coulmas F.* Oxford, 1997. P. 327—343.
- Friedman 2003 — *Friedman V.* Turkish in Macedonia and Beyond. Wiesbaden, 2003.
- Gal 1998 — *Gal S.* Cultural bases of language use among German speakers in Hungary // *The Sociolinguistic Reader. Vol. 1. Multilingualism and Variation / Eds. Trudgill P., Cheshire J.* London, 1998. P. 113—121.
- Giray 2015 — *Giray B.* Code-switching among Bulgarian Muslim Roma in Berlin // *Ankara papers in Turkish and Turkic Linguistics / Eds. Zeyrek D. et al.* Wiesbaden, 2015. P. 420—430.
- Johanson, Csato 1998 — *The Turkic Languages / Eds. Johanson L., Csato E.* New York, 1998.
- Kyuchukov 1995 — *Kyuchukov H.* The Turkish Dialects of Muslim Roms (Gypsies) in Bulgaria // *Journal of Turkology*. 1995, 2. P. 305—307.
- Kyuchukov 1996 — *Kyuchukov H.* Etnolingvodidaktika [Ethnolinguodidactics]. Sofia, 1996.
- Kyuchukov 1997 — *Kyuchukov H.* Psicholingvistichni aspekti na rannia bilingvizam [Psycholinguistic aspects of early bilingualism]. Sofia, 1997.
- Kyuchukov 2007 — *Kyuchukov H.* Turkish and Roma Children Learning Bulgarian. Veliko Tarnovo, 2007.
- Matras 1990 — *Matras Y.* On the emergence of finite subordination in Balkan Turkish // *Proceedings of the Fifth International Conference on Turkish Linguistics, SOAS, 17—19 August, 1990*. S. 120—133.
- Matras 2004 — *Matras Y.* Layers of convergent syntax in Macedonian Turkish // *Mediterranean Language Review*. 2004, 15. P. 63—86.
- Matras, Tufan 2007 — *Matras Y., Tufan Ş.* Grammatical borrowing in Macedonian Turkish // *Grammatical borrowing in Cross-Linguistic Perspective / Eds. Matras Y., Sakel J.* Berlin, 2007. P. 215—227.
- Redhause 1884 — *Redhause J. M.* Simplified Grammar of the Ottoman-Turkish Language. London, 1884.
- Romaine 2000 — *Romaine S.* Language in Society. An Introduction to Sociolinguistics. Oxford, 2000.
- Schiffman 1997 — *Schiffman H.* Diglossia as a Sociolinguistic Situation // *The Handbook of Sociolinguistics / Ed. Coulmas F.* Oxford, 1997. P. 205—216.
- Thomason 2001 — *Thomason S.* Language contact. An Introduction. Washington, D.C., 2001.
- Trudgill 2011 — *Trudgill P.* Sociolinguistic Typology. Oxford, 2011.

SUMMARY

The paper presents the recent situation of Bulgarian Muslim Roma, speakers of Turkish, migrants in Germany. After their arrival to Germany most of the Bulgarian Muslim Roma contact the Turkish community, because they speak a variety

of Turkish and it serves as a tool of communication. Being in a new environment, Bulgarian Muslim Roma learn a new for them variety of Turkish spoken in Berlin, considering it a High variety in terms of diglossia; that way, a new form of diglossia between two dialects is created. The paper describes changes in Turkish language spoken by Roma as well as forms of code-switching between Turkish and Bulgarian. At the same time, a new phenomenon among Bulgarian Muslim Roma is observed — a process of assimilation towards the Turkish community. All linguistic and social phenomena among the Muslim Roma community can be explained by means of existing theories in the field of sociolinguistics.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена текущей социолингвистической ситуации у болгарских цыган-мусульман, говорящих на турецком языке и иммигрировавших в Германию. После переселения в Германию многие из них взаимодействуют с турецкой общиной, поскольку являются носителями одной из разновидностей турецкого языка и используют ее для общения. В новой среде болгарские цыгане-мусульмане выучивают новую для них разновидность турецкого языка, на которой говорят в Берлине, потому что считают ее высокой (в терминах диглоссии); таким образом, возникает новая форма диглоссии между двумя диалектами.

В статье описаны изменения в турецком языке, на котором говорят цыгане, а также формы переключения кодов между турецким и болгарским. В то же время в среде болгарских цыган-мусульман наблюдается новое явление — постепенная ассимиляция с турецкой общиной. Все языковые и социальные явления в общине цыган-мусульман можно объяснить с помощью существующих на сегодняшний день социолингвистических теорий.

Keywords: Muslim Roma, Turkish, bilingualism, diglossia, German migrants

Ключевые слова: цыгане-мусульмане, турецкий язык, билингвизм, диглоссия, иммиграция в Германию

Hristo Kyuchukov, Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences, hkyuchukov@gmail.com

Христо Кючуков, Университет прикладных наук Магдебург-Штендаль, hkyuchukov@gmail.com

Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878)¹

Для изучения истории языка, реконструкции языка и устной речи определенного исторического периода большое значение имеют исследования памятников письменности. Особенно важен их анализ для языков, которые находятся на грани исчезновения. Именно таким является язык кольских саамов, письменность к которым пришла только в 1982 г.

На сегодняшний день известно три памятника письменности на диалектах российских саамов: (1) Евангелие от Матфея в переводе финского ученого, лингвиста А. Генетца на саамский язык на кириллице (далее — [Genetz 1878]) и латинице (далее — [Genetz 1879]), (2) Евангелие от Матфея, переведенное священником К. П. Щеколдиным, на кириллице (далее — [Щеколдин 1884]) и (3) им же написанная на кириллице «Азбука для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» (далее — «Азбука...»), в которую включены тексты религиозного содержания и молитвы на саамском языке (1895).

Переводы молитв и священных книг на язык российских саамов тесно связаны с христианизацией коренного народа Севера, которая происходила постепенно, в течение нескольких веков.

Большую роль в принятии саамами православия сыграло русское население, контакты с которым начались еще в XII в. Многие новгородцы переселялись на Кольский полуостров навсегда, однако они не заботились о распространении христианских знаний среди лопарей (так называли саамов до революции). Тем не менее длительное общение саамов с русскими подготовило почву для их перехода к христианству [Ушаков 1997: 42]. В XIII в. Кольский полуостров под названием «Тре» наряду с другими северными землями уже официально входил в состав владений Новгородской феодальной республики [Ушаков 1997: 34]. Православие начало распространяться среди саамов после централизации власти в Москве [Харузин 1890: 36]. Как отмечает Чарнолуцкий, «еще в начале XIV века отмечены случаи принятия христианства некоторыми лопарями» [Чарнолуцкий 1965: 14].

Первым крестителем саамов по праву считается Лазарь Муромский, который в XIV в. крестил лопарей, живших по берегам Онежского озера, и основал Муромский монастырь в 70 верстах от Вытегры. Возможно, к тому времени относится проникновение первых слов христианского содержания в саамский язык, но неизвестно, на каком диалекте говорили саамы, проживавшие по берегам Онежского озера. В 1526 г. в летописях появляются известия о крещении «дикой лопи» «Кандалагской» губы, где была поставлена церковь Рождества Иоанна Предтечи [Чарнолуцкий 1972: 254]. Однако говорить о христианизации саамов Кольского полуострова по этим единичным фактам нет основания.

Наиболее значительным явлением внутренней жизни Севера в XIV, XV и XVI вв. следует считать монастырскую колонизацию [Волков 1996: 93]. Деятельность монахов развивалась в двух направлениях: первое — приобретение земельных и рыболовно-промысловых угодий и организация их промышленного освоения; второе — проповедь христианства и организация богослужебных пунктов (строительство храмов и часовен).

Окончательное распространение христианства среди лопарей было осуществлено Трифоном Печенгским и Феодоритом Кольским в XVI в.

Трифон основал на берегу реки Печенги церковь Святой Троицы, около которой построили кельи для иноков — новокрещенных саамов. Для евангельской проповеди возникла необходимость перевести Священное писание на местный язык. Это было связано с рядом трудностей, среди которых — изучение данной территории и ее населения, адаптация переводчиком системы характерных для Православной Церкви терминов и понятий, отсутствовавших в языке саамов, только что обращенных в христианство. При этом необходимо было учитывать и особенности восприятия этими племенами перевода Библии на их родной язык, перевода, сделанного носителем иной, до поры до времени чужой для них национальной и религиозной традиции.

Феодорит, изучивший в какой-то мере саамский язык в Соловецком монастыре, построил монастырь в устье реки Колы, где и обучал новопостриженных монахов русской грамоте и христианскому вероучению. На этом поприще Феодорит трудился 20 лет и окрестил 2000 лопарей. Для этого он «перевел некоторыя славянския молитвы на язык Лопарей и обучил их истинам веры...» [Соловецкий патерик 1991:

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361.

42]. Для такого перевода необходимо было создать особый алфавит, основанный на кириллице и способный передать специфические звуки саамской речи. По предложению историка Карамзина Феодорит изобрел первую лопарскую азбуку [Черняков 1998: 67]. Определить, какой диалект был положен в основу этих переводов и азбуки, не представляется возможным, поскольку ни один из этих текстов не сохранился до нашего времени.

Однако еще в конце XVII в. не все лопари на Кольском полуострове были крещены, поэтому в 1681 г. московское правительство по приказу царя Федора Алексеевича заботится о распространении христианства в русской Лапландии, для чего молитвы и книги переводятся на лопарский язык [Харузин 1890: 46]. Как отмечает Н. Н. Волков, уже к концу XIX в. «в каждом крупном селении имелась небольшая деревянная часовня с минимумом культовых предметов: иконы, аналой, кадило, евангелие, крест, сосуд и т. д. В каждом жилище можно было видеть иконы, медные складни старообрядческого типа, лампадки и крещенскую воду. Христианскими обрядами сопровождалось рождение ребенка, вступление в брак и похороны» [Волков 1996: 72].

В конце XIX в. началось интенсивное изучение языка Кольских саамов. В это время продолжают попытки перевода на саамский язык некоторых книг, преимущественно духовного содержания, однако деятельность эта осуществлялась в основном путешественниками и священниками-миссионерами.

В 1884 г. в Архангельске появился перевод на саамский язык Евангелия от Матфея, сделанный русским священником Константином Прокопьевичем Щеколдиным, настоятелем находившегося на самой границе с Норвегией Пазрецкого Борисоглебского храма.

Константин Прокопьевич Щеколдин родился 20 января 1845 г. в Холмогорском уезде Архангельской губернии в семье священника. В 1867 г. окончил Архангельскую Духовную Семинарию и в начале 1868 г. был назначен в Печенгский Сретенский лопарский приход. С того времени до конца жизни он почти безвыездно прожил на Кольском полуострове. При разделении Печенгского прихода на два прихода — Печенгский и Пазрецкий — по прошению был перемещен на Паз-реку. С 10 августа 1874 г. служил в Борисоглебской церкви на р. Паз вместе с зятем-псаломщиком В. М. Ивановским. Изучил лопарский язык. В зимнем саамском погосте на р. Колосйоки в 1888 г. открыл первую на Кольском полуострове церковно-приходскую школу для саамов на 24 места (построена на средства, пожертвованные обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и русским консулом в Норвегии Д. Н. Островским). Учил детей коренных жителей тундры на русском и на их родном языке, для чего составил и издал «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии», перевел на саамский язык Евангелие от Матфея (1884), в чем ему помогала жена Мария Козьмовна, в совершенстве владевшая лопарским языком. Две дочери Щеколдина учили детей в ближайших саамских погостах, а третья, старшая, была акушеркой. Собирает лопарский фольклор. В 1887 г. в петербургской газете «Голос» опубликовал несколько образцов таких произведений. Передал исследователю Н. Н. Харузину, приезжавшему на Кольский полуостров в 1887 г., большую коллекцию собранных им произведений устного народного творчества саамов, которая затем была опубликована в книге «Русские лопари» (1890). В журнале «Живая старина» (1890, № 1) опубликовал «Лопарские сказки, легенды и сказания, записанные в Пазрецком погосте, пограничном с Норвегией». О священнике Щеколдине писали столичные газеты и журналы, его посещали знаменитые норвежские путешественники Р. Амундсен и Ф. Нансен. К. П. Щеколдин был похоронен у церкви свв. Бориса и Глеба 30 ноября 1916 г. [КС].

Тираж Евангелия от Матфея на нотозерском диалекте, на котором разговаривали жители Паз-реки, превысил число грамотных саамов и получил распространение по всему Кольскому краю. За свой переводческий труд отец Константин был удостоен звания почетного члена переводческой комиссии при Архангельском комитете Православного миссионерского общества, награжден орденом Святой Анны III степени [Ермолаев 2009: 3]. В 1895 г. он составляет «Азбуку...» на нотозерском диалекте — первый саамский учебник.

«Азбука...» К. П. Щеколдина, как и грамматика Феодорита Кольского в свое время, выполняла не только образовательную, но и воспитательно-миссионерскую задачу: саамов знакомили с религиозной лексикой: *Иисусъ (Го-сподь Альгъ)*, *Пе-стий (Спа-си-тель)*, *А-по-сто-лы*, *церковь*, *Пась Трифон*, с названиями православных праздников: *Пасха — Ии — пейв*, *Благовъщение Пресвятыя Богородицы — Лазинь пейвь*.

В конце первого раздела «Азбуки...» приведены две притчи «на лопарском наречии» с переводом «на русское наречие» о трудолюбии, счастливой старости, дружбе и семейных узах. В конце «Азбуки...» дается притча «Советы матери сыну», а также Молитва Господня и десять заповедей Божьих на русском и саамском языках.

С начала 1886 г. К. П. Щеколдин «по звуковому способу» начал обучать лопарских детей чтению и пению самых употребительных молитв (т. е. «произносил слова молитвы — дети произносили вслед») и таким образом выучил 24 человека, которые, в свою очередь, после этого обучали взрослых [Харузин 1890: 70].

В 1891—1900 гг. открываются церковноприходские школы в Кашкаранцах, Умбе, Чапоне, Чаванье, Пялице, монастырская школа в Баркине (Печенга). В Нотозерском, Сонгельском, Кильдинском и Пазрецьком погостах лопари построили школьные здания за свой счет. Школу в Ловозере в 1893 г. открыл Архангельский миссионерский комитет. Вместе с русскими детьми лопари обучались в Кольском приходском училище. Для них издавались пособия, содержавшие тексты на лопарском языке (молитва «Отче наш», десять заповедей Божьих) [Ушаков 1998: 276].

По распоряжению Архангельского губернатора Н. А. Качалова священники еще до возникновения официальных школ завели у себя училища с целью обучения лопарей грамоте. У известного о. Георгия Терентьева было десять учеников из нотозерских лопарей. Возвращаясь домой, мальчики учили своих сородичей молитвам. Но уже к началу 70-х годов XIX в. у священников не обучалось ни одного мальчика [Харузин 1890: 70].

Таким образом, саамы знали о Евангелии не понаслышке, они умели читать его, имели дома, знали молитвы на саамских диалектах. Носители саамского языка старшего поколения рассказывали автору настоящей статьи о своем детстве, упоминая и о Евангелии, которое хранилось в их семьях.

В то же время работа по переводу книг религиозного содержания на саамские диалекты не получила дальнейшего развития — до нас не дошли сведения о переводах других духовных книг на саамские диалекты. До революции вопрос об обучении коренного населения на родном языке не стоял. Так, вся литература, поступавшая в народные и училищные библиотеки начала XX в., была на русском языке. Исключение составляло Евангелие в переводе К. П. Щеколдина [Щеколдин 1884], изданное в 1894 г. большим тиражом [Ушаков 1997: 457]. Связано это было с тем, что главной целью перевода книг духовного содержания на саамские диалекты было распространение христианства и обучение на русском языке, а не формирование системы обучения на родном языке. Кроме того, создание саамской письменности затруднялось существованием разных диалектов, значительно отличавшихся друг от друга.

С 20-х гг. XX в. деятельность, связанная с переводом книг духовного содержания на диалекты российских саамов, была невозможна в силу известных причин, касающихся как истории России, так и состояния письменности саамского языка, работа над которой началась в Советском Союзе в 1926—1927 гг. в связи с организацией Северного факультета при Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе².

Таким образом, особого значения для истории создания письменности на саамском языке переводы молитв и Евангелия от Матфея не имели. В то же время первые памятники письменности, имеющие религиозное содержание, представляют собой ценный материал для изучения истории развития саамского языка, его реконструкции в определенный исторический период.

Актуальность данной работы состоит в том, что ранее исследования указанных памятников саамской письменности не предпринимались. Упоминание о них и некоторую характеристику фонетических особенностей можно найти в работах Г. М. Керта [Керт 1971] и Г. В. Костиной [Костина 2007]. В монографии Г. М. Керта говорится об «очень несовершенной транскрипции» текста Евангелия А. Генетца [Genetz 1878], в которой не обозначались долготы гласных и имелись неточности в обозначении качества согласных («полузвонкие Bp, Dt, Gk обозначаются сочетанием двух глухих согласных»); не отмечались в ней и долгие согласные в сочетании с краткими [Керт 1971: 20]. Г. В. Костина цитирует материал из монографии Г. М. Керта [Костина 2007: 31].

Первым дошедшим до нас памятником, письменно зафиксировавшим язык кольских саамов, является Евангелие от Матфея Арвида Генетца³, которое было издано в Хельсинки⁴ Обществом распространения Библии в Великобритании и других странах в 1878 г. Данными о более ранних фиксациях кольских саамских диалектов мы не располагаем. Для записи саамской речи ученый использовал буквы русского алфавита. В 1879 г. А. Генетц опубликовал это Евангелие на латинице в венгерском журнале “Nyelvtudományi közlemenyek” [Genetz 1879]. В предисловии к изданию 1879 г. «Евангелие от Матфея и оригина-

² Попытки создания письменности российских саамов предпринимались неоднократно. В 1933 г. разрабатывается письменность на основе латиницы с добавлением диакритических знаков твердости и мягкости (букварь З. Чернякова), в 1937 г. саамская письменность переводится на русский алфавит (букварь А. Эндюковского), однако с этого же года преподавание на саамском языке прекращается. В 1979 г. создается саамский алфавит на основе кириллицы (букварь А. Антоновой), а в 1985 г. выходит в свет «Саамско-русский словарь» под ред. Р. Д. Куруч, где в алфавит 1979 г. добавлены латинские буквы *h* и *j*. С 1985 г. у российских саамов существует двойная орфография.

³ Арвид Оскар Густав Генетц (1848—1915) — финский языковед, профессор финского языка Хельсинкского университета с 1889 г., одно время занимавший должность в Сенате Финляндии, которая сегодня соответствует должности министра просвещения, известный поэт-патриот [Лаллукка 2002: 54—58].

⁴ В России до 1917 г. было принято название Гельсингфорс.

нальные тексты» ученый подробно рассказал о своих исследованиях на Кольском полуострове, привел классификацию кольских саамских диалектов, их сравнительную характеристику, а также пояснил использованную им в тексте на латинице транскрипцию.

Экспедиция по Кольскому полуострову была совершена Генетцем во второй половине 1876 г. при поддержке Хельсинкского университета. Целью экспедиции являлось исследование языка и обычаев русских лопарей, что было актуально для финского финно-угроведения того времени [Загребин 1999: 40].

Из Архангельска Генетц в конце июля 1876 г. прибыл в Колу и оставался там приблизительно в течение пяти недель, занимаясь изучением двух разных диалектов, географически недалеко расположенных друг от друга, — кильдинского и нотозерского. В первой половине сентября того же года финский ученый приехал в Поной, где в течение двух месяцев продолжил изучение теперь уже восточного саамского диалекта, или т. н. языка терских лопарей (йоканьгского). В середине ноября санним путем он отправился по центру полуострова в направлении северо-запада и запада. По пути Генетц посетил лопарские поселения, через которые пролегал санним путь, вплоть до большого озера Имандра, а затем добрался до поселения Кандалакша. Здесь в течение нескольких дней он занимался изучением четвертого русско-лопарского диалекта — диалекта аккала (бабинского). Таким образом, за время своей поездки Генетц познакомился со всеми четырьмя диалектами российских саамов.

Кильдинский и тер-лопарский (йоканьгский) диалекты саамского языка к тому времени были наиболее распространенными, поэтому Генетц изучил их достаточно основательно и большую часть своих исследований посвятил именно им. Так, первые 22 главы Евангелия от Матфея Генетц перевел в Коле на кильдинский диалект при помощи одного саама, в то время кольского старшины, главы городской управы, районного судьи Парфентия Александровича Пьянова. Последние главы Евангелия (23—28) Арвид Генетц переводил в Кандалакше при помощи проживающего там русского человека Артамона Корниловича, который одинаково хорошо владел саамским и русским языками. В предисловии к Евангелию от Матфея 1879 г. Генетц пишет: «Этот перевод — мой единственный образец аккальского, или южно-лопарского, диалекта, на котором говорят в погостах Аккала (саам. *Ā:hkel sijt*) и Йокостровский (саам. *Šuik-sūl'*)» (перевод наш. — В. Б.) [Genetz 1879: 4]. Таким образом, Евангелие от Матфея в переводе Генетца фиксирует состояние двух диалектов кольско-саамского языка конца XIX в.: кильдинского и бабинского. Письменности на этих диалектах в то время не существовало, поэтому Евангелие от Матфея отражает устное состояние диалектов.

Современный кильдинский диалект сегодня самый распространенный диалект среди саамов Кольского полуострова: им в разной степени владеют около 700 носителей. Именно он положен в основу письменности, на нем написаны литературные произведения, книги духовного содержания; это самый исследованный диалект российских саамов. Активных носителей бабинского диалекта не осталось⁵. Огромное значение поэтому имеет монография П. М. Зайкова «Бабинский диалект саамского языка (фонологическое исследование)» [Зайков 1987], которая представляет собой первое систематическое описание фонологии, морфологических и морфонологических чередований, морфологии одного из наименее исследованных кольско-саамских диалектов. В работе изложена также история исследования бабинского диалекта, охарактеризована тогдашняя языковая ситуация у бабинских саамов.

Переводить Евангелие (1—22 главы) А. Генетцу помогал носитель саамского языка, человек, без сомнения, грамотный, исходя из того, что он занимал достаточно высокий пост, читал и переводил Евангелие. Однако нам неизвестно, на каком говоре говорил П. А. Пьянов, в какой степени он владел саамским для перевода Евангелия на кильдинский диалект, а это важно, так как от этого зависит произношение тех или иных саамских слов, а значит и транскрипция этих слов, представленная в памятнике.

Как уже говорилось выше, по мнению исследователей, текст Евангелия от Матфея в переводе А. Генетца [Genetz 1878] передается «очень несовершенной транскрипцией» [Керт 1971: 20; Костина 2007: 31]. Возможно, причиной этого является несовершенство кириллицы для передачи звуков саамского языка, что позже, в XX в., заметила носительница кильдинского диалекта, переводчица, учительница саамского языка и составительница первой саамской азбуки, создательница саамского алфавита Александра Андреевна Антонова. Это заставило ее ввести в кириллический алфавит специальные знаки для обозначения специфических саамских звуков. С другой стороны, в предисловии к Евангелию от Матфея 1879 г. А. Генетц пишет: «В образцах кильдинского и тер-лопарского диалектов часто встречающиеся удвоенные согласные *kk, tt, cc, čč, pp* и простые *k, t, c, č, p*, если стоят после согласных звуков (*ñ, n, m, r, l, v, j*), в большинстве случаев звучат как *gk, dt, dc, d'č* и *bp*; эти оттенки звуков я не посчитал необходимым обозначить отдельно» [Genetz 1879: 5].

⁵ «Под «активными носителями» понимаются люди, которые свободно говорят на саамском языке как на первом или втором языке. Активные носители используют саамский язык естественно, в быту на всех уровнях общения» [Шеллер 2010: 18, 20].

При анализе диалектных особенностей первого памятника письменности российских саамов и сравнении диалекта памятника с современным диалектом возникает ряд трудностей. Даже при поверхностном анализе текста обнаруживается разницей в транскрипции одних и тех же слов в Евангелии А. Генетца на кириллице и латинице (см. ниже), хотя материалом для [Genetz 1879] явился кириллический текст [Genetz 1878]. Если предположить, что в [Genetz 1879] ученый пользуется более совершенной транскрипцией на латинице, то напрашивается вывод о том, что в [Genetz 1879] саамская речь передана точнее. Кроме того, [Genetz 1879] на латинице передает звучание, более приближенное к литературному кильдинскому диалекту, зафиксированному в современных саамских словарях [Афанасьева 1985; Керт 1986; Антонова 2014]. При записи перевода священного текста на саамском языке нельзя не принимать во внимание индивидуальное произношение информанта, уровень его владения языком, субъективное восприятие саамской речи самим ученым или то, под влиянием какой звуковой традиции он находился. Так, сегодня в речи отдельных носителей кильдинского диалекта можно наблюдать отсутствие долгот гласных и согласных звуков⁶, которое не отмечено в имеющихся словарях.

С другой стороны, если принять во внимание факт отсутствия долгот у отдельных современных носителей кильдинского диалекта, то можно предположить, что издание [Genetz 1878] фиксирует действительное состояние определенного говора кильдинского диалекта того времени, который близок современному. Кроме того, нельзя с уверенностью утверждать, что в памятнике отразился именно процесс исчезновения долгот — возможно, их отсутствие как раз и является характерной чертой говора того времени, как, на наш взгляд, нельзя говорить об исчезновении долгот у современных носителей кильдинского диалекта — возможно, их не было и ранее в этом говоре. Таким образом, наличие или отсутствие долгот может быть характерной чертой как какого-то современного говора, так и говора, отраженного у А. Генетца. С другой стороны, запись перевода [Genetz 1879], который был сделан с [Genetz 1878], позволяет предположить, что ученый пользовался усовершенствованной транскрипцией.

Сравним транскрипцию некоторых слов в [Genetz 1878] и [Genetz 1879]:

- долгота гласных: *сонэ* (1878) — *sōn'* (1879) — *sōn* (совр.) 'его' [глава 1, стих 11]; *вильийт* (1878) — *vīljijt* (1879) — *vīljetb* (совр.) 'братьев' [глава 1, стих 2];
- долгота согласных: *сарн* (1878) — *sārnr* (1879) — *sārrn* (совр.) 'говорит' [глава 2, стих 13, 15];
- греческие буквы γ , δ и β в (1879) используются для обозначения звуков саамского языка γ , δ и β : *сарнэб* (1878) — *sārneβ* (1879) — *sārrnэв* (совр.) 'говорят' [глава 2, стих 1]; *пулдэг* (1878) — *pulvdəγ* (1879) — *пулдэгк* (совр.) 'поколение' [глава 1, стих 17];
- сочетание гласных звуков [оа], которое в [Genetz 1879] обозначено знаком *q*. Его звучание ученый поясняет так: «гласный вместо исходного \bar{a} в кильдинском диалекте, который похож на венгерский *a*, но длиннее» [Genetz 1879: 5]: *цар* (1878) — *cqr'* (1879) — *цoāp* (совр.) 'царь' [глава 1, стих 6];
- обозначение сочетания согласных звуков: *нит* (1878) — *nitt* (1879) — *ныdm̄b* (совр.) 'так' [глава 1, стих 17, 18] и т. д.

Для анализа первых памятников письменности представляют определенный интерес материалы, собранные в ходе полевых экспедиций финскими учеными. В словаре А. Генетца [Genetz 1891] в научный оборот впервые введены материалы по трем диалектам саамского языка Кольского полуострова: кильдинскому, нотозерскому, йоканьгскому. Богатый лексический материал диалектов Кольского полуострова содержит «Словарь кольских и колтта диалектов» в двух томах Т. Итконена [Itkonen 1958], это наиболее полный и точный словарь восточных диалектов. Достоинством словаря является то, что в нем использована «чрезвычайно тонкая, безупречная в научном отношении аллофоническая транскрипция» [Зайков 1987: 10]. Однако нельзя не согласиться, что пользоваться словарем достаточно сложно, так как заглавное слово в нем приводится по диалекту Патсайоки, и для того, чтобы найти нужное слово, надо знать его форму в этом диалекте [Зайков 1987: 10; Терешкин 2002: 18]. В то же время ценными для исследователя являются данные по всем диалектам российских саамов, которые приводятся в словарной статье.

Материал, собранный этнографом А. И. Кельсиевым летом 1877 г. на Кольском полуострове, возможно, полностью или частично вошел в словарь А. Генетца. В докладе, адресованном Комитету по устройству антропологической выставки, А. И. Кельсиев сообщал: «Составлен словарь с лишком 200 элементарных слов лопарского языка на восточных и западных наречиях. При содействии филологов Европеуса, Крона и Генетца есть надежда на серьезные филологические выводы» [Кельсиев 1878: 9].

При сравнении диалекта памятника с современным диалектом естественным было бы обращение к «Саамско-русскому словарю» [Афанасьева 1985], который фиксирует лексику кильдинского диалекта 90-х годов XX в., однако в нем используется орфография Р. Д. Куруч (в кириллическое написание слов

⁶ См. <http://ldbeta.at.ispras.ru>.

включены латинские буквы *h* и *j*), что создает определенные трудности при сопоставительном анализе отдельных словоформ памятника и современного диалекта. В то же время «Саамско-русский словарь» А. А. Антоновой [Антонова 2014] удобен для сравнения: он фиксирует современное состояние кильдинского диалекта и содержит около 7500 саамских заглавных слов и около 10600 словосочетаний.

Материалы, представленные в данной статье, демонстрируют отдельные отличия диалекта памятника от современного кильдинского диалекта, которые можно сгруппировать следующим образом: фонетические, грамматические, лексические. Говорить об орфографических отличиях, на наш взгляд, затруднительно, поскольку в Евангелии от Матфея А. Генетца зафиксирована устная традиция бытования кильдинского диалекта, который в то время не имел письменности. Однако учитывая тот факт, что в основу графической системы письменного кильдинского диалекта саамского языка положен фонематический принцип, на наш взгляд, имеет смысл сравнить текст [Genetz 1878] с современным переводом Евангелия от Матфея, сделанным А. А. Антоновой и хранящимся в рукописи.

К основным фонетическим отличиям диалекта, отраженного в [Genetz 1878], от современного диалекта относятся следующие:

1) в тексте [Genetz 1878] отсутствует долгота гласных (за исключением заимствованных слов) и спорадически — долгота согласных:

вальт [глава 2, стих 13] ~ лит. *vā́лт* ‘возьми’;
вильлийт [глава 1, стих 2, 11] ~ лит. *vī́льть* ‘братьев’;
куй [глава 1, стих 19] ~ лит. *kū́йй* ‘муж’;
ляй [глава 1, стих 18, 19; глава 2, стих 9] ~ лит. *lī́йй* ‘было’;
альк [глава 1, стих 20] ~ лит. *alī́лк* ‘сын’;
лушьтед [глава 1, стих 19] ~ лит. *lū́шштэ* ‘отпустить’;
луэйхк [глава 2, стих 18] ~ лит. *luḗйххк* ‘плач, рыдание’;
сарн [глава 2, стих 13, 15] ~ лит. *sā́ррн* ‘говорит’;
шэнтмуш [глава 1, стих 18] ~ лит. *šḗнтмуши* ‘рождество, рождение’.

Ср.: *мануа* [глава 1, стих 12] ~ лит. *manuā* ‘затем, потом’; *тонне* ‘тебе’ [глава 2, стих 13] ~ лит. *tonnē*; *коццай* ‘встала’ [глава 8, стих 15] ~ лит. *koac̄c̄z̄z̄*; в заимствованиях: *Наассон* [глава 1, стих 4] ~ лит. *Naasson* ‘Наассон’; *Иессей* [глава 1, стих 6] ~ лит. *Iessē* ‘Иессей’; *Эммануил* [глава 1, стих 23] ~ лит. *Emmanuīl* ‘Еммануил’;

2) сочетанию звуков [оа] в современном диалекте соответствуют звуки [о] или [а]:

неллимп-локь [глава 1, стих 17] ~ лит. *nḗльлемплоагкь* ‘четырнадцать’;
коццэ [глава 2, стих 13] ~ лит. *koac̄c̄z̄z̄* ‘встань’;
сорьмест [глава 2, стих 19] ~ лит. *soar̄yemes̄t* ‘(после) смерти’;
коль [глава 2, стих 11] ~ лит. *koalī́* ‘золото’;
коммердам [глава 2, стих 8] ~ лит. *koamm̄re* ‘поклониться’;
коццай [глава 2, стих 14] ~ лит. *koac̄c̄z̄z̄* ‘встал’;
ни камгьйт ‘ни обуви’ [глава 10, стих 10] ~ лит. *ni koamm̄gḗt̄* (также и в других словоформах);
парнайт ‘младенцев’ [глава 2, стих 16, 18] ~ лит. *poar̄yḗnt̄* ‘парней’;
шабьшеб ‘любят’ [глава 6, стих 5] ~ лит. *šoābš̄ē*;

3) сочетанию звуков [оā] в современном диалекте соответствует звук [а]:

царэ [глава 1, стих 6] ~ лит. *coā́r* ‘царь’;
капкес [глава 1, стих 24] ~ лит. *koā́pkēs̄* ‘жену’;
алкхэи [глава 2, заголовок] ~ лит. *oā́lkxḗi* ‘начало’;
рамгуттен [глава 2, стих 10] ~ лит. *roā́mmgud̄tḗn̄b̄* ‘обрадовались’;
лайхийт [глава 2, стих 11] ~ лит. *loā́йхḗt̄* ‘дары’;

4) в тексте памятника мягкость и полумягкость согласных спорадически отсутствует:

тампе [глава 2, стих 13, 15] ~ лит. *tam̄pe* ‘там’;
тонст [глава 2, стих 6] ~ лит. *tṓnēs̄t̄* ‘из тебя’;
уйним [глава 2, стих 2] ~ лит. *uī́nḗm̄* ‘видели’;
накрест [глава 1, стих 20; глава 2, стих 12, 13] ~ лит. *nākrēs̄t̄* ‘во сне’;
Зоровавел [глава 1, стих 12] ~ лит. *Zorovāvel̄* ‘Зоровавель’;
нит [глава 1, стих 17, 18] ~ лит. *nȳd̄t̄* ‘так’;
Христоссен [глава 1, стих 16] ~ лит. *Ch̄ristos̄sḗn̄* ‘Хрисосом’;
пуэхтин [глава 2, стих 11] ~ лит. *pȳx̄h̄tḗn̄b̄* ‘принесли’;
иен [глава 2, стих 13] ~ лит. *ḗn̄b̄* ‘Матерь, мать’.

Ср.: *поаккань* ‘пояс’ [глава 3, стих 4] ~ лит. *пуагкань* ‘пояс (кожаный)’; *готь* ‘как’ [глава 3, стих 16] ~ лит. *годтб*; *сорьм* ‘смерть’ [глава 4, стих 16] ~ лит. *соарьм*; *лоньтийн* ‘у птиц’ [глава 8, стих 20] ~ лит. *лоньтэнб*;

5) в тексте [Genetz 1878] в обозначении качества согласных наблюдаются неточности⁷:

накрест [глава 2, стих 12, 13; глава 1, стих 20] ~ лит. *нагкрэсьт* ‘во сне’;

пук [глава 1, стих 17] ~ лит. *пугк* ‘всех’;

вялхтэтмужест [глава 1, стих 17] ~ лит. *вялхтэтмужэсьт* ‘после переселения’;

нит [глава 1, стих 17, 18] ~ лит. *ныдтб* ‘так’;

рамгуттен [глава 2, стих 10] ~ лит. *роймгудтэнб* ‘обрадовались’.

К графическим особенностям обозначения саамских звуков в тексте [Genetz 1878] относятся их обозначения средствами русской графики или специальным знаком. Ниже приводятся графические соответствия вида «буква в современном саамском алфавите — буква в памятнике [Genetz 1878]» и иллюстрирующие их примеры:

л — *л*: *вялхтэтмужэ* [глава 1, стих 11] ~ лит. *вялхтэтмуш* ‘перед переселением’;

ң — *н*: *вянцьэттем* [глава 1, стих 18] ~ лит. *вянцьемь* ‘после обручения’;

р — *р*: *нурьтей* [глава 2, стих 1] ~ лит. *нурьтэнб* ‘с востока’; *нэрхте* [глава 2, стих 11] ~ лит. *пэррьтэ* ‘в дом’;

у — *ү*: *маңца* [глава 1, стих 12] ~ лит. *мауна* ‘затем, потом’.

Грамматические отличия:

1) в суффиксах причастий в диалекте памятника предпочтительнее форма на *-анч*:

тахтманч [глава 1, стих 19] ~ лит. *тāхтма* ‘желая’;

луэньманч [глава 2, стих 16] ~ лит. *луэньма* ‘осмеянный’;

2) в глагольных суффиксах:

окнахтед [глава 1, стих 19] ~ лит. *окнаххьтэ* ‘пристыдить’;

лушьтед [глава 1, стих 19] ~ лит. *лушьтэ* ‘отпустить’;

3) для выражения значения ‘от кого-л.’ в [Genetz 1878] предпочтительнее употребление формы Sg Gen, а в современном диалекте — формы Sg In-EI:

Рахавайн Sg Gen ‘от Рахавы’ [глава 1, стих 5] ~ лит. *Рахавасьт* Sg In-EI;

Фамарайн Sg Gen ‘от Фамари’ [глава 1, стих 3] ~ лит. *Фамарасьт* Sg In-EI;

Руфийн Sg Gen ‘от Руфи’ [глава 1, стих 5] ~ лит. *Руфасьт* Sg In-EI;

4) В [Genetz 1878] у существительных в окончании Sg Gen и Sg Acc присутствует гласная:

альке [глава 1, стих 1] ~ лит. *альк* ‘сына’ Sg Gen;

царэ [глава 1, стих 6] ~ лит. *цоār* ‘царя’ Sg Acc;

Христосе райя [глава 1, стих 17] ~ лит. *Христос райя* ‘до Христа’ Sg Gen;

куе [глава 1, стих 16] ~ лит. *куй* ‘мужа’ Sg Acc.

К лексическим особенностям относятся следующие:

1) в литературном кильдинском диалекте появляются новые слова на базе известных в саамском языке словообразовательных моделей: *пророк* [глава 2, стих 17] ~ лит. *ялэввтэсуййнэй* ‘пророк’ (из *яллмуж эттэс уййнэй* ‘жизнь вперед видящий’); *альм-царство* [глава 5, стих 20] ~ лит. *Альм Цоārрвудт* ‘царствие небесное’⁸;

2) в диалекте [Genetz 1878] для перевода слова *волхвы* наряду с заимствованным *пророк* используется языческая лексема *ноайт-олмынь* ‘от волхвов’ [глава 2, стих 16];

3) использование слов другого диалекта:

сагий [глава 1, стих 3—6] ~ лит. *шэнттэдб* ‘родил’ (бабинский диалект?);

вусмус ‘первая’ [глава 1, заголовок] ~ *вуссимась* (нотозерский диалект) [Щеколдин 1884: глава 1, заголовок]; ср. *vusstmus* (нотозерский диалект) ‘первый’ [Керт 1971: 21], лит. *авьтмусс* (кильдинский диалект) ‘первый’.

⁷ Об этой особенности транскрипции памятника писал Г. М. Керт [Керт 1971: 20].

⁸ В то же время в диалекте памятника, как и в литературном кильдинском диалекте, некоторые заимствованные слова, передающие реалии другой культуры, не подверглись изменениям: *ладан* [глава 2, стих 11] ~ лит. *ладан* ‘ладан’; *смирна* [глава 2, стих 11] ~ лит. *смирна* ‘смирна’; *верблюд* [глава 3, стих 4] ~ лит. *верблюд* ‘верблюд’; *фарисей* [глава 3, стих 7] ~ лит. *фарисей* ‘фарисей’.

2. Графические особенности памятника и вокализм анлаута

Для описания графических особенностей памятника [Genetz 1878], написанного на кириллице, мы обратимся к алфавиту А. А. Антоновой, который использует современная учебная и художественная литература.

Саамский алфавит А. А. Антоновой построен на основе алфавита русского языка и состоит из 41 буквы:

Аа ä Бб Вв Гг Дд Ее Ёё Жж Зз Ии Йй Кк
Лл л Мм м Нн н ң Оо Пп Рр р Сс Тт Уу
Фф Хх Цц Чч Шш Щ щ Ъ ъ Ыы ы Ь ъ Ээ Ээ Юю Яя

Для обозначения фонем, сходных по основным признакам в русском и саамском языках, используются одни и те же буквы.

Специфичные фонемы саамского языка обозначаются особыми графемами:

л — обозначает глухой щелевой боковой согласный [л];

м — обозначает глухой смычный носовой согласный [м];

н — обозначает глухой смычный носовой согласный [н];

у — обозначает заднеязычный сонант [ŋ] [Куруч и др. 1995: 16];

р — обозначает глухой дрожащий [р];

ь — полумягкий знак, употребляется для обозначения полумягкости предшествующего согласного;

ä — обозначает краткую гласную фонему [ä] среднего ряда нижнего подъема после полумягких согласных⁹;

э — обозначает краткую гласную фонему [э] переднего ряда среднего подъема после парных полумягких согласных [д´], [т´], [н´] и взрывной геминаты [дт´] [Куруч и др. 1995: 9].

Перечислим также некоторые правила записи саамских слов:

долгота согласных обозначается двумя одинаковыми буквами (например, *уу*);

долгота гласных обозначается горизонтальной чертой над буквой (например, *ä*);

для обозначения дифтонгов используются сочетания гласных букв (например, *уэ*);

ц служит для написания слов иноязычного происхождения (например, *ци*, *Щорс*).

Алфавит современного кильдинского диалекта содержит 10 гласных букв: *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*.

В данной статье рассматриваются особенности вокализма первого слога диалекта памятника письменности [Genetz 1878] в сравнении с современным диалектом.

В алфавите [Genetz 1878] для обозначения гласных звуков используются 10 графем: *а, е, и, о, у, ы, э, ю, я, i*. Все эти графемы встречаются в абсолютном начале слова и в первом слоге.

Буквы *е, и, ю, я* употребляются:

1. после согласных, где они обозначают звуки [э], [и], [у], [а] и указывают на мягкость предшествующего согласного звука, например: *лянч* ‘будет’ [глава 8, стих 11] ~ лит. *лĕнчч*; *рикййн* ‘от грехов’ [глава 1, стих 21] ~ лит. *рĕйкенĕ*; *нюэзес мур* ‘плохое дерево’ [глава 7, стих 17] ~ лит. *нюэзесь мурр*; *лейпе* ‘хлеб’ Асс [глава 7, стих 9] ~ лит. *лĕйп*; в заимствованиях — *Евангели* ‘Евангелие’ [заголовок] ~ лит. *Евангеле*; *Езекія* ‘Езекия’ [глава 1, стих 10] ~ лит. *Езекия*; *верблюд* ‘верблюд, верблюжий’ [глава 3, стих 4] ~ лит. *верблюд*. В этих случаях значение букв в [Genetz 1878] соответствует их значению в современном диалекте. В то же время значение буквы *е* в анлауте памятника иногда отличается от ее значения в современном диалекте, например: *теде вуэрест* ‘с того (часа)’ [глава 9, стих 22] ~ лит. *тэдĕ вуэрэсьт*; *шегий этэ* ‘перед свиньями’ [глава 7, стих 6] ~ лит. *шеге эввьтэ*; *шеньтин* ‘родились’ [глава 19, стих 12] ~ лит. *шĕнньтĕнĕ*. В этом случае буква *е* в памятнике соответствует букве *э* в современном диалекте.

2. в абсолютном начале слова, после гласных, после *ь, ъ* и *й*: *ямтеб* ‘умертвят’ [глава 10, стих 21] ~ лит. *ĕммьдэв*; *юкке* ‘всякий’ [глава 7, стих 8] ~ лит. *юккe*; *Иммель* ‘Бог’ [глава 1, стих 22] ~ лит. *Ĭммель*; *туяшит* ‘делает’ [глава 8, стих 9] ~ лит. *тĕйяшит*; *сарнья* ‘говорившему’ [глава 12, стих 48] ~

⁹ Из «Правил орфографии и пунктуации саамского языка»: «§2. Буквы *а, ä, я* обозначают краткую гласную фонему [ä] среднего ряда нижнего подъема. (...) §2.2. Буква *ä* передает на письме фонему [ä] после полумягких согласных (*д´, т´, н´*), например: *Кудä* ‘Августа’ (имя собственное), *Матä* ‘Матвейка’ (имя собственное), *таннä* ‘в этом году’, *соанä* ‘саночки’» [Куруч и др. 1995: 8]. Ср. также из «Краткого грамматического очерка саамского языка» Р. Д. Куруч: «...буквы *ä, э* звуковых значений не имеют, они указывают на то, что предшествующие им согласные буквы *д, т, н* обозначают соответствующий полумягкий звук: *соанä* [соан’ä] ‘санки’, *оаннэ* [оанн’э] ‘носить’, *пуэдтэ* [пуэд т’э] ‘прийти’ и т. п.» [Куруч 1985: 529].

лит. *с̄аррн̄ье*; *суэхп̄ьюв олгус* ‘извергается вон’ [глава 15, стих 17] ~ лит. *суэхп̄ьюв олкэс*; *еальед* ‘воскреснуть’ [глава 16, стих 21] ~ лит. *яллье*; *л̄ийин* ‘были’ [глава 12, стих 3] ~ лит. *лийен̄ь*; *райя* ‘до’ [глава 1, стих 17, 25] ~ лит. *райя*.

В [Genetz 1878] встречается дореволюционная кириллическая буква *i* («*i* десятиричное»), которая не представлена в алфавите современного литературного саамского языка. Проанализированный нами материал памятника позволяет утверждать, что эта буква используется в [Genetz 1878] по правилам, очень близким к дореволюционным, т. е. перед гласными и *й*¹⁰:

н̄ийт ‘дочь’ [глава 9, стих 18] ~ лит. *н̄иййт*;

н̄ий ‘возложи’ [глава 9, стих 18] ~ лит. *н̄ий*;

ий линче в̄ерханч ‘не соблазнится’ [глава 11, стих 6] ~ лит. *эллинче в̄ерха*;

ийиди ‘провел ночь (ночевал)’ [глава 21, стих 17] ~ лит. *выгэ ый*;

п̄иям ‘положу’ [глава 22, стих 44] ~ лит. *п̄ия*;

иельий ‘живых’ [глава 22, стих 32] ~ лит. *ēллье*;

с̄ивньдессе ‘во тьму’ [глава 22, стих 13] ~ лит. *с̄еввьнессе*;

iorpэб ‘упадут’ [глава 15, стих 14] ~ лит. *еррэв авта*;

Иуда ‘Иуда’ [глава 13, стих 55] ~ лит. *Иуда*;

іткс̄ийн ‘на улицах’ [глава 11, стих 19] ~ лит. *ētткс̄энь*.

Буква *ë* в [Genetz 1878] не встречается.

Для саамского языка характерны сочетания гласных:

а) сочетание *oa*: *поаккань* ‘пояс (кожаный)’ [глава 3, стих 4] ~ лит. *пуэгень*; *поачк* ‘беги’ [глава 2, стих 13] ~ лит. *пойчкэ* ‘убежать, бежать’; *поат* ‘приходит’ [глава 3, стих 1] ~ лит. *п̄одтал*; *соаңай* ‘вошел’ [глава 21, стих 12] ~ лит. *суаңэ*. В этих случаях сочетание *oa* в анлауте памятника соответствует сочетаниям разных графем в современном диалекте: диал. *oa* ~ лит. *уэ, оā, õ, уа*;

б) дифтонги — «сочетание двух гласных, произносимых как один слог» [Керт 1971: 68]. Г. М. Керт выделяет в кильдинском диалекте семь дифтонгов: два восходящих ([ua], [ue]) и пять нисходящих ([ai], [ei], [ji], [oi], [âi])¹¹ [Керт 1971: 68].

В восходящих дифтонгах роль слогаобразующего элемента играет второй компонент, ср. примеры для *уэ*: *куэсь* ‘когда’ [глава 5, стих 1] ~ лит. *куэсьсь*; *суэне* ‘кроткие’ [глава 5, стих 5] ~ лит. *суэньсь*; *чуэв* ‘светит’ [глава 5, стих 15] ~ лит. *чуэв*; *пуэтин* ‘(они) принесли’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *пыххьтэнь*.

Дифтонг *ua* в первом слоге в [Genetz 1878] не встречается.

В нисходящих дифтонгах роль слогаобразующего элемента играет первый компонент. По результатам акустических исследований, проведенных Г. М. Кертом, вторым компонентом нисходящих дифтонгов является «очень закрытое *i*, которое приближается к полугласному *j*. В односложных и двусложных словах, имеющих парадигму, т. е. в именах существительных и глаголах, этот звук ведет себя в структуре слова как согласный. В парадигме слова он участвует в чередованиях как согласный» [Керт 1971: 69].

Дифтонги, которые встречаются в [Genetz 1878]:

[ai]: *майкем* ‘погубить (хочет)’ [глава 2, стих 13] ~ лит. *майкемь* ‘для погубели (чтобы погубить)’;

[ei]: *мэйт* ‘что’ [глава 1, стих 24] ~ лит. *мэйт*; *тэй* ‘те’ [глава 3, стих 1] ~ лит. *тэйт*; в абсолютном начале и первом слоге не встретился;

[ji]: в начале слова и в первом слоге не встретился;

[oi]: в анлауте только двух слов: *ойкын* ‘повергли’ [глава 15, стих 30] ~ лит. *ойкьен̄ь*; *койн* ‘котопрые’ [глава 4, стих 24] ~ лит. *кõйн*;

[âi]: *майнест* [глава 16, стих 11] ~ лит. *моинэсьт* ‘рассказал’;

в) трифтонг [uei]

Трифтонг [uei] является восходяще-нисходящим¹² и встречается в [Genetz 1878], как и в современном диалекте, в односложных словах как после согласных, так и в абсолютном начале слова: *гуэйк* ‘для, за’ [глава 5, стих 3] ~ лит. *гуэйк*; *уэйбеттед* ‘можете’ [глава 12, стих 34] ~ лит. *вуэйбэдтэ*; *уэйвест* ‘на голове’ [глава 10, стих 30] ~ лит. *вуэйв альн*.

¹⁰ Личное сообщение И. Б. Иткина.

¹¹ Г. М. Керт выделяет в саамском языке аллофон фонемы [a], которого нет в русском языке, и определяет его как «гласный [â] заднего ряда, низкого подъема, несколько выдвинутый вперед, огубленный», «фонологически может быть кратким и долгим», встречается в абсолютном начале слова и в первом слоге, например: *årre* ‘сидеть’ (ср.: *oarrэ*), *påge* ‘в сторону’ (ср.: *поåгэ*) [Керт 1971: 68].

¹² Личное замечание И. Б. Иткина; Г. М. Керт относит трифтонг [uei] к нисходящим [Керт 1971: 70].

Последний компонент у нисходящих дифтонгов может быть кратким и долгим [Керт 1971: 70]. В [Genetz 1878] долгота дифтонгов не отмечена, в отличие от современного диалекта.

Изучение графических особенностей Евангелия от Матфея показывает, что в [Genetz 1878] для передачи гласных звуков используются буквы *i, u, ы, y, э, а, о*. Современная вокалическая система кильдинского диалекта представлена 12 гласными фонемами [Костина 2007: 49]:

Подъем	Ряд					
	передний		смешанный		задний	
	огубленный	неогубленный	огубленный	неогубленный	огубленный	неогубленный
Высокий		i ī		i ī		u ū
Средний		e ē				o ō
Низкий				a ā		

Таким образом, алфавит, использованный в [Genetz 1878], имеет значительные отличия от алфавита современного саамского языка.

3. Особенности записи гласных звуков в [Genetz 1878] и их отличия от современной литературной нормы

В центре нашего внимания — гласные в анлауте, для описания употребления которых выбрана лексика, имеющая параллели в SSA [SSA I, II, III] или в словаре Лехтиранты [Lehtiranta 1989] по саамским диалектам.

3.1. Употребление гласной *a* в первом слоге

a в соответствии с лит. *a* (*ā*):

в абсолютном начале слова

ачь ‘отец’ [глава 3, стих 9; глава 6, стих 4, 6, 8, 9, 15, 18; глава 12, стих 25, 26; глава 15, стих 13; глава 18, стих 35] ~ лит. *аджь* (также и в других словоформах) < ПСаам **ε̄cē* [LW: 129] ~ фин. *isä* < ФУ **ičä* [UEW: 78]

в первом слоге

кавцант ‘восемь’ [глава 8, заголовок] ~ лит. *кāхцант* < ПСаам **kākcē* [LW: 342]; фин. *kahdeksan* < ФВ **akta-* + **e-k-sā-n* [SSA I: 271; UEW: 643]

парна ‘дети’ [глава 10, стих 21] ~ лит. *пāррнэ* (также и в других словоформах); **pārñē* ‘poika, lapsi’ [LW: 4783] < skand. (NL) [Lehtiranta 1989: 98, 895]

касвант ‘лицо’ [глава 6, стих 17] ~ лит. *кāсв*; lp Lu *kasvō* (Kld T) ‘kasvot’ < фин. *kasvaa* [SSA I: 326]

чальм ‘око’ [глава 6, стих 22] ~ лит. *чалльм*; *чальме* ‘глаза’ Nom [глава 9, стих 30] ~ лит. *чальм*; но в парадигме: *чельмийдис* ‘очи’ [глава 13, стих 15; глава 17, стих 8] ~ лит. *чильметб̄*; *чельмий гуэйм* ‘глазами’ [глава 13, стих 15] ~ лит. *чильмегуэйм* < ПСаам **čelmē* ‘silmä’ [LW: 464] ~ фин. *silmä* [Lehtiranta 1989: 20, 110] < ПУ **šilmä* [UEW: 479]

лампас ‘овцы’ [глава 9, стих 36] ~ лит. *лāммпас* (также и в других словоформах); фин. *lammas* < germ **lambaz-* (lpN *labbes* (Lu In) ‘karitsa’ [SSA II: 42])

в дифтонге

айдайн ‘оградил’ [глава 21, стих 33] ~ лит. *āййтэй*, lp N *ai'de* (In Ko Kld) ‘aita’ < фин. *aita* [SSA I: 60]

лайх ‘дар, подарок’ [глава 5, стих 23, 24; глава 8, стих 4] ~ лит. *лāйхь* (также и в других словоформах); фин. *lahja* < sk **blahja* < germ **blahjōn* ‘liinavaate’ [SSA II: 35]

a в соответствии с лит. *oa* (*oā*):

в абсолютном начале слова

асгийт ‘одежды’ [глава 6, стих 25] ~ лит. *oāсскэдтэ* (также и в других словоформах) < **vārjō* ‘vaate’ [LW: 8443] < skand. (NL) [Lehtiranta 1989: 144, 1358]

в первом слоге

пак ‘злые’ [глава 7, стих 11] ~ лит. *поāссяй*; lpN *bāha* (E Pi Lu In) ‘paha’, In *paā* (Ko Kld), lp N *buošše* (E U Pi Lu In Ko Kld) < фин. *paha* < germ. **bāga-* [SSA II: 286]

ни камгийт ‘ни обуви’ [глава 10, стих 10] ~ лит. *ни коаммгэтб̄* (также и в других словоформах), ср.: *коаммэ* ‘канги, саамская летняя кожаная обувь; обувь’ < ПСаам **kāmteḱ* ‘kenkä’ [LW: 2104]; фин. *kengät*; морд. *кете* [Lehtiranta 1989: 44, 357]

капкес ‘жену’ [глава 1, стих 24] ~ лит. *ко̃бпкэсь* < ПСаам **kāpek* ‘nainen’ [LW: 2123] ~ фин. *kave* [Lehtiranta 1989: 46, 362]

a в соответствии с лит. *ы*:

лавлэм ‘мы пели’ [глава 11, стих 17] ~ лит. *лыветьемь*, lp *law'lot* ‘laulaa’ < фин. *laulaa* ‘петь’ [SSA II: 54]

a в составе дифтонга *ай* в соответствии с лит. *уа*:

вайвант ‘голову’ [глава 6, стих 17] ~ лит. *вуайвант* (также и в других словоформах), но *уйвинант* ‘головой (не клянись)’ [глава 5, стих 36] ~ лит. *вуайвант*; *уйвийн* ‘воеводство’ [глава 2, стих 6] ~ лит. *вуйве* < ПСаам **ōjvē* ‘pää’ [LW: 4551], фин. *oiva* [Lehtiranta 1989: 92: 822] < ПУ **ojwa* [UEW: 336].

Таблица 1

Соответствия *a* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>a</i>	<i>a</i>	* <i>e</i>
	<i>ā</i>	* <i>ā</i>
	<i>oa</i> (<i>oa</i>)	* <i>ā</i>
	<i>ы</i>	
<i>ай</i>	<i>уай</i>	* <i>ōj</i>

Всего в памятнике мы выделили 197 лексем и 298 словоформ, содержащих *a* в первом слоге.

3.2. Употребление гласной *и* в первом слоге

и в соответствии с лит. *и* (*ī*):

в абсолютном начале слова

Иммель ‘Бог’ [глава 1, стих 22] ~ лит. *Йммель*, lp (*j*)*ibmel*, Lu *jurmēl*, фин. *Jumala, joma, -la* [SSA I: 247]
инк ‘душа’ [глава 12, стих 18] ~ лит. *йнук*; фин. *henki* ‘henkäys, hengitys (ilma); elo; sielu; henkiolento, aave; henkilö’; lp *hæg'gā* ‘henki, sielu; ruumis; kohtu; henkilö’ [SSA I: 156] < ПСаам **ēnkē* ‘henki’ [LW: 1311] < фин. *henki* (SKES) [Lehtiranta 1989: 32, 235]

ин ‘глас’ [глава 2, стих 18; глава 3, стих 3] ~ лит. *инн* (также и в других словоформах) < ПСаам **jēne* ‘ääni’ [LW: 1737], фин. *ääni* [Lehtiranta 1989: 36, 267] < ФУ **āne* [UEW: 25]

иджес ‘свой’ [глава 10, стих 21] ~ лит. *йжесь* (также и в других словоформах), саам. *jieš*, In *jieč* ‘itse’ < ПСаам **jēče* [LW: 1601], фин. *itse* [Lehtiranta 1989: 36, 264; SSA I: 230]

в первом слоге

тивтас ‘полный, совершенный’ [глава 5, стих 48] ~ лит. *тйвтас*; *тивтэ* ‘наполнился’ [глава 13, стих 48] ~ лит. *тйвтэ*, lp Ко *tieuda* (Kld T) ‘täysi’ < ПСаам **tēvtē* [LW: 1263], фин. *täysi* ‘voll’ < ФУ **tāwde* (**tālkV*) [SSA III: 358; UEW: 518]

минест ‘у нас’ [глава 3, стих 9] ~ лит. *мйнэнтэ*; но: *минэ милът* ‘за мною’ [глава 10, стих 38] ~ лит. *мун мйллътэ*, lp N *mī, mij* (Pi Lu In Ko Kld T) (*-*j* *-*n* *-*η*), фин. *me* [SSA II: 156] < ФУ **mE* [UEW: 294]

виль ‘брат’ [глава 5, стих 23] ~ лит. *вйльй* (также и в других словоформах) < ПСаам **vēlje* ‘veli’ [LW: 8677], фин. *veli* [Lehtiranta 1989: 148, 1398] < ФУ **welje* [UEW: 567]

вильгийт ‘долги’ Асс [глава 6, стих 12] ~ лит. *вйлькэтэ*, lp N *væl'ge* (U Pi Lu In Ko Kld T) ‘velka’ < фин. *velka* [SSA III: 424]

титтин ‘узнали’ [глава 14, стих 35] ~ лит. *тйдбхемтэ*; lp *diettet* ‘tietää’, N *dietto* (R In Ko T) ‘tieto’ [SSA III: 289] < ПСаам **tētē* ‘tietää’ [LW: 7901] < фин. *tietää* [Lehtiranta 1989: 136, 1262]

тинийт ‘вас’ Асс [глава 4, стих 19] ~ лит. *тйнэнтэ*, lp N *dī, dij* (Pi Lu In Ko Kld T); фин. *te* [SSA III: 278] < ФУ **tE* [UEW: 539]

тиврас ‘здоровые’ [глава 9, стих 12] ~ лит. *тйрвас*; lp In *dæærvás* (In Ko Kld T) [SSA III: 286]; фин. *terve* > lp In [SSA III: 286]; см. ФУ этимологию в [SSA III: 286]

кильдй ‘запретил’ [глава 12, стих 16] ~ лит. *кйльтэ*, lp *giel'det* ‘kieltää’ < фин. *kieltää* [SSA I: 354]

миккэд ‘продать’ [глава 18, стих 25] ~ лит. *мйгкэ*, lp Ко *miękkad* (Kld T) < ПСаам **mēke*, фин. *myydä* [Lehtiranta 1989: 76, 663; SSA II: 189] < ФУ **miye* [UEW: 275] < ПУ **mexi-* [Janhunen 1977: 91]

кирший ‘претерпевший’ [глава 10, стих 22] ~ лит. *кйрриэй*, lp *gier'dât* ‘kärsiä, kestää’, фин. *kärsiä* [SSA I: 478] < ФВ **kārte* [UEW: 652]

и в соответствии с лит. *ы*:

кирькит ‘книжник’ [глава 13, стих 52] ~ лит. *кыррьхей*, lp N *gir’je* ‘kirja, kirje; täplä’ [SSA I: 369] < ПСаам **kirjē* ‘täplä; kirja’ [LW: 2365] < фин. *kirja* [Lehtiranta 1989: 50, 413]

сизн ‘в, внутрь’ [глава 4, стих 13] ~ лит. *сыз*, lp *sisā* ‘sisään, sisälle’, N *sis’te* (E U Pi Lu In Ko) < фин. *sisä-* [SSA III: 188]

лишк ‘тело’ Nom [глава 6, стих 22] ~ лит. *лышишк* ? < фин. *liha*; lp *lii’ke* ‘(ihmisen) iho; (Ko Kld T myös) ruumis liha (hengen vastakohtana)’ [SSA II: 72]

пиннее ‘пастухи’ [глава 8, стих 33] ~ лит. *пынней*; ср. lp N *baimân* ‘sielun (paimen)’ < фин. *paimen* < балт., литовск. *pietud* ‘paimen’ [SSA II: 289]

шиллед ‘уловить’ [глава 22, стих 15] ~ лит. *шылле*, lp N *sālāš* (Lu In) ‘saalis’ < фин. *saalis* [SSA III: 138].

Таблица 2

Соответствия *и* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>и</i>	<i>ī</i>	* <i>ē</i> , * <i>jē</i> , * <i>ē</i>
	<i>и</i>	* <i>jē</i>
	<i>ы</i>	* <i>i</i>

Всего в памятнике мы выделили 74 лексемы и 188 словоформ, содержащих *и* в первом слог.

3.3. Употребление гласной *о* в первом слог

о в соответствии с лит. *о* (*ō*):

в абсолютном начале слова

олгус ‘вон, наружу’ [глава 21, стих 39] ~ лит. *олкэс*, N *ol’go -lg-* ‘the outside world’ < ПСаам **olkō* [Lehtiranta 1989: 90], фин. *ulko* < ФП **ulkV* [SSA III: 370; UEW: 803]

в первом слог

толле ‘в огонь’ [глава 3, стих 10] ~ лит. *тōлле* (также и в других словоформах); lp N *dollā* ‘tuli; nuotio; salama’ [SSA III: 323] < ПСаам **tolē* ‘tuli’ [LW: 7914], фин. *tuli* [Lehtiranta 1989: 136, 1266] < ПУ **tule* [UEW: 535]

о в соответствии с лит. *оа*:

коль ‘золото’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *коалль* < **kollē* ‘kulta’ [LW: 2530], фин. *kulta* < сканд., ср. др.-исл. *goll* [Lehtiranta 1989: 54, 443; SSA I: 432]

лоньде ‘птицы’ [глава 13, стих 4] ~ лит. *лоаньт*; но: *лоньдй элэ* ‘на птиц’ [глава 6, стих 26] ~ лит. *лоньтэ эл* < ПСаам **lontē* ‘lintu’ [LW: 3136], фин. *lintu* [SSA II: 80]

коммердин юэлка ‘(они) поклонились’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *коаммьрень* < ПСаам **komērtē* ‘kumartaa’ [LW: 2543] < фин. *kumartaa* [Lehtiranta 1989: 54, 446]

Таблица 3

Соответствия *о* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>о</i>	<i>ō</i>	* <i>o</i>
	<i>o</i>	* <i>o</i>
	<i>оа</i>	* <i>o</i>

Всего в памятнике мы выделили 72 лексемы и 213 словоформ, содержащих *о* в первом слог.

3.4. Употребление *о* в буквосочетании *оа* в первом слог:

поалт ‘сожжет’ [глава 3, стих 12] ~ лит. *пуалт* < ПСаам **pōlē* / **pōltē* ‘polttaa’ [LW: 5310], фин. *polttaa* [Lehtiranta 1989: 106, 973] < ФВ **pała* [UEW: 352]

ноайт-олмо ‘волхвы’ [глава 2, стих 1] ~ лит. *нуэййт*, *нōййт*, lp N *noai’de* ‘tietäjä, noita’, *noai’dot* ‘noitua, loitsia, taikoa’ < ПСаам **nōjtē*; фин. *noita* < ФУ **nojta* [SSA II: 227; UEW: 307—308].

Соответствия *oa* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>oa</i>	<i>ō</i>	
	<i>ya</i>	* <i>ō̄</i> , * <i>ā̄</i>
	<i>yä</i>	* <i>ā̄</i>

Всего в памятнике мы выделили 5 лексем и 18 словоформ, содержащих *oa* в первом слоге.

3.5. Употребление гласной *y* в первом слоге

y в соответствии с лит. *ȳ* (*y*):

вунт ‘волосы’ [глава 10, стих 30] ~ лит. *в̄унт* < ПСаам **vōpte* ‘tukka’ [LW: 8757], фин. *hapsi* (gen. *hapsen*) ‘волосы’ [Lehtiranta 1989: 154, 1455] < ПУ **apte* [UEW: 14]

кухт ‘два’ [глава 4, стих 21] ~ лит. *к̄ухт*, lp N *guok'te* < ПСаам **kōktē* ‘kaksi’ [LW: 2880], фин. *kaksi* [Lehtiranta 1989: 60, 509] < ФУ **kakta* ~ **käktä* [UEW: 118]

куль-шиллей ‘рыболов’ [глава 4, стих 18] ~ лит. *к̄ульшиллей* < ПСаам **kōlē* ‘kala’ [LW: 2886], фин. *kala* [Lehtiranta 1989: 60, 511] < ФУ **kala* [UEW: 119]

куллай ‘слышен’ [глава 2, стих 18] ~ лит. *к̄уллай*, lp N *gullât* ‘kuulla’ [SSA I: 456] < ПСаам **kule* ‘kuulla’ [LW: 2781], фин. *kuulla* [Lehtiranta 1989: 492] < ПУ **kule* [UEW: 197]

туешей олмунч ‘трудящийся’ [глава 10, стих 10] ~ лит. *т̄ӯй̄шэй̄*; фин. *työ* < герм. **tōwa-* [SSA III: 352]

y в соответствии с лит. *v̄ȳ*:

устий ‘купил’ [глава 13, стих 46] ~ лит. *в̄ӯсьтэ* < ПСаам. **ōstē* ‘ostaa’ [LW: 4595], фин. *ostaa* [Lehtiranta 1989: 94, 849] < ФУ **wosa* [UEW: 585]

В начале слова протеза перед гласной *y* в памятнике не встречается; ее отсутствие носит систематический характер и в неисконных словах: *уттин* ‘(они) спали’ [глава 13, стих 25] ~ лит. *в̄ўдтэн̄ь*, в то же время для современного диалекта явление протезы перед гласной *y* характерно.

Использование буквы *y* в анлауте связано с употреблением дифтонга [уэ] в той же позиции в [Genetz 1878]; в то же время, по замечанию Г. М. Керта, «ни в начале, ни в конце слова дифтонг уэ не встречается» [Керт 1971: 69]. В [Genetz 1878] протеза перед дифтонгом не встречается: *Уэньтрей* ‘Андрея’ Асс [глава 4, стих 18] ~ лит. *Вуэньтре*; *уэсьтханна* ‘даром’ [глава 10, стих 8] ~ лит. *вуэсьтханна*. Можно предположить, что в [Genetz 1878] представлено более раннее фонетическое состояние кильдинского диалекта.

y в составе дифтонга уэ в соответствии с лит. *ы*:

пуэхтин ‘(они) принесли’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *пыххьтэн̄ь* < ПСаам **pōktē* ‘noutaa, tuoda’ [Lehtiranta 1989: 108, 993]

y в составе дифтонга уэ в соответствии с лит. уэ:

вуэста ‘в ответ, на’ [глава 4, стих 4; глава 5, стих 23] ~ лит. *вуэссма*; фин. *vastata*, lp N *vas'tedit* (E U Pi Lu In Ko) ‘vastata’, *vas'tadus* (E U Pi Lu) ‘vastaus’ < фин. [SSA III: 417] < ПСаам **vāstētē* ‘vastata’ [LW: 953, 8464b] < фин. *vastata* (SKES) [Lehtiranta 1989: 146, 1363]

суэхне ‘брось’ [глава 18, стих 9] ~ лит. *суэхн* < ПСаам **sōppō* ‘heittää’ [LW: 7170; Lehtiranta 1989: 128, 1185]

y в составе трифтонга уэй в соответствии с лит. *вуэй* (*вуай*, *в̄ўй̄*, *вуэй̄й̄*):

уэйве ‘голову’ [глава 14, стих 8] ~ лит. *вуэйв*; но: *ӯй̄винант* ‘головой (не клянись)’ [глава 5, стих 36] ~ лит. *вуайвант*; *ӯй̄в̄ий̄н* ‘воеводств’ [глава 2, стих 6] ~ лит. *в̄ўй̄ве* < ПСаам **ōjvē* ‘голова’ [LW: 4551] ~ фин. *oiva* (SKES) [Lehtiranta 1989: 92, 822]

ӯй̄нахтемвудэ ‘немощи’ Nom Pl [глава 4, стих 24] ~ лит. *вуэй̄й̄е* ‘мочь, смочь, быть в состоянии’; lp N *vuoi'bme* (Lu In) ‘мощность’ и отдельно Ko *vojtā* < фин. *voima* ‘сила’ [SSA III: 468]

ӯй̄бетмед ‘можете’ [глава 12, стих 34] ~ лит. *вуэй̄й̄бэдтэ* < ПСаам **voajē*; фин. *voida* [SSA III: 467].

Соответствия у в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСам (Лехтиранта)
у	ӯ	*ō
	у	*u
	вӯ	*ō
уэ	уэ	*ō, *ā
	ы	*ō
уэй	вуэй	*ōj
	вуэйй	*voaj
уй	вуай (вуй)	*ōj

Всего в памятнике мы выделили 42 лексем и 122 словоформы, содержащие у в первом слог.

3.6. Употребление гласной ы в первом слог

ы в соответствии с лит. ы:

ыштій ‘(он) сел’ [глава 13, стих 2] ~ лит. **ыштэ** (также и в других словоформах), Lp In *ištađ* (Ko Kld T) ‘istuutua’ < фин. *istu-* [SSA I: 229]

сыз ‘в, внутрь’ [глава 2, стих 22] ~ лит. **сыз** < фин. *sisällä* [SSA 3: 189]

вын-айдэ ‘виноградника’ [глава 20, стих 8] ~ лит. **выннбайт** < фин. *viini* < nr *vin* ‘viini’ < lat [SSA III: 443]

міер-рынмест ‘в приморском’ [глава 4, стих 13] ~ лит. **мёрр рынтэсьт** (лит. саам. *рыннт* ‘берег’) < ПСам ***rāntē** ‘ranta’ [LW: 2026] ~ фин. *ranta* (SKES) [Lehtiranta 1989: 44, 359] < germ (ksk) *strandā* [SSA 3: 48].

Соответствия ы в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСам (Лехтиранта)
ы	ы	

Всего в памятнике мы выделили 15 лексем и 33 словоформы, содержащие ы в первом слог.

3.7. Употребление гласной э в первом слог

э в соответствии с лит. э (э):

в абсолютном начале слова

эньтиш ‘(они) дали’ [глава 14, стих 11] ~ лит. **эньтэнь** < ПСам ***entē** ‘antaa’ [LW: 10] < фин. *antaa* (SKES) [Lehtiranta 1989: 10, 19]

эдэйиш ‘с их отцом’ [глава 4, стих 21] ~ лит. **сйн эжень** < ПСам ***ečē** [LW: 129], фин. *isä* [Lehtiranta 1989: 10, 2] < ФУ ***icä** [UEW: 78]

в первом слог

нэмэ ‘имя’ Асс [глава 1, стих 21] ~ лит. **нэм**; Lp N *nātmā* ‘nimi’ < ПСам ***neņe** [LW: 4066], фин. *nimi* [Lehtiranta 1989: 80, 702] < ФУ ***nime** [UEW: 305]

кэджий ‘(он) спрашивал’ [глава 2, стих 4] ~ лит. **кэже**; Lp N *gāččāt* ‘kysyä, kysellä’ < ПСам ***kečē** [Lehtiranta 1989: 40—41], фин. *kysyä* [SSA I: 466]

мэний ‘(он) прошел’ [глава 4, стих 24] ~ лит. **мэнэ** < ПСам ***meņe** ‘mennä’, фин. *mennä* [Lehtiranta 1989: 72, 636] < ФУ ***mene** [UEW: 272]

вэнс ‘лодка’ [глава 14, стих 24] ~ лит. **вэнс** < ПСам ***veņes** ‘vene’ [LW: 8338], фин. *vene* [Lehtiranta 1989: 142, 1331] < ФВ ***wene-še** [UEW: 819]

кэлм ‘холодный’ [глава 10, стих 42] ~ лит. **кэлм**; Lp N *gālmās, gālbmā* ‘kylmä’ < ПСам ***kelmē** [Lehtiranta 1989: 307], фин. *kylmä* [SSA I: 462] < ПУ ***külmä** [UEW: 663]

кэльвий ‘(он) сеял’ [глава 13, стих 4] ~ лит. **кэвье**; Lp In *gil'vet* (Lu) ‘kylvää’ < фин. *kylvää* [SSA I: 463]

іеб пэзэ ‘не умывают’ [глава 15, стих 2] ~ лит. **ев пэзэ**; Lp *bāssāt* ‘pestä’, фин. *pestä* < герм. ***bes-man-** [SSA II: 343]; ***pešē** ‘pestä’ [LW: 4694] ~ фин. *pestä* (SKES) [Lehtiranta 1989: 96, 865]

вэр ‘кровь’ Nom [глава 16, стих 17] ~ лит. **вэрр** < ПСам ***veře** [LW: 8638], фин. *veri* [Lehtiranta 1989: 142, 1335] < ФУ ***wire** [UEW: 576]

пэ́лв ‘облако’ [глава 17, стих 5] ~ лит. *пэ́влл*; *пэ́лвест* ‘из облака’ [глава 17, стих 5] ~ лит. *пэ́влэсьт*, *lp bál'va* ‘pilvi’ < ПСаам **peļve* [Lehtiranta 1989: 858], фин. *pilvi* [SSA II: 367] < ФУ **pilwe* [UEW: 381].

Таблица 7

Соответствия э в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
э	э̄	* <i>ē</i>
	э	* <i>ē</i>

Всего в памятнике мы выделили 44 лексем и 116 словоформ, содержащих э в первом слоге.

3.8. Употребление графемы *e* в первом слоге

e в соответствии с лит. *ē*:

лейп ‘хлеб’ Асс [глава 6, стих 11] ~ лит. *лэйп* (также и в других словоформах); но: *лэйбин* ‘хлебом’ [глава 4, стих 4] ~ лит. *лэйпенб̄*; фин. *leipä*; *lp N lai'be* (E Pi Lu) id. (возможно, < ksk); *lp In lejbi* (Ko Kld T) id. < фин. [SSA II: 60]

e в соответствии с лит. э (э̄):

шегий эвтэ ‘перед свиньями’ [глава 7, стих 6] ~ лит. *шеге эввьтэ*; но: *шаккед* (*чуццо*) ‘(стадо) свиней’ [глава 8, стих 30] ~ лит. *шеге* (*чуэз*), *lp N murt. sokke* (In Ko Kld T) ‘sika’ < фин. *sika* [SSA III: 179]

шенътин ‘(они) родились’ [глава 19, стих 12] ~ лит. *шэньтэньб̄*; ср. *шэндий* ‘(он) родился’ [глава 1, стих 16; глава 2, стих 1] ~ лит. *шэнтэ*; *шэнтмуш* ‘рождество (букв. ‘рождение’)’ Nom [глава 1, стих 18] ~ лит. *шэнтмуши* < ПСаам **šente* [LW: 7249] < фин. *syntyä* < ФУ **sente* [UEW: 439; SSA III: 231].

Таблица 8

Соответствия *e* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>e</i>	э̄	
	э (э̄)	* <i>ē</i>

3.9. Употребление *e* в буквосочетании *ea* в первом слоге

ea в соответствии с лит. *ĕ* (ē):

еалмушише ‘в жизнь’ III [глава 18, стих 9] ~ лит. *ĕлла* III; фин. *elämä*; = *lp ællem* ‘жизнь’ [SSA I: 103]

еаннант ‘мать’ Асс [глава 15, стих 4] ~ лит. *ēннб̄*; *еанна* ‘матери’ III [глава 15, стих 5] ~ лит. *ĕнна*; но *иннийнис* ‘с его матерью’ [глава 2, стих 11, 20] ~ лит. *иннэньб̄*; < ПСаам **ēnnē* ‘мать’ [LW: 870] (vrt. 231?) [Lehtiranta 1989: 32, 232].

Таблица 9

Соответствия *ea* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>ea</i>	ĕ	
	ē	* <i>ē</i>

Всего в памятнике мы выделили 29 лексем и 53 словоформы, содержащих *e* в первом слоге, из которых с буквосочетанием *ea* 7 лексем и 23 словоформы.

3.10. Употребление графемы *ю* в первом слоге

ю в соответствии с лит. *iū* (*ю*):

юльгийнант ‘ногою’ Sg Kom [глава 4, стих 6] ~ лит. *йолькенб̄* (также и в других словоформах); < ПСаам **jōlkē* ‘jalka’ [LW: 1842], фин. *jalka* [Lehtiranta 1989: 38, 292]

юкке ‘всякий, всякое’ [глава 4, стих 4; глава 7, стих 8, 19] ~ лит. *юккэ*, *lp N juokke, juokkē* ‘joka, jokainen (taipumaton)’ [SSA I: 239].

Соответствия ю в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
ю	ю̄	*jō
	ю	

Всего в памятнике мы выделили 9 лексем и 38 словоформ, содержащих ю в первом слоге.

3.11. Употребление графемы я в первом слоге

я в соответствии с лит. *я̄*:

лйин нялкманч ‘(они) взалкали’ [глава 12, стих 1] ~ лит. *нялкама* ‘(они) проголодались’ < ПСаам **nēlkē* ‘nälkä’ [LW: 4143] < фин. *nälkä* [Lehtiranta 1989: 82, 721]

ямьейт ‘мертвым’ III [глава 8, стих 22] ~ лит. *ямьейт* < ПСаам **jātē* ‘kuolla’ [LW: 1661; Lehtiranta 1989: 34, 256].

Соответствия я в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
я	я̄	*ē, *jā

Всего в памятнике мы выделили 14 лексем и 67 словоформ, содержащих я в первом слоге.

3.12. Употребление графемы ie в первом слоге:

ie в соответствии с лит. *e* (*ē*):

в абсолютном начале слова

иен ‘мать’ [глава 1, стих 18; глава 2, стих 13, 14], *иенсес* ‘с матерью’ [глава 10, стих 35], *иеннес* ‘мать (Асс)’ [глава 10, стих 37] ~ лит. *енн* < ПСаам **ēnpē* [LW: 870; Lehtiranta 1989: 32, 232], фин. *enää* < ФУ **enä* [UEW: 74]

лянч иелмен ‘будет жива’ [глава 9, стих 18] ~ лит. *алк елле* < ПСаам **ēlē*, фин. *elämä* [SSA I: 103] < ФУ **elä*- [UEW: 73]

в первом слоге

вельк ‘долг’ Асс [глава 18, стих 30] ~ лит. *вельк*; lp N *væl'ge* (U Pi Lu In Ko Kld T) ‘velka’ < фин. *velka* [SSA III: 424]

нейве ‘дни’ [глава 9, стих 15] ~ лит. *нэйв*; lp N *bæi've* < ПСаам **pējvē* [LW: 4834], фин. *päivä* [Lehtiranta 1989: 100, 905] < ПУ **pājwā* [UEW: 360]

нйельлемплогант ‘четырнадцать’ [глава 14, заголовок] / *неллимп-локь* ‘четырнадцать’ [глава 1, стих 17] ~ лит. *нйельлемплогкь*; lp N *njæl'ljē*, *njæl'ljä* ‘четыре’ < ПСаам **nēljē* ‘neljä’ [LW: 4372], фин. *neljä* [Lehtiranta 1989: 80, 720; SSA II: 212] < ПУ **neljä* (**neljä*) [UEW: 316]

ниеннэг ‘псы’ [глава 15, стих 27] ~ лит. *нённэ* < ПСаам **pēņek* ‘koiga’ [LW: 4853], фин. *peni* [Lehtiranta 1989: 100, 911] < ФУ **rene* [UEW: 371]

миер ‘море’ [глава 8, стих 27] ~ лит. *мёрр* < ПСаам **mēre* ‘meri’ [LW: 3828] < фин. *meri* [SSA III: 160]

ie в соответствии с лит. *i* (*ī*):

в абсолютном начале слова

Иеркал ‘Ангел’ [глава 1, стих 24] ~ лит. *Иуукэль* < фин. *enkeli* ‘ангел’ < germ < lat. *angelus* [SSA I: 105]

в первом слоге

тйедчинпед ‘(чтобы) вы знали’ [глава 9, стих 6] ~ лит. *тйедтэмь гуэйке*; lp N *diettēt* ‘tietää’, N *dietto* (R In Ko T) ‘tieto’ [SSA III: 289] < ПСаам **tētē* ‘tietää’ [LW: 7901] < фин. *tietää* [Lehtiranta 1989: 136, 1262]

i в составе дифтонга *ий* в соответствии с лит. *ī ū* (*ū ū ū*):

в первом слоге

лййбин ‘хлебом’ [глава 4, стих 4] ~ лит. *лййпенб*; lp N *lai'be* (E Pi Lu) id.; lp In *lejbi* (Ko Kld T) id. < фин. *leipä* < герм. [SSA II: 60; Lehtiranta 1989: 44, 345]

нийт ‘дочь’ [глава 9, стих 18] ~ лит. *ниийт* < ПСаам **nējte* [LW: 4188], фин. *neiti* [Lehtiranta 1989: 82, 730] < ФУ **nejde* [UEW: 302]

i в составе дифтонга *ий* в соответствии с лит. *ы й* (*ы й й*):

в абсолютном начале слова

ийиди ‘(он) провел ночь (ночевал)’ [глава 21, стих 17] ~ лит. *выгэ ый*; lp *iggjâ* [SSA III: 493]; < ПСаам **ijē* [LW: 1555], фин. *уо* [Lehtiranta 1989: 34, 241] < ФУ **eje* [UEW: 72]

в первом слоге

тии ‘вы’ [глава 8, стих 26] ~ лит. *тыйй*; Lp N *dij* (Pi Lu In Ko Kld T) [SSA III: 278].

Таблица 12

Соответствия *ie* и *ий* в памятнике современному диалекту

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>ie</i>	<i>e (ē)</i>	* <i>ē</i>
	<i>ī</i>	* <i>ē</i>
	<i>и</i>	
<i>ий</i>	<i>ийй</i>	* <i>ēj</i>
	<i>ый</i>	* <i>ij</i>

Всего в памятнике мы выделили 47 лексем и 132 словоформы, содержащие *i* в первом слоге.

Таблица 13

Сводная таблица соответствий гласных памятника и современного диалекта в анлауте

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
<i>a</i>	<i>a</i>	* <i>ē</i>
	<i>ā</i>	* <i>ā</i>
	<i>oa (oa)</i>	* <i>ā</i>
	<i>ы</i>	
<i>ай</i>	<i>уай</i>	* <i>ōj</i>
<i>и</i>	<i>ī</i>	* <i>ē, *jē, *ē</i>
	<i>и</i>	* <i>jē</i>
	<i>ы</i>	* <i>i</i>
<i>o</i>	<i>ō</i>	* <i>o</i>
	<i>o</i>	* <i>o</i>
	<i>oa</i>	* <i>o</i>
<i>oa</i>	<i>ya</i>	* <i>ō, ā</i>
	<i>yэ</i>	* <i>ā</i>
	<i>ō</i>	
<i>y</i>	<i>y</i>	* <i>ō</i>
	<i>y</i>	* <i>u</i>
	<i>вy</i>	* <i>ō</i>
<i>yэ</i>	<i>yэ</i>	* <i>ō, ā</i>
	<i>ы</i>	* <i>ō</i>
<i>yэй</i>	<i>вуэй</i>	* <i>ōj</i>
	<i>вуэйй</i>	* <i>voaj</i>
<i>yй</i>	<i>вуай, вyй</i>	* <i>ōj</i>
<i>ы</i>	<i>ы</i>	
<i>э</i>	<i>ē</i>	* <i>ē</i>
	<i>э</i>	* <i>ē</i>
<i>e</i>	<i>э (ē)</i>	* <i>ē</i>
	<i>ē</i>	
<i>ea</i>	<i>я</i>	
	<i>ē</i>	* <i>ē</i>
<i>y</i>	<i>ю</i>	* <i>jō</i>
	<i>y</i>	

гласная памятника	лит.	ПСсаам (Лехтиранта)
я	я̄	*ē, *jā
ie	e (ē)	*ē
	ī	*ē
	и	
iй	ий̄	*ēj
	ый̄	*ij

4. Выводы

Анализ графических особенностей Евангелия от Матфея показывает, что в [Genetz 1878] представлена та же вокалическая система, что и в современном кильдинском диалекте, однако отсутствует обозначение долготы гласных звуков. Для обозначения гласных звуков в памятнике используются 10 графем: *и, ы, у, э, а, о, е, ю, я, і*.

Протеза перед гласной *у* в памятнике не встречается. Использование буквы *у* в абсолютном начале слова связано с употреблением дифтонга [уэ] в той же позиции в памятнике письменности, что противоречит данным исследования Г. М. Керта¹³. Для памятника нехарактерна протеза перед *у* в составе дифтонга в отличие от современного диалекта. В тексте памятника встречается буква «і десятиричное», которая не представлена в алфавите современного литературного саамского языка. В памятнике она входит в сочетания *ий, ия, ie, io, iу, iэ*. Буква *ё* в памятнике не встречается.

Для саамского языка характерно употребление сочетания гласных *oa*, дифтонгов и трифтонгов. В памятнике можно выделить пять дифтонгов: один восходящий (*уэ*) и четыре нисходящих (*ай, эй, ый, ой*). Дифтонг *ой* встретился в анлауте только двух слов: *ойкын* ‘повергли’ [глава 15, стих 30] ~ лит. *оййкьенъ*; *койн* ‘которые’ [глава 4, стих 24] ~ лит. *койн*. Трифтонг *уэй* является восходящее-нисходящим и встречается в памятнике после согласных, что соответствует его употреблению в современном диалекте: *гуэйк* ‘для, за’ [глава 5, стих 3] ~ лит. *гуэйк*; и в абсолютном начале слова: *уэйбеттед* ‘можете’ [глава 12, стих 34] ~ лит. *вуэйбэдтэ*. Буква *е* в абсолютном начале слов, имеющих соответствия в SSA и в [Lehtiranta 1989], не встретилась, ср. *ескйй* ‘остановилась (стала)’ [глава 2, стих 9] ~ лит. *ескэ*; *Евангели* ‘Евангелие’ [заголовок] ~ лит. *Евангеле*.

Алфавит, использованный в Евангелии от Матфея А. Генетца, имеет значительные отличия от алфавита современного саамского языка.

В Евангелии от Матфея на саамском языке можно выделить ряд особенностей вокализма первого слога, в отношении которых данный памятник отличается от современного кильдинского диалекта, положенного в основу литературного языка:

1. употребление *a* в соответствии с лит. *ā*;
2. употребление *a* в соответствии с лит. *oā* (*oa*);
3. употребление *a* в соответствии с лит. *ы*;
4. употребление *ай* в соответствии с лит. *уай*;
5. употребление *e* в соответствии с лит. *ē*;
6. употребление *e* в соответствии с лит. *э*;
7. употребление *e* в соответствии с лит. *э̄*;
8. употребление *и* в соответствии с лит. *ī*;
9. употребление *и* в соответствии с лит. *ы*;
10. употребление *o* в соответствии с лит. *ō*;
11. употребление *o* в соответствии с лит. *oa*;
12. употребление *у* в соответствии с лит. *ū*;
13. употребление *у* в соответствии с лит. *вū*;
14. употребление *э* в соответствии с лит. *э̄*;
15. употребление *ю* в соответствии с лит. *jū*;
16. употребление *я* в соответствии с лит. *jā*;
17. употребление *ea* в соответствии с лит. *jā*;
18. употребление *ea* в соответствии с лит. *ē*;
19. употребление *уэ* в соответствии с лит. *ы*;
20. употребление *уэй* в соответствии с лит. *вуэй*;

¹³ По данным Г. М. Керта, «ни в начале, ни в конце слова дифтонг *иэ* не встречается» [Керт 1971: 69].

21. употребление *уэй* в соответствии с лит. *вуэйй*;
22. употребление *уй* в соответствии с лит. *вуай* (*вуй*);
23. употребление *оа* в соответствии с лит. *уа*;
24. употребление *оа* в соответствии с лит. *уэ*;
25. употребление *оа* в соответствии с лит. *ō*;
26. употребление *і* в соответствии с лит. *ійй*;
27. употребление *і* в соответствии с лит. *ый*;
28. употребление *іе* в соответствии с лит. *е*;
29. употребление *іе* в соответствии с лит. *ē*;
30. употребление *іе* в соответствии с лит. *й* (*и*).

В *Таблице 13* приведены лишь те соответствия, которые встречаются в лексике, имеющей параллели в SSA и [Lehtiranta 1989]. Всего в памятнике нами выделено 548 лексем и 1278 словоформ, из них 53 лексем и 64 словоформы имеют соответствия в SSA и [Lehtiranta 1989].

Таким образом, Евангелие от Матфея А. Генетца [Genetz 1878] фиксирует устное состояние кильдинского и бабинского диалектов. При анализе диалектных особенностей первого памятника письменности российских саамов и сравнении диалекта памятника с современным литературным диалектом возникает ряд трудностей, связанных с отсутствием необходимых словарей, существованием двойной орфографии в саамском языке, неустоявшейся орфографией современного кильдинского диалекта. Разница в транскрипции, использованной в памятниках письменности 1878 и 1879 гг., не позволяет определить, материал какого памятника отражает состояние диалекта более достоверно. Анализ материала Евангелия от Матфея 1878 г. выявил фонетические, грамматические и лексические отличия диалекта, зафиксированного в памятнике, от литературного кильдинского диалекта. Говорить об орфографических отличиях затруднительно: в Евангелиях от Матфея А. Генетца 1878 и 1879 гг. зафиксирована устная форма бытования кильдинского диалекта, который в то время не имел письменности.

Особого значения для истории создания письменности на саамском языке переводы молитв и Евангелия от Матфея не имели, хотя их появление сыграло важную роль в принятии саамами новой веры. Кроме того, работа над переводами богослужебной литературы для кольских саамов велась эпизодически, в результате чего сегодня мы располагаем только тремя памятниками письменности религиозного содержания на диалектах кольских саамов — это Евангелие от Матфея в переводе финского лингвиста А. Генетца (1878) на кильдинском (главы 1—22) и бабинском (главы 23—28) диалектах, Евангелие от Матфея, переведенное священником К. П. Щеколдиным (1884) на нотозерский диалект (пазрецкий говор), а также написанная им «Азбука...», в которую включены тексты религиозного содержания и молитвы на саамском языке (1895).

В то же время первые памятники письменности религиозного содержания представляют собой ценный материал для изучения истории развития саамского языка и его реконструкции в определенный исторический период.

Сокращения

Языки и диалекты

Е — южный саамский	балт. — балтийский
germ — германский	герм. — германский
In — инари-саамский	др.-исл. — древнеисландский
Kld — кильдинский	литовск. — литовский
Ko — сколт-саамский	морд. — мордовский
lat — латинский	ПСаам — прасаамский
Lp, lp — саамский	ПУ — прауральский
Lu — луле-саамский	саам. — саамский
N — норвежский саамский	сканд. — скандинавский
nr — современный шведский	ФВ — финно-волжский
Pi — пите-саамский	фин. — финский
sk, skand. — скандинавский	ФП — финно-пермский
T — терский саамский	ФУ — финно-угорский

Общие

Acc — аккумулятив (винительный падеж)	Nom — номинатив (именительный падеж)
Gen, gen — генитив (родительный падеж)	Pl — множественное число
id. — тоже, а также	Sg — единственное число
Ill — иллатив (дательно-направительный падеж)	vrt. — обрати внимание
In-El — инессив-элатив (местный падеж)	диал. — диалект, диалектный
Kom — комитатив (совместный падеж)	лит. — литературный
ksk — скандинавского происхождения	совр. — современный

Литература

- Антонова 2014 — Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск, 2014. {Antonova A. Sami-Russian dictionary. Murmansk, 2014.}
- Афанасьева 1985 — Афанасьева Н. Е., Куруч Р. Д., Мечкина Е. И. и др. Саамско-русский словарь / Под ред. Куруч Р. Д. М., 1985. {Afanasyeva N., Kuruch R., Mechkina E. et al. Sami-Russian dictionary. M., 1985.}
- Волков 1996 — Волков Н. Н. Российские саамы: Историко-этнографические очерки. Каутокейно — СПб., 1996. {Volkov N. Russian Sami: historical-geographical essays. Kautokeyno – SPb., 1996.}
- Ермолаев 2009 — Ермолаев Д. А. Русский священник: просветитель, полицейский и медик // Мурманский вестник, 13 октября 2009 г. Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=200910132180>, 2009. {Ermolaev D. Russian priest: educator, policeman and medic // Murmansk Herald, 13th October 2009. Online at <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=200910132180>, 2009.}
- Загребин 1999 — Загребин А. Е. Финны об удмуртах: Финские исследователи этнографии удмуртов XIX — первой половины XX в. Ижевск, 1999. {Zagrebina A. Finns on Udmurts: Finnish researchers of the Udmurt ethnography of the 19th and the first half of 20th cent. Izhevsk, 1999.}
- Зайков 1987 — Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка (фонологическо-морфологическое исследование). Петрозаводск, 1987. {Zaykov P. The Babinsky dialect of the Sami language (a phonological-morphological study). Petrozavodsk, 1987.}
- Кельсиев 1878 — Кельсиев А. И. Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету. М., 1878. {Kelsiev A. A trip to the Laplanders. Letters and preliminary reports to the Committee. M., 1878.}
- Керт 1971 — Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Л., 1971. {Kert G. The Sami language (Kildinsky dialect). L., 1971.}
- Керт 1986 — Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л., 1986. {Kert G. Sami-Russian and Russian-Sami dictionary. L., 1986.}
- Костина 2007 — Костина Г. В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. Апатиты, 2007. {Kostina G. The Sami language in the polylingual and polycultural environment of Kola Peninsula. Apatity, 2007.}
- КС — Кольский Север: Энциклопедический лексикон // <http://lexicon.dobrohot.org/index.php>, 2013. {The Kola North: an Encyclopedical lexicon // <http://lexicon.dobrohot.org/index.php>, 2013.}
- Куруч 1985 — Куруч Р. Д. Краткий грамматический очерк саамского языка // Саамско-русский словарь / Афанасьева Н. Е. и др.; Под ред. Куруч Р. Д. М., 1985. С. 529—567. {Kuruch R. A short grammatical survey of the Sami language // Afanasyeva N., et al. Sami-Russian dictionary. M., 1985. P. 529-567.}
- Куруч и др. 1995 — Куруч Р. Д., Афанасьева Н. Е., Виноградова И. В. Правила орфографии и пунктуации саамского языка. Мурманск—Москва, 1995. {Kuruch R., Afanasyeva N., Vinogradova I. Rules of orthography and interpunction of the Sami language. Murmansk-Moscow, 1995.}
- Лаллукка 2002 — Лаллукка С. Финские исследователи народов коми в XIX в. и их деятельность в финском национальном движении // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья. Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 2002. С. 54—58. {Lallukka S. Finnish researchers of Komi peoples in the 19th cent. and their activity in the Finnish national movement // Komi-Yazva people and historical-cultural heritage of the Kama region.}
- Соловецкий патерик 1991 — Соловецкий патерик. М., 1991. {Solovetsky patericon. M., 1991.}
- Терешкин 2002 — Терешкин С. Н. Йокангский диалект саамского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. {Tereshkin S. Ter Sami dialect: Ph. D. thesis. SPb., 2002.}
- Ушаков 1997 — Ушаков И. Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997. {Ushakov I. Selected works. Vol. 1. Murmansk, 1997.}
- Ушаков 1998 — Ушаков И. Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. Мурманск, 1998. {Ushakov I. Selected works. Vol. 2. Murmansk, 1997.}

- Харузин 1890 — *Харузин Н. Н.* Русские Лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. {*Kharuzin N. Russian Laplanders (Surveys of the past and present lifestyle)*. М., 1890.}
- Чарнолуцкий 1965 — *Чарнолуцкий В. В.* Легенда об олене-человеке. М., 1965. {*Charnoluski V. Legend of deer-man*. М., 1965.}
- Чарнолуцкий 1972 — *Чарнолуцкий В. В.* В краю летучего камня. М., 1972. {*Charnoluski V. In the land of flying stone*. М., 1972.}
- Черняков 1998 — *Черняков З. Е.* Очерки этнографии саамов / Под ред. *Ранталы Л.* Рованиеми, 1998. {*Chernyakov Z. Essays on the Sami ethnography / Ed. Rantala L. Rovaniemi*, 1998.}
- Шеллер 2010 — *Шеллер Э.* Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. 2010. № 2. С. 15—27. {*Sheller E. Situation with the Sami languages in Russia // Science and Business on Murman*. 2010. #2. P. 15-27.}
- Щеколдин 1884 — *Щеколдин К. П.* Господа мій Јисуса Христа Пась Евангеліе Матвеестъ. Саме киле. Архангельск, 1884. {*Schekoldin K. Gospel of our Lord Jesus Christ according to Matthew. In the Sami language. Arkhangelsk*, 1884.}
- Genetz 1878 — *Genetz A.* Махътвеест пась-евангели. Самас. (Евангелие от Матфея (на русско-лопарском языке)). Helsingissa, 1878.
- Genetz 1879 — *Genetz A.* Orosz-lapp nyelvtudományok. Máté evangélioma és eredeti textusok // Nyelvtudományi közlemények, 1, 15. Budapest, 1879.
- Genetz 1891 — *Genetz A.* Kuollan lapin murteidan sanakirja ynnä kielennäytteitä. Wörterbuch der Kola-lappischen Dialekte nebst Sprachproben // Bidrag till kännedom of Finlands natur och folk. Bd. 15. Helsingfors, 1891.
- Itkonen 1958 — *Itkonen T. I.* Koltan-ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.
- Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Lehtiranta 1989 — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.
- LW — *Lagercrantz E.* Lappischer Wortschatz. Lexica Societatis Fenno-Ugricae VI. Helsinki, 1939.
- NL — *Ovigstad J.* Nordische Lehnwörter im Lappischen // Christiania Videnskaps-Selskabs Forhandlingar. 1893, 1.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII. Helsinki, 1955—1981.
- SSA I — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki, 1992.
- SSA II — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. Helsinki, 1995.
- SSA III — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki, 2000.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I—III. Budapest, 1986—1991.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена истории появления первых памятников письменности на диалектах российских саамов, а также вокализму первого слога по данным Евангелия от Матфея 1878 г. в сравнении с современным кильдинским диалектом.

SUMMARY

The article is devoted to the history of the emergence of the first written monuments of the dialects of the Russian Sami and to the first syllable vocalism as it's shown in the Gospel of Matthew of 1878 in comparison with the modern Kildin Sami dialect.

Ключевые слова: первый памятник письменности, вокалическая система, фонетические особенности, гласные первого слога

Keywords: the first written monument, vowel system, phonetic features, vowels of the first syllable

Бакула Виктория Борисовна, Мурманский арктический государственный университет; museum-vs@yandex.ru

Viktoria B. Bakula, Murmansk Arctic State University; museum-vs@yandex.ru

Евангелие от Матфея (1878) как памятник точной фиксации архаического состояния кильдинского саамского языка¹

В своей статье «Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878)» [Бакула 2016] В. Б. Бакула касается очень интересной темы графико-фонетического анализа употребления гласных в первых 22 главах Евангелия от Матфея в переводе финского ученого, лингвиста А. Генетца на саамский язык на кириллице [Genetz 1878]. Как пишет автор статьи, ранее в работах Г. М. Керта [Керт 1971] и Г. В. Костиной [Костина 2007] говорилось об «очень несовершенной транскрипции» текста [Genetz 1878], в которой не обозначались долготы гласных и имелись неточности в обозначении качества согласных («полузвонкие Bp, Dt, Gk обозначаются сочетанием двух глухих согласных»); не отмечались в ней и долгие согласные в сочетании с краткими [Керт 1971: 20].

В. Б. Бакула, рассмотрев употребления графем, обозначающих гласные звуки в Евангелии от Матфея, в соотнесении с данными не только кильдинского, но и других саамских языков и прасаамской реконструкции [Lehtiranta 1989], проанализировав огромный материал (548 лексем и 1278 словоформ), приходит к выводу о следующей системе соответствий:

Таблица 1

**Сводная таблица соответствий гласных памятника [Genetz 1878]
в первом слоге по В. Б. Бакуле**

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
а	а	*e
	ā	*ā
	oa (oa)	*ā
	ы	
ай	уай	*ōj
и	ī	*ē, *jē, *ē
	и	*jē
	ы	*i
о	ō	*o
	o	*o
	oa	*o
oa	ya	*ō, ā
	уэ	*ā
	ō	
у	ū	*ō
	у	*u
	вū	*ō
уэ	уэ	*ō, *ā
	ы	*ō
уэй	вуэй	*ōj
	вуэйй	*voaj
уй	вуай, вūй	*ōj
ы	ы	
э	ē	*e
	э	*e
е	э (ē)	*e
	ē	
ea	я	
	ē	*ē

¹ Настоящая работа выполнена при поддержке грантов РФФ 15-18-00044 (обработка воронинского говора саамского языка) и МД-7005.2015.6 (обработка текста [Genetz 1878]).

гласная памятника	лит.	ПСаам (Лехтиранта)
ю	ю̄	*jō̄
	ю	
я	я̄	*ē̄, *jā̄
ie	e (ē)	*ē̄
	ī	*ē̄
	и	
iй	īйй	*ē̄j
	ый	*ij

Однако при более подробном анализе этимологий оказывается, что ряд соответствий присутствует только в заимствованиях или в дифтонгоидных сочетаниях гласных, которые, видимо, целесообразно рассматривать отдельно.

Например, употребление *a*, *и* в памятнике в соответствии с лит. *ы* встречается только в заимствованиях: *лавлэм* ‘мы пели’ [глава 11, стих 17] ~ лит. *лыветъемь*, норв. *law'lot* < фин. *laulaa* ‘петь’ [SSA II: 54]; *пиннее* ‘пастухи’ [глава 8, стих 33] ~ лит. *пынней*, норв. *baimân* < фин. *raimen* < балт., литовск. *pietiō* ‘пастух’ [SSA II: 289] —

или в дифтонгоидных сочетаниях, ср.:

īййиди ‘провел ночь (ночевал)’ [глава 21, стих 17] ~ лит. *выгэ ый*, норв. *iggjâ* [SSA III: 493] < ПСаам. *ijē, фин. *yö* [Lehtiranta 1989: 34] < ФУ *eje [UEW: 72].

В настоящей статье предлагается рассматривать систему гласных в заимствованиях отдельно, сопоставляя ее с данными по заимствованиям из финского в саамские языки, поэтому ниже они приведены более мелким шрифтом. Гласные графемы, передающие монофтонги и дифтонги в исконной лексике, также проанализированы независимо друг от друга. В итоге был получен следующий результат, который можно представить в виде *Таблицы 2*:

Таблица 2

**Сводная таблица гласных памятника [Genetz 1878]
в первом слоге без учета заимствований**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
<i>a</i>	<i>ā, oā</i>	*ā̄
	<i>a</i>	*ē
<i>э</i>	<i>э, ē</i>	
<i>я</i>	<i>я̄</i>	*jā̄
<i>и</i>	<i>и, ī</i>	*ē̄
	<i>ы</i>	*ī
<i>о</i>	<i>o, ō, oa</i>	*ō
<i>у</i>	<i>ū, vū, ы</i>	*ō̄
<i>у</i>	<i>у</i>	*ū
<i>ю</i>	<i>ю̄, ю</i>	*jō̄
<i>ie</i>	<i>e, ē</i>	*ē̄
<i>ea</i>	<i>я̄</i>	
<i>iй</i>	<i>īйй</i>	*ē̄j
	<i>ый</i>	*ij
<i>вай/уй</i>	<i>вайй/вūй</i>	*ō̄j
<i>уэй</i>	<i>вуэй</i>	*voāj
<i>уэ</i>	<i>уэ</i>	*ō̄
<i>oa</i>	<i>ya</i>	*ō̄/*ā̄
	<i>уэ (ō)</i>	*ā̄

Ниже приведена полная подборка примеров из статьи В. Б. Бакулы с дополненной информацией по праформам по базе [Álgu] и [UEW], разбитых на группы: исконная лексика, ранние заимствования в саамские языки или даже в финно-саамский, слова с монофтонгами и дифтонгами.

1. Употребление графемы а в первом слоге

а в соответствии с лит. а (ā):

ачь ‘отец’ [глава 3, стих 9; глава 6, стих 4, 6, 8, 9, 15, 18; глава 12, стих 25, 26; глава 15, стих 13; глава 18, стих 35] ~ лит. *аджь* < ПСаам. **ęcē* [Lehtiranta 1989: 10], фин. *isä* < ФУ **icä* [UEW: 78];
кавцант ‘восемь’ [глава 8, заголовок] ~ лит. *кāхцант* < ПСаам. **kākcē* [Lehtiranta 1989: 44], фин. *kahdeksan* [SSA I: 271; UEW: 643];
чальм ‘око’ [глава 6, стих 22] ~ лит. *чалльм*;
чальме ‘глаза’ Ном [глава 9, стих 30] ~ лит. *чалльм*;
но в парадигме: *чельмийдис* ‘очи’ [глава 13, стих 15; глава 17, стих 8] ~ лит. *чильметь*; *чельмийгуэйм* ‘глазами’ [глава 13, стих 15] ~ лит. *чильмегуэйм* < ПСаам. **čelmē*, фин. *silmä* [Lehtiranta 1989: 20] < ПУ **šilmä* [UEW: 479].

а в соответствии с лит. оā:

капкес ‘жену’ [глава 1, стих 24] ~ лит. *коāблкэсь* < ПСаам. **kāpek*, фин. *kave* [Lehtiranta 1989: 46].

Заемствования:

парна ‘дети’ [глава 10, стих 21] ~ лит. *пāррнэ* (также и в других словоформах) < ПС **pārnē* < сканд. [Lehtiranta 1989: 98];
касвант ‘лицо’ [глава 6, стих 17] ~ лит. *кāсв* < фин. *kasvaa* [SSA I: 326];
лампас ‘овцы’ [глава 9, стих 36] ~ лит. *лāммпас*, фин. *lammas* < герм. **lambaz-* [SSA II: 42];
айдайн ‘оградил’ [глава 21, стих 33] ~ лит. *āййтэй*, норв. *ai'de* < фин. *aita* [SSA I: 60];
лайх ‘дар, подарок’ [глава 5, стих 23, 24; глава 8, стих 4] ~ лит. *лāйхь* (также и в других словоформах), фин. *lahja* < герм. **blahjōn* [SSA II: 35];
асгийт ‘одежды’ [глава 6, стих 25] ~ лит. *оāсскэдтэ* < ПСаам. **vārjō* < сканд. [Lehtiranta 1989: 144];
пак ‘злые’ [глава 7, стих 11] ~ лит. *поāссяй*, норв. *buošse* < фин. *paaha* < герм. **bāga-* [Lehtiranta 1989: 110; SSA II: 286];
ни камгыйт ‘ни обуви’ [глава 10, стих 10] ~ лит. *ни коаммгэтб* < *коаммэ* ‘каньги, саамская летняя кожаная обувь; обувь’ < ПСаам. **kāteḱ* < фин. *kenkä* [Lehtiranta 1989: 44; SKES: 181];
лавлэм ‘мы пели’ [глава 11, стих 17] ~ лит. *лыввтъемь*, норв. *law'lot* < фин. *laulaa* ‘петь’ [SSA II: 54].

Таблица 3

Соответствия а в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным в исконной лексике

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
а	а	* <i>ę</i>
	ā	* <i>ā</i>
	оā	* <i>ā</i>

2. Употребление графемы э в первом слоге

э в соответствии с лит. ē (э):

эджійнис ‘с их отцом’ [глава 4, стих 21] ~ лит. *сйн эжень* < ПСаам. **ęcē*, фин. *isä* [Lehtiranta 1989: 10] < ФУ **icä* [UEW: 78];
нэмэ ‘имя’ Асс [глава 1, стих 21] ~ лит. *нэм*, норв. *nāmtā* < ПСаам. **neṱe*, фин. *nimi* [Lehtiranta 1989: 80] < ФУ **nime* [UEW: 305];
кэджій ‘спрашивал’ [глава 2, стих 4] ~ лит. *кэже*, норв. *gāččāt* < ПСаам. **keḱe* [Lehtiranta 1989: 40—41], фин. *kuuä* [SSA I: 466];
мэний ‘прошел’ [глава 4, стих 24] ~ лит. *мэнэ* < ПСаам. **teṱe*, фин. *menä* [Lehtiranta 1989: 72] < ФУ **teṱe* [UEW: 272];
вэнс ‘лодка’ [глава 14, стих 24] ~ лит. *вэнс* < ПСаам. **veṱes*, фин. *vene* [Lehtiranta 1989: 142] < ФВ **wene-še* [UEW: 819];

кэлм ‘холодный’ [глава 10, стих 42] ~ лит. *кѣлм*, норв. *gálmás, gálbmâ* < ПСаам. **kēlmē* [Lehtiranta 1989: 307], фин. *kylmä* [SSA I: 462] < ПУ **külmä* [UEW: 663];

вэр ‘кровь’ Nom [глава 16, стих 17] ~ лит. *вѣрр* < ПСаам. **verē* [LW: 8638], фин. *veri* [Lehtiranta 1989: 142, 1335] < ФУ **wire* [UEW: 576];

нэв ‘облако’ [глава 17, стих 5] ~ лит. *нѣвлл, нѣвест* ‘из облака’ [глава 17, стих 5], норв. *bál'va* < ПСаам. **peļve* [Lehtiranta 858], фин. *pilvi* [SSA II: 367] < ФУ **pilwe* [UEW: 381];

иеб нэзэ ‘не умывают’ [глава 15, стих 2] ~ лит. *ев нѣз*, норв. *bássât*, фин. *pestä* [Lehtiranta 1989: 96, 865] < ФВ **pese* [UEW: 729].

Заемствования:

эньтши ‘дали’ [глава 14, стих 11] ~ лит. *Эньтшэнб* < ПСаам. **entē* < фин. *antaa* [Lehtiranta 1989: 10, 19; SSA I: 77];
кэльвий ‘сеял’ [глава 13, стих 4] ~ лит. *кэвље* < фин. *kylvää* [SSA I: 463].

Таблица 4

Соответствия э в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным в исконной лексике

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
э	ĕ	*ē
	э	*ē

3. Использование графемы я в первом слого

я в соответствии с лит. ĩ:

ямейт ‘мертвым’ III [глава 8, стих 22] ~ лит. *ĩмьетб* < ПСаам. **jātē* [Lehtiranta 1989: 34], фин. *jätä-* < ПУ **jata-* [UEW: 89].

Заемствования:

лийн нялкманч ‘взалкали’ [глава 12, стих 1] ~ лит. *нĩлка* ‘проголодались’; *няльм* ‘уста’ Nom [глава 12, стих 34] ~ лит. *нĩльм* < ПСаам. **nēlkē*, фин. *nälkä* [Lehtiranta 1989: 82, 721; SSA II: 251].

Таблица 5

Соответствия я в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным в исконной лексике

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
я	ĳ	*jā (#_)

4. Использование графемы и в первом слого

и в соответствии с лит. ī:

ин ‘глас’ [глава 2, стих 18; глава 3, стих 3] ~ лит. *инн* < ПСаам. **jēne*, фин. *ääni* [Lehtiranta 1989: 36] < ФУ **āne* [UEW: 25];

иджес ‘свой’ [глава 10, стих 21] ~ лит. *ĳжесь*, норв. *jies* < ПСаам. **jēce*, фин. *itse* [Lehtiranta 1989: 36; SSA I: 230] < ПУ **ice* ~ **ise* [UEW: 79];

тивтас ‘полный, совершенный’ [глава 5, стих 48] ~ лит. *тĳвтас, тивтэ* ‘наполнился’ [глава 13, стих 48] ~ лит. *тĳвтэ* < ПСаам. **tēvte*, фин. *täysi* < ФУ **tävde* (**tälv*) [SSA III: 358; UEW: 518];

минест ‘у нас’ [глава 3, стих 9] ~ лит. *мĳнэнб*; но: *минэ мильт* ‘за мною’ [глава 10, стих 38] ~ лит. *мун мĳлльтэ*, норв. *mī, mij*, фин. *me* [SSA II: 156] < ФУ **mE* [UEW: 294];

виль ‘брат’ [глава 5, стих 23] ~ лит. *вĳлльй* < ПСаам. **vēļe*, фин. *veli* [Lehtiranta 1989: 148] < ФУ **welje* [UEW: 567];

тинийт ‘вас’ Асс [глава 4, стих 19] ~ лит. *тйнэ́тб*, норв. *dī, dij*, фин. *te* [SSA III: 278] < ФУ **tE* [UEW: 539];

миккэд ‘продать’ [глава 18, стих 25] ~ лит. *мйгкэ́* < ПСаам. **mēkē*, фин. *myydä* [Lehtiranta 1989: 76; SSA II: 189] < ФУ **miye* [UEW: 275] < ПУ **mexi-* [Janhunen: 91];

киршій ‘претерпевший’ [глава 10, стих 22] ~ лит. *кирпишэ́й*, норв. *gier'dât*, фин. *kärsiä* [SSA I: 478] < ФВ **kārte* [UEW: 652];

и в соответствии с лит. ы:

лишк ‘тело’ Nom [глава 6, стих 22] ~ лит. *лышишк* < ПСаам. *liškē*, фин. *liha* [SSA II: 72].

Заемствования:

Иммель ‘Бог’ [глава 1, стих 22] ~ лит. *Йммель*, норв. *(j)ibmel* < фин. *Jumala, joma, -la* [SSA I: 247];

инк ‘душа’ [глава 12, стих 18] ~ лит. *йнук*, норв. *hæg'gā* < ПСаам. **ēnkē* < фин. *henki* [Lehtiranta 1989: 32; SSA I: 156];

вильгйит ‘долги’ Асс [глава 6, стих 12] ~ лит. *вйлькэ́тб*, норв. *væl'ge* < ПСаам. **vēlkē* [Lehtiranta 1989: 146—147] < фин. *velka* [SSA III: 424];

титтин ‘узнали’ [глава 14, стих 35] ~ лит. *тйдбхэ́тб*, норв. *dittet* < ПСаам. **tētē* < фин. *tietää* [Lehtiranta 1989: 136; SSA III: 289];

кильдйй ‘запретил’ [глава 12, стих 16] ~ лит. *кйльтэ́*, норв. *giel'det* < фин. *kieltää* [SSA I: 354];

кирькит ‘книжник’ [глава 13, стих 52] ~ лит. *кырьйхей*, норв. *gir'je* [SSA I: 369] < ПСаам. **kirjē* < фин. *kirja* [Lehtiranta 1989: 50];

сизн ‘в, внутрь’ [глава 4, стих 13] ~ лит. *сыз*, норв. *sis'te* < фин. *sisä-* [SSA III: 188];

пиннее ‘пастухи’ [глава 8, стих 33] ~ лит. *пынней*, ср. норв. *baimān* < фин. *raimen* < балт., литовск. *piemiõ* ‘raimen’ [SSA II: 289];

шиллед ‘уловить’ [глава 22, стих 15] ~ лит. *шылле*, норв. *sālās* < фин. *saalis* [SSA III: 138].

Таблица 6

**Соответствия и в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным
в исконной лексике**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
и	<i>и</i>	* <i>ē</i>
	<i>й</i>	* <i>ē</i>
	<i>ы</i>	* <i>i</i>

5. Употребление графемы о в первом слого

о в соответствии с лит. о (ō):

олгус ‘вон, наружу’ [глава 21, стих 39] ~ лит. *олкэс*, норв. *ol'go -lg-* < ПСаам. **olk̄* [Lehtiranta: 90], фин. *ulko* < ФП **ulkV* [SSA III: 370; UEW: 803];

толле ‘в огонь’ [глава 3, стих 10] ~ лит. *тблле*, норв. *dollā* [SSA III: 323] < ПСаам. **tolē* [LW: 7914], фин. *tuli* [Lehtiranta 1989: 136] < ПУ **tule* [UEW: 535];

о в соответствии с лит. оа:

лоньде ‘птицы’ [глава 13, стих 4] ~ лит. *лоаньт*; но: *лоньдйй элэ* ‘на птиц’ [глава 6, стих 26] ~ лит. *лоньтэ эл* < ПСаам. **lontē*, фин. *lintu* [SSA II: 80].

Заемствования:

коль ‘золото’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *коалль* < ПСаам. **kollē* < фин. *kulta* < герм., ср. др.-исл. *goll* [Lehtiranta 1989: 54, 443; SSA I: 432];

коммердин юэлка ‘поклонились’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *коаммьерень* < ПСаам. **komērtē* < фин. *kumartaa* [Lehtiranta 1989: 54].

Таблица 7

**Соответствия *o* в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным
в исконной лексике**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
<i>o</i>	<i>ō</i>	* <i>o</i>
	<i>o</i>	* <i>o</i>
	<i>oa</i>	* <i>o</i>

6. Использование графемы *y* в первом слоге

y в соответствии с лит. *vū* в начале слова:

устий ‘купил’ [глава 13, стих 46] ~ лит. *vūсьтэ* < ПСаам. **ōstē*, фин. *ostaa* [Lehtiranta 1989: 94] < ФУ **wosa* [UEW: 585];

y в соответствии с лит. *ū* (*y*) в других позициях:

кухт ‘два’ [глава 4, стих 21] ~ лит. *кūхт*, норв. *guok'te* < ПСаам. **kōktē*, фин. *kaksi* [Lehtiranta 1989: 60] < ФУ **kakta* ~ **käktä* [UEW: 118];

вунт ‘волосы’ [глава 10, стих 30] ~ лит. *vūнт* < ПСаам. **vōptē*, фин. *hapsi* (gen. *hapsen*) ‘волосы’ [Lehtiranta 1989: 154] < ПУ **apte* [UEW: 14];

куль-шиллей ‘рыболов’ [глава 4, стих 18] ~ лит. *кūльшыллей* < ПСаам. **kōlē*, фин. *kala* [Lehtiranta 1989: 60] < ФУ **kala* [UEW: 119];

куллай ‘слышен’ [глава 2, стих 18] ~ лит. *куллай*, норв. *gullât* < ПСаам. **kule* [LW: 2781], фин. *kuulla* [Lehtiranta 1989: 492] < ПУ **kule* [UEW: 197];

дифтонг *уэ* в соответствии с лит. *ы*:

пуэхтин ‘принесли’ [глава 2, стих 11] ~ лит. *пыххьтэнб*; но: *пухтиш* ‘принесли’ [глава 9, стих 2] ~ лит. *пыххьтэнб* < ПСаам. **rōktē* [Lehtiranta 1989: 108].

Заемствования:

туешей олмунч ‘трудолюбивый’ [глава 10, стих 10] ~ лит. *тūйишэй*, фин. *työ* < герм. [SSA III: 352].

Таблица 8

**Соответствия *y* в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным
в исконной лексике**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
<i>y</i>	<i>ū</i>	* <i>ō</i>
	<i>vū</i>	* <i>ō</i> (#)
	<i>y</i>	* <i>u</i>
	<i>ы</i>	* <i>ō</i>

7. Использование графемы *y* в первом слоге

y в соответствии с лит. *y*:

юльгйнант ‘ногую’ SgКом [глава 4, стих 6] ~ лит. *jōлькенб* < ПСаам. **jōlkē*, фин. *jalka* [Lehtiranta 1989: 38];

юкке ‘всякий, всякое’ [глава 4, стих 4; глава 7, стих 8, 19] ~ лит. *юкке*, норв. *juokke*, *juokkē* < ПСаам. **jōkē*, фин. *jakaa* < ПУ **jaka-* [SSA I: 239; UEW: 87].

Таблица 9

**Соответствия ю в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным
в исконной лексике**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
ю	̄ю	*j̄ō
	ю	*j̄ō

8. Употребление графемы *ie* в первом слоге

ie в соответствии с лит. *e* (ē):

ien ‘мать’ [глава 1, стих 18; глава 2, стих 13, 14], *iensec* ‘с матерью’ [глава 10, стих 35], *iennes* ‘мать’ Асс [глава 10, стих 37] ~ лит. *enib* < ПСаам. *ēnnē [Lehtiranta 1989: 32], фин. *enä* < ФУ *enä [UEW: 74];
лянч иелмен ‘будет жива’ [глава 9, стих 18] ~ лит. *алк ēлле* < ПСаам. *ēlē, фин. *elämä* [SSA I: 103] < ФУ *elä- [UEW: 73];
ниейве ‘дни’ [глава 9, стих 15] ~ лит. *нēйв*, норв. *bæi've* < ПСаам. *rējvē, фин. *päivä* [Lehtiranta 1989: 100] < ПУ *rājwä [UEW: 360];
ниельлемплогант ‘четырнадцать’ [глава 14, заголовок] / *неллим-локь* ‘четырнадцать’ [глава 1, стих 17] ~ лит. *нēльлемплогкь*, норв. *njæl'ljē, njæl'ljä* ‘четыре’ < ПСаам. *nēljē, фин. *neljä* [Lehtiranta 1989: 80; SSA II: 212] < ПУ *neljä (*neljä) [UEW: 316];
ниеннэг ‘псы’ [глава 15, стих 27] ~ лит. *нēннэ* < ПСаам. *rēnek, фин. *peni* [Lehtiranta 1989: 100] < ФУ *rene [UEW: 371].

Займствования:

вiельк ‘долг’ Асс [глава 18, стих 30] ~ лит. *вēльк*, норв. *væl'ge* < ПСаам. *vēlkē [Lehtiranta 1989: 146] < фин. *velka* [SSA III: 424];
мiер ‘море’ [глава 8, стих 27] ~ лит. *мēрр* < ПСаам. *mēre [Lehtiranta 1989: 74] < фин. *meri* < герм. [SSA III: 160];
Иеукал ‘Ангел’ [глава 1, стих 24] ~ лит. *Иуукэль* < фин. *enkeli* ‘ангел’ < герм. < лат. *angelus* [SSA I: 105];
тиедчиппед ‘(чтобы) вызнали’ [глава 9, стих 6] ~ лит. *тiудтэмьгэуэйке*, норв. *diettet, dietto* [SSA III: 289] < ПСаам. *tētē < фин. *tietää* [Lehtiranta 1989: 136].

Таблица 10

**Соответствия *ie* в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным
в исконной лексике**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
<i>ie</i>	ē	*ē
	<i>e</i>	*ē

9. Употребление графемы *ea* в первом слоге

ea в соответствии с лит. *я̄*:

еалмуише ‘в жизнь’ [глава 18, стих 9] ~ лит. *я̄лла*;
еанна ‘матери’ III [глава 15, стих 5], *еаннант* ‘мать’ [глава 15, стих 4] ~ лит. *я̄нна* < ПСаам. *ēnnē [Lehtiranta 1989: 32], фин. *enä* < ФУ *enä [UEW: 74].

Таблица 11

**Соответствия *ea* в памятнике современным кильдинским гласным
в исконной лексике**

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам. [Lehtiranta 1989]
<i>ea</i>	я̄	

10. Употребление графемы *e* в первом слоге

Заемствования:

шегий эвтэ ‘перед свиньями’ [глава 7, стих 6] ~ лит. *шеге эввьтэ; ношаккед (чуццо)* ‘(стадо) свиней’ [глава 8, стих 30] ~ лит. *шеге (чуээ)*, норв. *sokke* < фин. *sika* < герм. [SSA III: 179];

лейп ‘хлеб’ Асс [глава 6, стих 11] ~ лит. *лэйп*; но: *лййбин* ‘хлебом’ [глава 4, стих 4] ~ лит. *лййпенб* < фин. *leipä* [SSA II: 60]²;

шеньтин ‘родились’ [глава 19, стих 12] ~ лит. *шэньтэнб; шэндйй* ‘родился’ [глава 1, стих 16; глава 2, стих 1] ~ лит. *шэнтэ, шэнтмуш* ‘рождество (букв. рождение)’ Nom [глава 1, стих 18] ~ лит. *шэнтмушии* < ПСаам. **šente* < фин. *suntuä* [UEW: 439; SSA III: 231].

11. Употребление графемы *ы* в первом слоге

Заемствования:

сыз ‘в, внутрь’ [глава 2, стих 22] ~ лит. *сыз* < фин. *sisällä* [SSA III: 189];

вын-айдэ ‘виноградника’ [глава 20, стих 8] ~ лит. *вынбайт* < герм. [SSA III: 443];

ыштйй ‘сел’ [глава 13, стих 2] ~ лит. *ыштэ* < фин. *istu-* [SSA I: 229].

12. Дифтонги

йй в соответствии с лит. *йй*:

нййт ‘дочь’ [глава 9, стих 18] ~ лит. *нйййт* < ПСаам **nējte*, фин. *neiti* [Lehtiranta 1989: 82] < ФУ **nejde* [UEW: 302];

йй в соответствии с лит. *ый*:

ййиди ‘провел ночь (ночевал)’ [глава 21, стих 17] ~ лит. *выгэ ый*, норв. *iggjá* [SSA III: 493] < ПСаам. **ijē*, фин. *уö* [Lehtiranta 1989: 34] < ФУ **eje* [UEW: 72];

тйй ‘вы’ [глава 8, стих 26] ~ лит. *тййй*, норв. *dij* [SSA III: 278].

Заемствования:

лййбин ‘хлебом’ [глава 4, стих 4] ~ лит. *лййпенб*, норв. *lai'be* < фин. *leipä* < герм. [SSA II: 60; Lehtiranta 1989: 44].

уй/вай в соответствии с лит. *вйй/вуай*:

вайвант ‘голову’ [глава 6, стих 17] ~ лит. *вуайвант*, но *уйвинант* ‘головой (не клянись)’ [глава 5, стих 36] ~ лит. *вуайвант; уйвййн* ‘воеводств’ [глава 2, стих 6] ~ лит. *вййве* < ПСаам. **ōjvē*, фин. *oiva* [Lehtiranta 1989: 92] < ФУ **ojwa* [UEW: 336];

уэй в соответствии с лит. *вуэй*:

уэйве ‘голову’ [глава 14, стих 8] ~ лит. *вуэйв*;

уэйбеттед ‘можете’ [глава 12, стих 34] ~ лит. *вуэйбээдтэ* < ПСаам. **voajē*; фин. *voida* [SSA III: 467];

уэ в соответствии с лит. *уэ* после согласной:

суэхле ‘брось’ [глава 18, стих 9] ~ лит. *суэхп* < ПСаам. **sōppō* [Lehtiranta 1989: 128];

оа в соответствии с лит. *уа* и *уэ* после согласной:

поалт ‘сожжет’ [глава 3, стих 12] ~ лит. *пуалт* < ПСаам. **pōlē* / **pōltē*, фин. *polttaa* [Lehtiranta 1989: 106] < ФВ **paĭa* [UEW: 352];

ноайт-олмо ‘волхвы’ [глава 2, стих 1] ~ лит. *нуэййт, нбййт*, норв. *noai'de* < ПСаам. **nōjtē*, фин. *noita* < ФУ **nojta* [SSA II: 227; UEW: 307—308].

² Дифтонг *ей* в слове *лейп* ‘хлеб’ рассматривается в этом разделе, поскольку у нас нет других примеров употребления *ей* в памятнике в исконной лексике.

Займствованиа:

вуэста ‘в ответ, на’ [глава 4, стих 4; глава 5, стих 23] ~ лит. *вуэссма*, норв. *vas'tedit* < ПСаам. **vāstētē* < фин. *vastata* [SSA III: 417; Lehtiranta 1989: 146];

уэнесьт ‘учил’ [глава 5, стих 2] ~ лит. *удцэ*, норв. *oap'pāt* < ПСаам. **ṛppe* < фин. *oppia* [SSA II: 269; Lehtiranta 1989: 92]

уэйнахтемвудэ ‘немоши’ [глава 4, стих 24] ~ лит. *от вуэййе* ‘мочь, смочь, быть в состоянии’, норв. *vuoi'bme* < фин. *voima* ‘сила’ [SSA III: 468].

Таблица 12

Соответствия дифтонгов в [Genetz 1878] современным кильдинским гласным в исконной лексике³

гласная в [Genetz 1878]	соответствия	
	лит.	ПСаам [Lehtiranta 1989]
<i>ий</i>	<i>ий</i>	* <i>ēj</i>
	<i>ый</i>	* <i>ij</i>
<i>вай/уй</i>	<i>вай/вуй</i>	* <i>ōj</i> (#_)
<i>уэй</i>	<i>вуэй</i>	* <i>voaj</i>
<i>уэ</i>	<i>уэ</i>	* <i>ō</i>
<i>оа</i>	<i>уа</i>	* <i>ō</i> /* <i>ṛ</i>
	<i>уэ</i>	* <i>ṛ</i>

13. Выводы

Итак, проведенный анализ показывает, что система гласных графем в Евангелии от Матфея 1878 г. в исконной лексике практически однозначно соответствует прасаамской реконструкции [Lehtiranta 1989]:

Таблица 13

Соответствия гласных памятника [Genetz 1878] и прасаамского языка

гласная памятника	ПСаам.
<i>а</i>	* <i>ā</i>
<i>э</i>	* <i>ē</i>
<i>я</i>	* <i>jā</i>
<i>и</i>	* <i>ē</i>
	* <i>i</i>
<i>о</i>	* <i>o</i>
<i>у</i>	* <i>ō</i>
	* <i>u</i>
<i>ю</i>	* <i>jō</i>
<i>ie</i>	* <i>ē</i>
<i>ий</i>	* <i>ēj</i>
	* <i>ij</i>
<i>вай/уй</i>	* <i>ōj</i>

В рассмотренном материале только ПСаам. **ē* имеет две возможных рефлексии: *а* и *э*. При этом можно отметить, что соответствие *а* зафиксировано только в части словоформ двух лексем:

ачь ‘отец’ [глава 3, стих 9; глава 6, стих 4, 6, 8, 9, 15, 18; глава 12, стих 25, 26; глава 15, стих 13; глава 18, стих 35] ~ лит. *аджь*,

³ В настоящую таблицу не включены заимствования, поскольку на примере анализа заимствований, проведенного по другим языкам, становится ясно, что в них очень часто встречаются особые рефлексии, даже в тех случаях, когда заимствования уже несколько сотен лет как попали в язык. Вероятно, в бесписьменных языках их фонетическая адаптация могла длиться очень долго.

НО в парадигме: *эджіўнис* ‘с их отцом’ [глава 4, стих 21] ~ лит. *сйн эжень* < ПСаам. **έε̄* [LW: 129], фин. *isä* [Lehtiranta 1989: 10] < ФУ **icä* [UEW: 78];

чальм ‘око’ [глава 6, стих 22] ~ лит. *чалльм*; *чальме* ‘глаза’ [глава 9, стих 30] ~ лит. *чальм*,

НО в парадигме: *чельмийдис* ‘очи’ [глава 13, стих 15; глава 17, стих 8] ~ лит. *чильметь*; *чельмий гуэйм* ‘глазами’ [глава 13, стих 15] ~ лит. *чильмегуэйм* < ПСаам. **έelmē*, фин. *silmä* [Lehtiranta 1989: 20] < ПУ **šilmä* [UEW: 479].

Возможно, в этих лексемах в начальной форме следует реконструировать ПСаам. **ā*, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении и анализе системы чередований в этих лексемах гласных в других языках.

При этом, как видно из *Таблицы 2*, в современном литературном кильдинском языке почти все прасаамские монофтонги имеют 2—3 возможные рефлексии. Сопоставление рефлексий в тексте первого Евангелия и современном литературном языке показывает, что изменения системы вокализма, которые мы видим в последнем, произошли сравнительно недавно, а именно после 1878 г., то есть менее 140 лет назад!

Это косвенно подтверждают и полевые исследования речи носителей воронинского говора кильдинского диалекта, проведенные А. М. Эрштадт в 2015 г. в рамках работы по гранту РНФ. Аудиословник этого говора находится на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

Таблица 14

**Соответствия гласных первого слога в воронинском говоре,
литературном кильдинском и памятнике [Genetz 1878]**

Лит. кильдинский		Воронинский говор		[Genetz 1878] ⁴
<i>ā</i>	<i>mād̄t</i> ‘червь’	<i>a</i>	<i>mad</i> ‘червь’	<i>a</i>
<i>a</i>	<i>all̄yt</i> ‘близко’		<i>al̄it</i> ‘близко’	
<i>oa</i>	<i>loan̄īt</i> ‘птица’		<i>lan̄īt</i> ‘птица’	
<i>oa</i>	<i>oan̄ēx̄</i> ‘короткий’	<i>o</i>	<i>onēh̄i</i> ‘короткий’	<i>o</i>
<i>ēa</i>	<i>n̄ēāffk̄e</i> ‘щупать’		<i>n̄ōffk̄e</i> ‘разглаживать’	
<i>ō</i>	<i>l̄ōssēs̄</i> ‘тяжелый’		<i>lōsēs̄i</i> ‘тяжелый’	
<i>o</i>	<i>olm̄a</i> ‘человек’	<i>u</i>	<i>olm̄a</i> ‘человек’	<i>u</i>
<i>ū</i>	<i>m̄ūr̄r</i> ‘дерево’		<i>mur</i> ‘дерево’	
<i>u</i>	<i>k̄ux̄x̄k̄en̄</i> ‘далеко’		<i>kuh̄īken̄i</i> ‘далеко’	
<i>ē</i>	<i>s̄ē̄ñ̄k̄es̄</i> ‘тонкий’	<i>e</i>	<i>sen̄īkēs̄i</i> ‘тонкий’	<i>ie</i>
<i>ḗ</i>	<i>ḗx̄xt</i> ‘один’	<i>ε</i>	<i>εh̄ht</i> ‘один’	<i>э</i>
<i>э</i>	<i>k̄ērs̄</i> ‘гортань’		<i>k̄ērs̄s̄</i> ‘гортань’	
<i>ī</i>	<i>ñ̄īñ̄ñ̄k̄</i> ‘ветер’	<i>i</i>	<i>pink</i> ‘ветер’	<i>и</i>
<i>i</i>	<i>nīgkl̄e</i> ‘наклониться’		<i>nīgl̄e</i> ‘гнутья, согнуться’	
<i>i</i>	<i>nīzan</i> ‘женщина’	<i>э</i>	<i>n̄ēzan</i> ‘женщина’	<i>у</i>
<i>уэ</i>	<i>č̄ūēkas̄</i> ‘дорога’ <i>vūēdt̄e</i> ‘спать’	<i>ūε/ε (v_)</i>	<i>t̄f̄īēkas̄</i> ‘дорога’ <i>ved̄īe</i> ‘спать’	<i>уэ</i>
<i>уа</i>	<i>č̄ūāñ̄ñ̄kt̄e</i> ‘погасить’ <i>vūāll̄ñ̄ñ̄ī</i> ‘челюсть’ <i>kūāñ̄ñ̄v̄e</i> ‘копать’	<i>o/ʷa (k_)</i>	<i>t̄fōīsk̄te</i> ‘погасить’ <i>vol̄degk̄</i> ‘челюсть’ <i>k̄ʷāñ̄v̄e</i> ‘копать’	<i>оа</i>
<i>юэ</i>	<i>ñ̄ūēmm̄el̄</i> ‘заяц’	<i>e</i>	<i>n̄em̄mel̄i</i> ‘заяц’	

Анализ воронинского говора показывает, что и сейчас в некоторых кильдинских идиомах долгота отсутствует, а дифтонгоиды *oa*, *ēa*, *юэ*, *уа*, *уэ* в части случаев представлены монофтонгами так же, как и в прасаамском языке, ср., например, лит. *ñūēmm̄el̄* ‘заяц’ — ворон. *n̄em̄mel̄i* ‘заяц’ < ПСаам. **ñō̄m̄ēl̄ē*

⁴ В столбце, посвященном употреблению гласных в Евангелии от Матфея, не приводятся примеры, поскольку они были разобраны выше. При этом вопрос о полексемном соответствии гласных в воронинском говоре и тексте Евангелия в настоящее время является открытым, поскольку словник воронинского говора пока состоит из 250 слов исконной лексики. Есть случай, когда при соответствии, например, кильд. *oa* — вор. *o*, *a*, Евангелие *o*, *a*, в конкретной лексеме соответствие ворон. *o* — Евангелие *o*, ворон. *a* — Евангелие *a* нарушается, например, лит. *loan̄īt*, ворон. *lan̄īt* ‘птица’, Евангелие *лоньде* ‘птицы’ [глава 13, стих 4] < ПСаам. **lon̄īē*. Поскольку, как было показано выше, в тексте Евангелия наблюдается прямое соответствие ПСаам. реконструкции, рефлексия гласных в воронинском говоре нуждается в дополнительном изучении.

[Lehtiranta 1989: 780]. При этом есть основания полагать, что дифтонгизация происходит в определенных позициях, например, лит. *чуаццктэ* — ворон. *ifotskte* ‘погасить’, лит. *вуаллнешии* — ворон. *voldegk* ‘челюсть’, но лит. *куаййвэ* — ворон. *k^uajve* ‘копать’.

С учетом этих данных архаический статус близкой к прасаамскому состоянию системы вокализма, предположительно отраженный в Евангелии от Матфея, 1878, уже не кажется столь удивительным, поскольку, как показывают полевые исследования, схожие системы могут быть найдены и среди современных кильдинских диалектов, а вокализм, представленный в литературном языке, является результатом совсем недавних инновационных процессов.

В заключение проведенного анализа хочется подчеркнуть высокую точность работы А. Генетца, нашедшую отражение в первом саамском переводе Евангелия от Матфея, и важность этого перевода для изучения истории саамских языков.

Сокращения

Языки и диалекты

балт. — балтийские языки	ПС — прасамодийский язык
ворон. — воронинский говор	ПСаам. — прасаамский язык
герм. — германские языки	ПУ — прауральский язык
лат. — латинский язык	сканд. — скандинавские языки
лит. — литературный кильдинский язык	фин. — финский язык
литовск. — литовский язык	ФВ — прафинноволжский язык
норв. — норвежский саамский язык	ФУ — прафинноугорский язык

Общие

Асс — аккумулятив (винительный падеж)	Ком — комитатив (совместный падеж)
Ген — генитив (родительный падеж)	Nom — номинатив (именительный падеж)
III — иллатив (дательно-направительный падеж)	Sg — единственное число

Литература

Бакула 2016 — Бакула В. Б. Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 13—33. {*Bakula V. Vocalism of the first syllable in the Kildin dialect of the Sami language based on data from Matthew's Gospel (1878) // Ural-Altaic Studies. 2016, 3 (22).*}

Керт 1971 — Керт Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект). Л., 1971. {*Kert G. The Sami language (the Kildin dialect). L., 1971.*}

Костина 2007 — Костина Г. В. Саамский язык в полилингвистической и поликультурной среде Кольского полуострова. Апатиты, 2007. {*Kostina G. The Sami language in the polylingual and polycultural environment of the Kola peninsula. Apatity, 2007.*}

Algu — Этимологическая база данных по саамским языкам. Режим доступа: <http://kaino.kotus.fi/algui/index.php?t=haku&l=1>. {*Etymological database on the Sami languages. Online at http://kaino.kotus.fi/algui/index.php?t=haku&l=1.*}

Lehtiranta 1989 — *Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.*

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII. Helsinki, 1955–1981.

SSA I — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki, 1992.

SSA II — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. Helsinki, 1995.

SSA III — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki, 2000.

UEW — *Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I—III. Budapest, 1986–1991.*

РЕЗЮМЕ

В статье на материале слов, рассмотренных в [Бакула 2016], показано, как изменяется анализ системы соответствий гласных первого Евангелия, современного литературного кильдинского и прасаамского языка, если из рас-

смотрения исключить заимствования, которые обычно имеют особые соответствия и в других языках. Оказалось, что система гласных графем памятника гораздо ближе к прасаамскому состоянию, чем современная кильдинская. Интересно, что в результате анализа полевых материалов по современному воронинскому говору кильдинского языка было выявлено, что его система гласных фонем тоже близка к системе гласных графем первого Евангелия, а современная кильдинская система является весьма инновационной.

SUMMARY

On the basis of words considered in [Бакула 2016] we demonstrate how the analysis of the vowel correspondences system in the first Gospel, the contemporary standard Kildin and Proto Sami languages changes, if we exclude borrowings from our scope of view. The reason for this exclusion is that borrowings generally have specific correspondences in other languages. It turns out that the system of vowel graphemes of the monument is much closer to the Proto Sami reconstruction than the modern Kildin one. It is interesting to note that the analysis of field materials of the modern Voronin dialect of the Kildin language reveals that the Voronin system of vowel phonemes is also close to the system of vowel graphemes of the first Gospel, whereas the modern Kildin one is very innovative.

Ключевые слова: саамские языки, вокализм, первые памятники

Keywords: Sami languages, vocalism, first monuments

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); julianor@mail.ru

**«Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891)
 («Ӝеч кыльёс. Святой Тихонлэн Ӝечлы дышетэм кыльёсыз»):
 особенности консонантизма¹**

Данная статья является продолжением предыдущей работы [Безенова 2016], в которой были описаны графические и вокалические особенности перевода на удмуртский язык «Наставления христианского святителя Тихона на вотском языке» (1891). Здесь мы постараемся более тщательно разобраться в особенностях системы консонантизма данного памятника. Несмотря на то, что в количественном отношении согласные превосходят гласные, опыт подобных описаний письменных памятников показал, что, по сравнению с вокализмом, с консонантной системой связано, как правило, меньше отличий. Поэтому ниже подробнее мы будем рассматривать лишь те согласные, которые отличают язык памятника от литературного удмуртского.

В современном удмуртском литературном языке в исконно удмуртских словах представлено 26 согласных фонем (/p/, /t/, /t'/, /k/, /b/, /d/, /d'/, /g/, /s/, /s'/, /š/, /z/, /z'/, /ž/, /v/, /j/, /č/, /č'/, /ž/, /ž'/, /m/, /n/, /n'/, /l/, /l'/, /r/), кроме того, в поздних заимствованиях, как правило, из русского языка, встречаются еще четыре фонемы (/f/, /x/, /c/, /š'š'/). Из 45 букв, составляющих алфавит «Наставления...», 30 согласных: б, в, з, д, ж, жс, жд, з, жс, лжс, й, к, л, л, м, н, џ, н, п, р, с, с, т, т, ф, х, ц, ч, ш, ш. Анализ графики, который был проведен в вышеупомянутой статье [Безенова 2016], позволяет предположить, что в консонантной системе памятника представлена 31 согласная фонема, из которых три фонемы (/f/, /x/, /š'š'/) встречаются исключительно в русских заимствованиях (напр., *Фараонлэн* 'у фараона' [с. 27, строка 11] < рус. *фараон*; *Христос* [с. 8, строка 18; с. 15, строка 12; с. 16, строка 10; с. 18, строка 7; с. 22, строка 8; с. 30, строка 8; с. 30, строка 16; с. 32, строка 17; с. 36, строка 8; с. 40, строка 2; с. 41, строка 16; с. 41, строка 17; с. 41, строка 23; с. 42, строка 19; с. 42, строка 24; с. 43, строка 9; с. 44, строка 11; с. 44, строка 19; с. 44, строка 23; с. 45, строка 4; с. 45, строка 12; с. 45, строка 18; с. 46, строка 16; с. 47, строка 1; с. 47, строка 8; с. 47, строка 12; с. 47, строка 18; с. 49, строка 5; с. 49, строка 15; с. 49, строка 18; с. 51, строка 16; с. 52, строка 19; с. 53, строка 15; с. 54, строка 21; с. 54, строка 24; с. 60, строка 23; с. 61, строка 7; с. 61, строка 12; с. 61, строка 19] (также *Христось* [с. 12, строка 24]) < рус. *Христос*; *Тихонлэн* 'у Тихона' [с. 3, строка 1] < рус. *Тихон*; *священник* [с. 17, строка 14] < рус. *священник*), а 28 — в исконной лексике:

взрывные: /p/, /t/, /t'/, /k/, /b/, /d/, /d'/, /g/;
 фрикативные: /s/, /s'/, /š/, /z/, /z'/, /ž/, /v/, /j/;
 аффрикаты: /č/, /č'/, /c/, /ž/, /ž'/;
 смычно-проходные
 носовые: /m/, /n/, /n'/, /ŋ/;
 боковые: /l/, /l'/;
 вибрант: /r/.

Отметим, что буква *ш* в русских заимствованиях передает щелевую /š'š'/, а в словах исконного происхождения — аффрикату /č/ (ср.: *священник* [с. 17, строка 14] < рус. *священник* и *кӱше* 'какой' [с. 37, строка 4; с. 51, строка 14; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 58, строка 10; с. 58, строка 12] — литер. *кыӱше*). Также следует заметить, что в отличие от системы согласных современного удмуртского языка с четырьмя аффрикатами, в памятнике в исконных формах встречается еще одна смычно-щелевая согласная /c/: *котъ кытыцы* 'куда угодно' [с. 34, строка 10; с. 34, строка 14; с. 34, строка 15; с. 34, строка 20] — литер. *котъкытычы*; *отцы* 'туда' [с. 24, строка 24; с. 35, строка 17] — литер. *отчы*; *татцы* 'сюда' [с. 35, строка 18] — литер. *татчы*.

Итак, в системе консонантизма «Наставления...» можно отметить некоторые согласные фонемы, употребление которых в определенной позиции не соответствует современным литературным нормам².

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361а «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» (рук. Ю. В. Норманская).

² Ниже при стандартном соответствии, т. е. когда согласная памятника соответствует литературной норме, приведено лишь по три примера; при нестандартном соответствии приводятся все лексемы (словоформы).

Употребление согласной /d'/

1. В анлауте:

а) /d'/ (графически *л*) в соответствии с литер. /j/:

ла 'или, или ... или' [с. 19, строка 19; с. 28, строка 24; с. 35, строка 23; с. 35, строка 24; с. 36, строка 1; с. 37, строка 7; с. 43, строка 1] (также *ля* [с. 38, строка 2; с. 39, строка 1; с. 53, строка 24; с. 54, строка 1]) — литер. *я*; ср. *ja* (G, B), *ǰ'a* (MU) 'ну что ж; хорошо, ладно; вперед!, ну!' [Wichmann 1987: 72]; коми литер., вв., лл., скр., сс., уд. *я* 'частица, выражающая одновременно вопрос и неопределенность' [КЭСКЯ 1970: 337];

лалан 'всегда; все время' [с. 3, строка 13; с. 4, строка 23; с. 7, строка 12; с. 11, строка 11; с. 11, строка 12; с. 11, строка 23; с. 12, строка 12; с. 19, строка 12; с. 20, строка 2; с. 28, строка 11; с. 28, строка 12; с. 28, строка 13; с. 28, строка 22; с. 29, строка 21; с. 31, строка 10; с. 33, строка 23; с. 34, строка 11; с. 34, строка 17; с. 37, строка 14; с. 38, строка 18; с. 41, строка 12; с. 41, строка 14; с. 41, строка 18; с. 41, строка 21; с. 43, строка 15; с. 46, строка 7; с. 48, строка 20; с. 51, строка 5; с. 54, строка 9; с. 55, строка 6; с. 57, строка 21; с. 61, строка 5; с. 62, строка 4; с. 62, строка 19; с. 63, строка 1; с. 63, строка 3] — литер. *ялан*; ср. *jalan* (B, S, M), *jalam* (G, B), *ǰ'alan* (MU), *ǰ'alan* (U) 'всегда, постоянно' [Wichmann 1987: 73]; коми литер. *йылавек* 'вечно, постоянно, всегда' [КЭСКЯ 1970: 113];

лангыш 'ошибочный; виноватый' [с. 23, строка 20; с. 37, строка 7; с. 49, строка 21; с. 55, строка 4] — литер. *янгыш*; *лангышыса* 'провинившись' [с. 50, строка 5] — литер. *янгышаса*; ср. *janǰiŝ* (S, M), *ǰ'anǰiŝ* (MU), *ǰ'anǰiŝ* (U) 'ошибка; ошибочный' [Wichmann 1987: 73], *janǰiŝmīnī* (M), *ǰ'anǰiŝīnī* (MU), *ǰ'anǰiŝīnī* (U) 'ошибаться' [Wichmann 1987: 73—74];

лара 'годится' [с. 5, строка 14; с. 8, строка 7; с. 8, строка 22; с. 62, строка 13] (также и в трех других формах слова *яраны* 'понравиться, нравиться; пригодиться, годиться; подойти, подходить') — литер. *яра*; *ларамон* 'годный' [с. 49, строка 11] — литер. *ярамон*; *ларано* 'годный' [с. 4, строка 21] — литер. *ярано*; *ларантэм* 'негодный' [с. 4, строка 20; с. 6, строка 5; с. 6, строка 6; с. 7, строка 4; с. 18, строка 15; с. 22, строка 23; с. 35, строка 18; с. 42, строка 14; с. 42, строка 15; с. 42, строка 24; с. 43, строка 12; с. 52, строка 10; с. 60, строка 8; с. 60, строка 15; с. 61, строка 24] — литер. *ярантэм*; ср. *jarànī* (G), *jaràni* (S, M), *ǰ'arànī* (MU), *ǰ'arànī* (U) 'нравиться; пригодиться, годиться', *jaramon* (J) 'приятный; годный', *jarano* (G, M), *ǰ'arano* (MU, U) 'подходящий; годный', *jarantem* (G, M), *ǰ'arantem* (MU) 'неподходящий; негодный, непригодный' [Wichmann 1987: 74];

ларатыны 'уважать, любить' [с. 18, строка 11; с. 18, строка 14; с. 18, строка 23; с. 49, строка 9] (также и в девяти формах этого слова) — литер. *яратыны*; *ларатон* 'любовь || любимый' [с. 12, строка 9; с. 19, строка 5; с. 21, строка 15; с. 21, строка 17; с. 24, строка 14; с. 51, строка 13] (также и в двух формах этого слова) — литер. *яратон*; *ларатэмез* 'его любовь' [с. 6, строка 24; с. 13, строка 12] (также и в других трех формах слова *яратэм* 'любимый || любовь; уважение') — литер. *яратэмез* 'его любовь'; ср. *jaratīnī* (G), *jaratīni* (S, M), *jarat-* (J), *ǰ'aratīni* (MU), *ǰ'aratīnī* (U) 'любить', *jaraton* (J), *ǰ'araton* (MU) 'любимый' [Wichmann 1987: 74];

летыкы 'во время прикосновения' [с. 58, строка 21] — литер. *йөтыку*; ср. *jetīni* (S, M), *jet-* (G), *jötīni* (J), *ǰ'etīni* (MU), *ǰ'etīnī* (U) 'трогать, касаться; попасть (напр. в цель)' [Wichmann 1987: 76];

лөмыш [с. 26, строка 24] (также и в трех формах этого слова) — литер. *емыш* 'фрукт, плод'; ср. *jemīŝ* (S, J), *l'emīŝ* (J), *jömīŝ* (J), *ǰ'ömīŝ* (MU), *ǰ'emīŝ*, *ǰ'emīŝ* (U) 'фрукт, плод' [Wichmann 1987: 75]; счК. *emif* 'ягода; плод'³;

лөнтэмлы 'нечестивому' [с. 5, строка 10] — литер. *йөнтэмлы*; ср. *jentem* (M), *jöntem* (J), *ǰ'öntem* (MU), *ǰ'entem* (U) 'безрассудный, безумный, глупый' [Wichmann 1987: 76];

лун 'твердо' [с. 36, строка 14; с. 52, строка 15] — литер. *юн*; *лунматыса* 'укрепляя' [с. 14, строка 12] — литер. *юнматыса*; ср. *jun* (G, B, S, M, J), *junm-* (G), *ǰ'un* (MU, U) 'крепкий, прочный; твердый' [Wichmann 1987: 83]; *junmatīnī* (G), *junmatīni* (S, M), *ǰ'unmatīni* (MU); *ǰ'ummtīnī* (U) 'укрепить' [Wichmann 1987: 83]; бавлПУ. *d'un*, бесВ., средВ., южВБ. *jun* 'крепкий, прочный'; коми литер. *ён*, вс. *jon*, остальные диал. и к.-я. *jon* 'сильный, крепкий' [КЭСКЯ 1970: 100];

лурдод 'будешь брезговать' [с. 30, строка 4] — литер. *юрдод*; *лурдым* 'отвратительный' [с. 24, строка 15] — литер. *юрзым*; ср. *jurđīnī* (G), *jurđīni* (S, M), *ǰ'urdīni* (MU), *ǰ'urdīnī* (U) 'брезговать', *jurzim* (возможно, *ž*) (G) 'отвратительный' [Wichmann 1987: 84];

луртыны 'помочь, помогать' [с. 63, строка 1] (также и в пяти формах этого слова) — литер. *юрттыны*; *луртонлиц* 'от оказания помощи' [с. 31, строка 16] — *юрттонлэсь*; *луртэмен* 'с помощью' [с. 60, строка 2] — литер. *юрттэмен*, *луртэменыз* 'с его помощью' [с. 46, строка 8] — литер. *юрттэменыз*;

³ Здесь и далее соответствия в бавлПУ., бесВ., средВ., счК. и южВБ. приводятся по аудиословарям, составленным на материале экспедиционных данных 2013 г. Словари доступны в сети Интернет на сайте «LingvoDoc» по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

ср. *juurtin̄i* (G), *juurt-* (B), *d'urtin̄i* (MU); *juurtin̄i* (G), *juurtin̄i* (S, M) 'помогать' [Wichmann 1987: 84]; бесВ. *juurt:ən̄é*, средВ. счК. *juurt:in̄i*, южВБ. *juurt:en̄é* 'помочь, помогать'; коми литер., вым., иж., нв., печ., уд. *ěpm* 'товарищ, напарник', к.-п. *jort* 'супруг, супруга' [КЭСЯ 1970: 101];

ju 'пей' [с. 20, строка 16] — литер. *ю / юы, juic* 'пьющий' [с. 51, строка 23] — литер. *юись; жуон* 'питье || питьевой' [с. 14, строка 4; с. 20, строка 16] (также и в двух формах этого слова; также *жуон* [с. 20, строка 14]) — литер. *юон*; ср. *juin̄i* (G, B), *juin̄i* (S, J), *juin̄i* (J), *jun̄i* (M), *d'uoin̄i* (MU), *d'uoin̄i* (U) 'пить', *жуон* (G, S, M, J), *d'uon* (MU, U) 'питье; напиток; праздник' [Wichmann 1987: 82—83]; бавл. ПУ. *d'čwēné*, бесВ. *juən̄é*, средВ. *jun̄i*, счК. *juin̄i*, южВБ. *juwēné* 'пить'; коми литер. *юны* 'пить' [КЭСЯ 1970: 335];

juurtmy 'наш дом' [с. 24, строка 8] — литер. *juurtmy*; ср. *juurt* (G, J), *juurt* (S, M), *d'urt* (MU, U) 'двор; дом, жилище' [Wichmann 1987: 84];

jubyrtmy 'молись' [с. 15, строка 1; с. 50, строка 11] (также и в двух других формах слова *jubyrtmy* '1) поклониться; преклонить колени; 2) просить, молить; 3) рел. молиться; помянуть умерших') — литер. *jubyrtmy*; ср. *jubyrtin̄i* (G, B), *d'ibirtin̄i* (MU), *d'ibirtin̄i* (U), *jubyrtin̄i* (S, M, J), *jubyrtin̄i* (J) 'поклониться, молиться' [Wichmann 1987: 77]; коми литер. *юрбитны*, диал. *юбыртны* 'молиться' [КЭСЯ 1970: 335];

jugal̄e 'постучите' [с. 61, строка 9] — литер. *jugal̄e; jygaly* 'постучавшему' [с. 61, строка 10] — литер. *jugaly*; ср. *jugan̄i* (G), *jugan̄i* (S, M), *d'igani* (MU), *d'igani* (U) 'стучать, постукивать' [Wichmann 1987: 77]; коми литер. *иган*, вв., вым., иж., печ., сс. *йуган*, уд. *игōd* и *йигōd*, к.-п. *jiga'n*, к.-я. *iga'n* 'запор, щеколда, задвижка, защелка, замок'; скр. *igedč'in̄i*, сс. *jigedč'in̄i* 'стучаться (в запертую дверь)' [КЭСЯ 1970: 109];

juromytysa 'вводя в заблуждение' [с. 37, строка 19] — литер. *juromytysa*; ср. *juromin̄i* (G), *juromin̄i* (S, M), *juromin̄i* (J), *d'juromin̄i* (MU), *d'juromin̄i* (U) 'заблудиться, сбиться с дороги' [Wichmann 1987: 80]; бавлПУ. *d'určwēné*, средВ. *juromin̄i*, южВБ. *juromin̄i* 'заблудиться, сбиться с дороги'.

б) /d'/ (графически *l*) в соответствии с литер. /ž'/:

judysa 'растерявшись' [с. 59, строка 6] — литер. *judysa*; ср. *d'judin̄i* (M), *d'judin̄i* (MU), *d'judan̄i* (U) 'удивиться', *d'udetin̄i* (MU) 'удивить' [Wichmann 1987: 49].

2. В инлауте:

/d'/ (графически *l*) в соответствии с литер. /d'/:

alam 'человек' [с. 11, строка 20; с. 12, строка 19; с. 32, строка 19; с. 50, строка 5; с. 51, строка 8] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *alam*; ср. *ad'ami* (G, B, M, J), *ad'ami* (MU), *ad'ami* (U) 'человек' [Wichmann 1987: 2]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ad'ami* 'человек';

kiokyn 'далеко' [с. 33, строка 15] — литер. *kiokyn*; ср. *kid'ok̄in* (G), *kid'ok̄in* (M), *kid'ok̄in* (J), *kid'ok̄in* (MU), *kid'ok̄in* (U) 'далеко' [Wichmann 1987: 109];

suut [с. 22, строка 21; с. 30, строка 9] (ср. *suut* [с. 52, строка 7]) < рус. *судить*; ср. *sud'it' kar̄in̄i* (G), *sud'it' kar̄in̄i* (MU) 'судить' [Wichmann 1987: 225].

3. В ауслауте

согласная /d'/ (графически *l*) в памятнике не встречается.

Итак, в данном случае мы видим, что в памятнике фонема /d'/ регулярно соответствует анлаутной /j/, в остальных же позициях /j/ сохраняется:

vaiyn [с. 12, строка 22] — литер. *vaiyn* 'доставить, принести, привести, ввезти, привезти, завезти'; ср. *vajin̄i* (G, B), *vain̄i* (S, M, J, MU), *vajin̄i* (J, MU), *vain̄i* (U) 'принести, привезти' [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ. *vajen̄é*, бесВ. *vajen̄é*, средВ. *vajin̄i*, счК. *vajin̄i* 'принести';

naiđaio [с. 5, строка 7; с. 11, строка 6; с. 19, строка 21; с. 20, строка 3; с. 20, строка 4; с. 20, строка 7] — литер. *naiđaē* 'полезный'; *naiđat̄em* [с. 19, строка 21] — литер. *naiđat̄em* 'бесполезный'; ср. *paida* (G, J, MU, U), *pad'i* (G) 'барыш, выгода; полезный', *paidajo* (G, MU) 'полезный' [Wichmann 1987: 186];

nejmyt [с. 34, строка 12] — литер. *nejmyt* 'темный; тусклый || темно; тускло || темнота, тьма, мрак; темень'; ср. *pel'mit̄* (G), *pel'mit̄*, *peim̄it̄* (J), *peim̄it̄* (G, U), *peim̄it̄* (M, MU), *peim̄it̄* (U) 'темный; темно' [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ. *pejm̄at̄*, бесВ. *pejm̄et̄*, средВ., счК. *pejm̄it̄*, южВБ. *pejm̄et̄* 'темный';

atai, *atai* [с. 24, строка 7; с. 26, строка 24; с. 28, строка 7; с. 40, строка 2] — литер. *atai* 'отец || отцовский'; ср. *ataj* (B, M, J, MU, U) 'отец' [Wichmann 1987: 10];

samoj [с. 25, строка 24] — литер. *samoj* 'самый'; ср. *sà'moj* (G, J, MU) 'самый' [Wichmann 1987: 217];

eksei [с. 8, строка 3] (также и в двух формах этого слова) — литер. *eksei* 'царь || царский'; ср. *eksei* (G, S, M, J, MU, U) 'царь' [Wichmann 1987: 50].

Это явление характерно для современного шошминского говора, который, как было указано в предыдущей статье [Безенова 2016], послужил диалектной основой рассматриваемого памятника. Выявленная особенность отражена и в словаре финского ученого Ю. Вихманна [Wichmann 1987]. Так, в боль-

шинстве диалектов (глазовском, бесермянском, сарапульском, малмыжском и елабужском) в анлауте данных слов, как и в современном литературном языке, ученым зафиксирована *j*, а в малмыжско-уржумском и уфимском диалектах — *ɟ'*. Данное явление характерно и для другого периферийно-южного говора удмуртского языка — бавлинского, что было нами замечено при работе с информантами с. Покровский Урустамак Бавлинского района Республики Татарстан в ходе полевых экспедиций 2013 г. (примеры см. выше). Большинство финноугроведов, в число которых входит В. К. Кельмаков, считают, что «деканье (т. е. *й-* > *ɟ'-/ʒ-/ɟʒ'*) возникло в периферийно-южных говорах под влиянием татарского языка» [Кельмаков 2006: 96]. Выявить причины возникновения данного перехода в своей диссертационной работе, посвященной бавлинскому говору, попытался и И. В. Тараканов. По его мнению, данное явление нельзя объяснить влиянием соседнего татарского языка, поскольку «рассматриваемый звукопереход мог произойти и на удмуртской почве благодаря артикуляционной близости среднеязычного *j* к переднесреднеязычно-палатальным согласным, как это произошло в отдельных диалектах прибалтийско-финских языков» [Тараканов 1958: 290—291].

В других же говорах периферийно-южного диалекта удмуртского языка первоначальная */j/* перешла в */ʒ'/* (в закамском, татышлинском, красноуфимском и канлинском) и в */dʒ'/* (в кукморском), напр.: сред. *йүэ*, шошм. *ɟ'үэ*, татш. *ʒ'үэ*, кукм. *ɟʒ'үэ* 'пьет'; сред. *йөл*, шошм. *ɟ'ө'ү*, татш. *ʒ'ө'л*, кукм. *ɟʒ'ө'л* 'молоко'; сред. *йыды*, шошм. *ɟ'ыды*, татш. *ʒ'ьды*, кукм. *ɟʒ'ьды* 'ячмень' [Кельмаков 2006: 95].

В целом ясно, что данное явление носит инновационный характер, поскольку в большинстве диалектов удмуртского языка, а также в коми говорах в анлауте приведенных лексем функционирует фонема */j/*.

Употребление согласной /л'/

1. В анлауте:

а) /л'/ (графически *л*) в соответствии с литер. /л'/:

лукаса 'накапливая, накопив' [с. 25, строка 9; с. 26, строка 14; с. 29, строка 8; с. 29, строка 13] (также и в других двух формах слова *люканы* '1) сложить, складывать; 2) собрать, собирать, 3) заготовить, заготовлять (напр. корма); 4) скопить, накопить, копить') — литер. *люкаса*; ср. *l'ukànŋ* (G, U), *l'ukànŋ* (S, M, J, MU) 'складывать в кучу, собирать' [Wichmann 1987: 152]; коми литер. *юк* 'сверток, тюк, связка; куча, ворох (напр. соломы)', уд., вым., иж. *юк* 'куча, гряда, куст' [КЭСНЯ 1970: 334];

дукет 'доля' [с. 23, строка 15] — литер. *люкет*; ср. *l'uket* (G, S, J, MU), *juket* (M), *ɟ'uket* (U) 'часть; доля' [Wichmann 1987: 152];

лукиськомы 'расстанемся' [с. 29, строка 14] (также и в других трех формах слова *люкиськыны* '1) делиться, разделиться; 2) расставаться') — литер. *люкиськомы*; ср. *l'ukĩškĩnŋ*, *l'ukiškĩnŋ* (G), *l'ukiškĩnŋ* (S, MU), *jukiškĩnŋ* (M), *ɟ'ukiškĩnŋ* (U) 'делиться, разделиться; расставаться' [Wichmann 1987: 152]; бавлПУ., южВБ. *l'ukəpé*, бесВ. *l'ukəpé*, средВ., счК. *l'ukini* 'делить, разделить'; коми литер. *юкны* 'делить' [КЭСНЯ 1970: 334].

б) /л'/ (графически *л*) в соответствии с литер. /j/:

лугыт 'светло' [с. 10, строка 22] — литер. *югыт*; *лугдыто* 'освещают' [с. 13, строка 23] (также и в двух других формах слова *югдытыны* 'осветить; светить') — литер. *югдыто*; *лугдыскытыны* 'заставить светиться' [с. 22, строка 5] — литер. *югдыськытыны*; ср. *jugŋt* (G), *jugit* (S, M, J), *l'ugit* (J, MU), *ɟ'ugit* (MU), *ɟ'ugŋt* (U) 'светлый, ясный', *l'ugdĩtĩnŋ* (MU) 'осветить' [Wichmann 1987: 82]; бавлПУ. *l'ugətané* 'рассветать, светать'; коми литер. *югдыны* 'светать, рассветать, посветлеть, яснеть'; коми литер. *югөр* 'луч, свет, блик, отблеск, отсвет', коми литер. *югыд* 'свет, блеск; светлый', вс. *юг* 'молния', к.-я. *йүгйал* 'блестеть' [КЭСНЯ 1970: 334].

2. В инлауте:

/л'/ (графически *л*) в соответствии с литер. /л'/:

вилдыны 'обновить' [с. 42, строка 20] (также и в трех формах этого слова) — литер. *вьльдыны*; ср. *vil'dĩnŋ* (S, M, J, MU), *vil'dĩnŋ* (U) 'обновить' [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., южВБ. *vil'*, счК. *vil'* 'новый';

келше 'походит' [с. 56, строка 18] (также и в двух других формах слова *кельшыны* '1) нравиться, понравиться; 2) подойти, подходить, идти; 3) иметь сходство, быть похожим') — литер. *кельше*; ср. *kel'sĩnŋ* (M, J, MU), *kel'ĩšĩnŋ* (MU), *kel'šĩnŋ* (U) 'подходить; нравиться' [Wichmann 1987: 97]; южВБ. *kél'sjɛv* 'походить, быть похожим';

кылэ 'останусь' [с. 24, строка 21] (также и в других шести формах слова *кылыны* '1) отстать, отставать; 2) остаться, оставаться') — литер. *кылэ*; ср. *kĩl'ŋnŋ* (G, B, U), *kĩl'nŋ* (M), *kĩl'ĩnŋ* (J), *kĩl'ĩnŋ* (MU) 'остаться' [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl'vəné*, бесВ. *kil'əné*, средВ., счК. *kil'iní*, южВБ. *kel'vəné* 'остаться, оставаться'.

3. В ауслaute:

/l/ (графически *л*) в соответствии с литер. /l':

вил' 'новый' [с. 31, строка 23; с. 32, строка 3; с. 32, строка 5; с. 32, строка 6; с. 42, строка 16] — литер. *вилъ*; ср. *vil'* (B, S, M, J, MU, U), *vîl'* (G) 'новый' [Wichmann 1987: 316]; бавлПУ., бесВ., средВ., южВБ. *vil'*, счК. *vil'* 'новый';

пел' 'уши' [с. 34, строка 2] (также и в двух формах этого слова) — литер. *пель*; ср. *pel'* (G, M, J), *pəl'* (MU, U) 'ухо' [Wichmann 1987: 191]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pel'* 'ухо, уши';

чал' 'быстро' [с. 24, строка 17; с. 41, строка 15; с. 41, строка 17] — литер. *чаль*; ср. *t'sal'* (G, U), *t'sal'* (S, M, J, MU) 'быстро' [Wichmann 1987: 279]; средВ. *wał'ák* 'быстро'.

Здесь представлено еще одно явление инновационного характера — так называемое леканье (/j/ > /l/). Переход первоначальной /j/ в /l/ в начале слова возник в позиции перед *-Vɛ(-)/-Vκ(-)* и в некоторых лексемах закрепился практически во всех диалектах удмуртского языка, за исключением прикильмезских говоров (ср. бавлПУ., южВБ. *l'ukəné*, бесВ. *l'ukəné*, средВ., счК. *l'ukini* — коми литер. *юкны* 'делить, разделять'). В других словах по тем или иным причинам анлаутная /j/ в большинстве говоров сохранилась, а в южном и бесермянском наречиях также подверглась изменению, ср.: сев., сред. *йугыт* — юж. *лугыт* ~ *лугьт*, кукум. *лугьт*, бес. *l'ugət* 'светлый; светло; свет'; сев., сред. *йаг* — отдельные юж., кукум., бес. *лаг* 'сосновый бор'; сев., сред., юж. *йэгитйос* — бес. *l'egit't'os* 'молодежь' [Кельмаков 2006: 94].

Употребление согласной /n/

1. В анлауте:

а) /n/ (графически *н*) в соответствии с литер. /n/:

нуса 'неся' [с. 28, строка 18] — литер. *нуыса*; *нуоз* 'унесет' [с. 61, строка 22] — литер. *нуоз*; ср. *niŋnŋ* (G, B, U), *niŋi* (M), *niŋiŋi*, *niŋni* (J), *niŋiŋi* (J, MU) 'нести, везти, унести, унести, тащить' [Wichmann 1987: 172]; бавлПУ. *niŋné*, бесВ. *niŋné*, средВ., счК. *niŋni*, южВБ. *niŋné* 'нести, носить; унести, уносить';

Ныл, *ныл* 'дева, девушка' [с. 15, строка 4; с. 15, строка 5] — литер. *ныл*; ср. *nîl* (G, B, U), *nîl* (M, J, MU), *nîci* (J, MU) 'девочка; дочь'; бавлПУ. *nəl*, бесВ., средВ. *nîl*, счК. *nîláf*, южВБ. *nəl* 'девочка, девушка';

ныналэ 'в день' [с. 23, строка 6] — литер. *нуналэ*; *ныналысен* 'со дня' [с. 23, строка 5] — литер. *нуналысен*; ср. *ninal* (G, B, M, J), *ninaŋi*, *ninaŋi*, *ninal*, *ninal* (J), *ninaŋi* (J, MU), *nînal* (U) 'день' [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ninal* 'день'.

б) /n/ (графически *н*) в соответствии с литер. /m/:

налпаны 'думать' [с. 58, строка 11] (также и в восьми формах этого слова) — литер. *малпаны*; *налпам* 'раздумье' [с. 37, строка 13] — литер. *малпам*; *налпамдэ* 'твою мысль' [с. 34, строка 19] — литер. *малпамдэ*; *налпамтэ* 'необдуманный' [с. 41, строка 10] — литер. *малпамтэ*; *налпамтэзе* 'его необдуманное' [с. 55, строка 13] — литер. *малпамтэзе*; *налпаскыны* 'размышлять' [с. 30, строка 12] — литер. *малпаскыны*; *налпаскыскомыке* 'если размышляем' [с. 4, строка 13] — литер. *малпаскыскомыке*; *налпаскыкемес* 'наше размышление' [с. 4, строка 11] — литер. *малпаскыкемем*; ср. *talpànŋ* (G, U), *talpànŋ* (M, J), *talpànŋ* (J), *talpànŋ* (MU) 'думать, мыслить' [Wichmann 1987: 155]; бавлПУ., южВБ. *talpané*, бесВ. *talpaekəné*, средВ., счК. *talpani* 'думать, мыслить'; коми литер. *мõвп* 'мысль, дума, мнение', скр. *мõвп* 'мысль, замысел, дума', скр. *мõвпавны*, сс., печ. *мõлталны*, вым. *мõпооны* 'думать' [КЭСКЯ 1970: 175].

2. В инлауте:

а) /n/ (графически *н*) в соответствии с литер. /n/:

алжыны 'видеть' [с. 26, строка 21; с. 45, строка 12; с. 51, строка 24; с. 57, строка 15] (также и в одиннадцати формах этого слова) — литер. *аджыны*; ср. *ad'd'žinŋ* (G, B), *ad'd'žinŋ* (M, J, JI), *add'žinŋ* (J), *ad'd'žinŋ*, *ad'd'žinŋ* (MU), *ad'd'žinŋ* (U) 'видеть' [Wichmann 1987: 2]; бавлПУ., южВБ. *adžəné*, бесВ. *adžənə*, средВ., счК. *adžini* 'видеть, увидеть';

эн вунэты 'не забудь' [с. 4, строка 6; с. 13, строка 8; с. 19, строка 15; с. 50, строка 18] (также и в других шести формах слова *вунэтыны* 'позабыть, забыть') — литер. *эн вунэты* / *эн вунэт*; ср. *vinetŋŋ* (G, U), *vinetŋ* (S), *vinetŋŋ* (M, J, MU) 'забывать' [Wichmann 1987: 328]; бавлПУ., южВБ. *vinetəné*, бесВ. *vinetəné*, средВ., счК. *vinetini* 'позабыть, забыть';

мыныны 'идти, пойти' [с. 22, строка 7; с. 46, строка 12; с. 47, строка 5] (также и в девяти формах этого слова) — литер. *мыныны*; ср. *tiŋnŋŋ* (G, B, U), *tiŋnŋ* (M, J), *tiŋnŋŋ* (J, MU), *tiŋnŋŋ* (MU) 'идти; ехать' [Wichmann 1987: 161]; бавлПУ. *təpné*, бесВ. *tiŋəné*, средВ. *tiŋi*, счК. *tiŋini*, южВБ. *tiŋəné* 'идти, пойти; ехать'.

б) /n/ (графически *н*) в соответствии с литер. /m/:

щентыса 'споткнувшись' [с. 34, строка 13] — литер. *щентыса*; ср. *tšentŋŋ* (JI, MU), *tšentŋŋ* (S), *tšentŋŋ* (MU), *tšentŋŋŋ* (U) 'споткнуться, запнуться, спотыкаться' [Wichmann 1987: 273]; коми литер. *джõмдыны*, к.-я. *žim tãd-* 'споткнуться, оступиться; запнуться, осечься, замяться' [КЭСКЯ 1970: 88].

3. В ауслауте:

/n/ (графически *n*) в соответствии с литер. /n/:

кытын ‘где’ [с. 4, строка 9] — литер. *кытын*; ср. *kītīn* (G, B, U), *kī·tīn* (G, U), *kītīn* (M, J, MU), *kī·tīn* (J) ‘где?’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kātən*, бесВ. *kētən*, средВ. *kīīnō*, счК. *kīīn*, южВБ. *kētən* ‘где’;

матын ‘близкий’ [с. 33, строка 13] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *матын*; ср. *matīn* (G), *matīn* (M, J, MU), *mātīn* (MU), *mātīn* (G) ‘поблизости; близкий, недалекий’ [Wichmann 1987: 156]; бавлПУ. *matən*, бесВ., средВ., счК. *matīn*, южВБ. *matēn* ‘близко’;

мон ‘я’ [с. 5, строка 4; с. 13, строка 20; с. 14, строка 20; с. 14, строка 21; с. 17, строка 15; с. 40, строка 16; с. 40, строка 21; с. 46, строка 16; с. 46, строка 18; с. 47, строка 9; с. 47, строка 10; с. 47, строка 11; с. 49, строка 1; с. 50, строка 13; с. 60, строка 24; с. 62, строка 4; с. 62, строка 6] — литер. *мон*; ср. *mon* (G, B, M, J, MU, U) ‘я’ [Wichmann 1987: 163]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mən* ‘я’.

Здесь представлено лишь по одной лексеме на соответствие согласной памятника /n/ литературной /m/ в начале и в середине слова. Однако, если учесть данные словаря [Wichmann 1987], понятно, что это не простые описки, а реальные формы, которые в конце XIX в. функционировали на территории распространения малмыжско-уржумского диалекта и, скорее всего, имеют инновационный характер.

Употребление согласной /n’/

1. В анлауте:

/n’/ (графически *ñ* (*n*)) в соответствии с литер. /n’/:

нимыз ‘его имя’ [с. 7, строка 20; с. 16, строка 12] (также и в двух других формах слова *ним* ‘имя; название’) — литер. *нимыз*; ср. *ñim* (G, B, M, J, MU, U), *ñīm* (B), *ñim* (JL) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n’im* ‘имя’;

нылыса ‘проглотив’ [с. 31, строка 20] — литер. *нылыса*; ср. *ñlīnī* (G), *ñilnī* (M), *ñilīnī* (J), *ñiñiñi* (J, MU), *ñilīnī* (U) ‘глотать, проглотить’ [Wichmann 1987: 178]; бавлПУ. *n’əlvnē*, бесВ. *n’əlvnā*, средВ., счК. *n’ilīnī*, южВБ. *n’əlvnē* ‘глотать, проглотить’;

няндэ ‘твой хлеб’ [с. 10, строка 24] — литер. *няндэ* ‘твой хлеб’; ср. *ñāñ* (G, B, M, J, MU, U) ‘хлеб; зерновые культуры, злаки’ [Wichmann 1987: 175]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n’an’* ‘хлеб’.

2. В инлауте:

а) /n’/ (графически *ñ* (*n*)) в соответствии с литер. /n’/:

ваңбур ‘добро, богатство’ [с. 29, строка 2] (также и в 16 формах этого слова) — литер. *ваньбур*; ср. *vañ-bur* (G, M, MU, U), *vañ-burb* (S, J, MU) ‘все имущество, собственность, состояние’ [Wichmann 1987: 307];

куңмети ‘третий’ [с. 39, строка 5] — литер. *куиньметі / куинеті*; ср. *kūñmè·t’i* (G, B), *kūñnèt’i* (G), *kūñ·ñmeti* (M), *kūññmeti* (J, MU), *kūññeti* (MU), *kūññme·ti* (U) ‘третий’ [Wichmann 1987: 143]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kwin’* ‘три’;

шоңер ‘прямо || правильный’ [с. 48, строка 5; с. 48, строка 6; с. 58, строка 7] (также *шонер* [с. 19, строка 19; с. 20, строка 6; с. 33, строка 16; с. 35, строка 13; с. 37, строка 14; с. 48, строка 7]) — литер. *шонер*; ср. *šoñer* (G, MU, U), *šoñer* (M) ‘прямой || прямо’ [Wichmann 1987: 248]; бавлПУ. *šōn’erak*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *šōn’er* ‘прямо’.

б) /n’/ (графически *ñ* (*n*)) в соответствии с литер. /n’/:

иңме ‘на небо’ [с. 16, строка 5; с. 28, строка 8] (также и в других пяти формах слова *ин* ‘небо, небеса’) — литер. *иңме*; ср. *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *in*, *inm-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’ [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in’bāt*, бесВ. *in / inbāt*, средВ. *inbāt*, счК. *in*, южВБ. *in’* ‘небо’; коми литер. *ен* [енм-] ‘бог; небо’, к.-з., к.-п., к.-я. *jen* ‘бог’ [КЭСКЯ 1970: 99];

Иңмар ‘бог || божий’ [с. 3, строка 12; с. 3, строка 17; с. 4, строка 8; с. 4, строка 13; с. 4, строка 17; с. 7, строка 2; с. 7, строка 3; с. 7, строка 5; с. 7, строка 6; с. 7, строка 8; с. 7, строка 11; с. 7, строка 13; с. 7, строка 15; с. 8, строка 2; с. 8, строка 12; с. 9, строка 12; с. 9, строка 14; с. 9, строка 15; с. 9, строка 16; с. 9, строка 21; с. 10, строка 7; с. 10, строка 11; с. 10, строка 13; с. 10, строка 16; с. 10, строка 17; с. 11, строка 5; с. 11, строка 7; с. 11, строка 15; с. 12, строка 7; с. 12, строка 17; с. 13, строка 19; с. 14, строка 4; с. 14, строка 6; с. 14, строка 7; с. 14, строка 8; с. 15, строка 14; с. 16, строка 8; с. 16, строка 16; с. 16, строка 20; с. 17, строка 18; с. 18, строка 5; с. 18, строка 10; с. 19, строка 2; с. 19, строка 5; с. 19, строка 7; с. 19, строка 13; с. 19, строка 24; с. 20, строка 5; с. 20, строка 11; с. 20, строка 23; с. 21, строка 4; с. 21, строка 23; с. 22, строка 3; с. 22, строка 9; с. 22, строка 11; с. 23, строка 6; с. 23, строка 7; с. 23, строка 10; с. 23, строка 22; с. 24, строка 22; с. 24, строка 23; с. 26, строка 6; с. 27, строка 1; с. 27, строка 23; с. 29, строка 5; с. 29, строка 15; с. 29, строка 17; с. 29, строка 19; с. 30, строка 5; с. 32, строка 21; с. 32, строка 22; с. 33, строка 8; с. 33, строка 10; с. 33, строка 17; с. 34, строка 10; с. 34, строка 17; с. 35, строка 8; с. 35, строка

11; с. 36, строка 14; с. 36, строка 18; с. 36, строка 21; с. 36, строка 24; с. 37, строка 11; с. 38, строка 8; с. 39, строка 20; с. 40, строка 12; с. 40, строка 16; с. 41, строка 19; с. 42, строка 9; с. 42, строка 12; с. 42, строка 13; с. 42, строка 16; с. 42, строка 17; с. 48, строка 11; с. 48, строка 18; с. 48, строка 21; с. 49, строка 23; с. 50, строка 7; с. 50, строка 15; с. 50, строка 17; с. 51, строка 13; с. 51, строка 17; с. 52, строка 8; с. 52, строка 15; с. 52, строка 16; с. 52, строка 22; с. 52, строка 24; с. 53, строка 2; с. 53, строка 12; с. 53, строка 21; с. 54, строка 4; с. 56, строка 18; с. 56, строка 20; с. 57, строка 3; с. 58, строка 23; с. 59, строка 10; с. 59, строка 14; с. 60, строка 16; с. 60, строка 18; с. 61, строка 1; с. 61, строка 23; с. 62, строка 1; с. 62, строка 18; с. 62, строка 19; с. 62, строка 20; с. 62, строка 22; с. 62, строка 23] (также и в двенадцати формах этого слова) — литер. *инмар*; ср. *in̄mar* (B, J, MU), *im̄mar* (U) ‘бог’ [Wichmann 1987: 65]; коми литер. *ен* [енм-] ‘бог; небо’, к.-з., к.-п., к.-я. *jen* ‘бог’ [КЭСКОЯ 1970: 99];

ицты ‘место’ [с. 8, строка 19; с. 54, строка 16; с. 54, строка 18; с. 63, строка 7] (также и в девяти формах этого слова) — литер. *инты*; ср. *int̄i* (S, M), *inti* (M), *int̄i* (U), *in̄t̄i* (G, U), *in̄t̄i* (J, MU) ‘место’ [Wichmann 1987: 66]; счК. *int̄i* ‘место’; коми литер. *ин* ‘место’ [КЭСКОЯ 1970: 109];

кот̄ кицке ‘всякий’ [с. 18, строка 2] — литер. *кот̄ькин̄ ке*; *кот̄ кицке* ‘всякого’ [с. 18, строка 12; с. 18, строка 13; с. 18, строка 22] — литер. *кот̄ькин̄э ке*; ср. *kin* (G, M, U), *kiñ* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *kin'*, бесВ., счК. *kin*, средВ. *kin̄э* ‘кто’; сс., вс., лл., к.-п., к.-я. *kin*, лет. *kin'*, *kini* ‘кто’ [КЭСКОЯ 1970: 124];

нинокицлэн ‘ни у кого’ [с. 60, строка 20] — литер. *нокин̄лэн*; *нинокицлы* ‘никому’ [с. 45, строка 14] — литер. *нокин̄лы*; ср. *kin* (G, M, U), *kiñ* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *n̄kin'*, бесВ. *n̄kin̄ нэ*, средВ., счК., *n̄kin* ‘никто’; сс., вс., лл., к.-п., к.-я. *kin*, лет. *kin'*, *kini* ‘кто’ [КЭСКОЯ 1970: 124];

пицляосыдлиц ‘у твоих детей’ [с. 10, строка 2] — литер. *пинальёсыдлэсь*; ср. *pinal* (G, M, U), *piñal*, *piñal'* (B), *piñaj̄* (J, MU), *piñaj̄* (MU) ‘молодой; ребенок’ [Wichmann 1987: 196];

сицкицленыд ‘твоими слезами’ [с. 38, строка 10] (также *сицкицленыд* [с. 44, строка 10]) — литер. *син-кылиеныд*; ср. бавлПУ. *cin'kal'i*, средВ. *s'inkil'i*, южВБ. *cin'kvl'i* ‘слеза’;

сицязе ‘перед глазами’ [с. 26, строка 22] — литер. *син азе*; *сицязысыкыд* ‘с твоих глаз’ [с. 48, строка 23] — литер. *син азысытыд*; *сицязаз* ‘перед его глазами’ [с. 33, строка 18] — литер. *син аяз*; *сицязам* ‘перед моими глазами’ [с. 4, строка 23] — литер. *син азам*; ср. *sin* (G, M, J), *siñ* (G, B, J, MU), *siñ* (MU), *sim* (U) ‘глаз’ [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *cin'*, бесВ., счК. *cin*, средВ. *s'in* ‘глаз’; коми литер. *син* [синм-] ‘глаз’ [КЭСКОЯ 1970: 256].

3. В ауслауте:

а) /n'/ (графически *н* (*н*)) в соответствии с литер. /n'/:

вац ‘есть, имеется’ [с. 4, строка 9; с. 20, строка 19; с. 32, строка 2; с. 32, строка 4; с. 32, строка 5; с. 38, строка 5; с. 40, строка 22; с. 57, строка 10; с. 62, строка 18] — литер. *вань*; ср. *vañ*, *vañm-* (G, B, MU), *vañ* (M, U), *vañ* (S, J, MU), *vañm-* (J, MU) ‘есть, имеется’ [Wichmann 1987: 307];

мытлац ‘неверный’ [с. 60, строка 14] — литер. *мыдлань*; ср. *m̄dlañ* (G), *m̄dlañ* (M), *m̄d'lañ* (MU) ‘в неверном направлении (идти); неправильный’ [Wichmann 1987: 160];

уллац ‘вниз’ [с. 59, строка 16] — литер. *улань*; ср. *ullañ* (G, S, M, J, U), *uɫlañ* (J, MU) ‘вниз’ [Wichmann 1987: 295];

б) /n'/ (графически *н* (*н*)) в соответствии с литер. /n'/:

кот̄ киц ‘каждый’ [с. 61, строка 9] (также и в трех формах этого слова) — литер. *кот̄ькин̄*; ср. *kin* (G, M, U), *kiñ* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *kin'*, бесВ., счК. *kin*, средВ. *kin̄э* ‘кто’; сс., вс., лл., к.-п., к.-я. *kin*, лет. *kin'*, *kini* ‘кто’ [КЭСКОЯ 1970: 124];

сиц ‘глаз, глаза’ [с. 34, строка 1] (также и в восьми формах этого слова) — литер. *син*; ср. *sin* (G, M, J), *siñ* (G, B, J, MU), *siñ* (MU), *sim* (U) ‘глаз’ [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *cin'*, бесВ., счК. *cin*, средВ. *s'in* ‘глаз’; коми литер. *син* [синм-] ‘глаз’ [КЭСКОЯ 1970: 256].

«В южной диалектной зоне, за исключением татышлинского, канлинского и буйско-таныпского говоров (в отношении красноуфимского нет пока ясности), а также в языке бесермян дентальные *н*, *т* и *д* в позиции после *и* обычно замещаются их палатальными кореллятами (*н'*, *т'* и *д'*)» [Кельмаков 2006: 107]. Именно это явление, как видим, инновационное по своему происхождению, представлено и в «Наставлении...». Согласно материалам словаря [Wichmann 1987], данная особенность была характерна для бесермянского, малмыжско-уржумского и елабужского диалектов; два последних территориально можно отнести к современной южной диалектной зоне. Особая рефлексация, совпадающая с зафиксированной в памятнике, в ходе полевых экспедиций 2013 г. была отмечена и нами в говорах с. Покровский Уростамак (бавлинский говор периферийно-южного диалекта) и с. Варклет-Бодья (говор центрально-южного диалекта).

Употребление согласной /ŋ/

1. В анлауте /ŋ/ (графически *н*) в памятнике не встречается.

2. В инлауте:

а) /ŋ/ (графически *н*) в соответствии с литер. /m/:

бангыскыд 'с твоего лица' [с. 44, строка 3; с. 45, строка 24] — литер. *бамысьтыд*; *бангытлиц* 'от твоего лица' [с. 43, строка 21] — литер. *бамыдлэсь*; ср. *baŋ* (M, J, MU, U), *bam* (G), *ban* (B) 'лицо' [Wichmann 1987: 14]; коми литер. *бан* 'лицо, щека; фасад, лицевая сторона; лезвие' [КЭСКЯ 1970: 37];

пунгит 'против' [с. 45, строка 5] — литер. *пунит*; ср. *puŋit* (M, J, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puŋit'* (J, J, MU) 'навстречу, вопреки, напротив' [Wichmann 1987: 212]; коми литер. *паныд* 'навстречу, напротив, против' [КЭСКЯ 1970: 216] < ПУ **paŋV* 'встречаться' [UEW: 723];

пуныз 'его конец' [с. 39, строка 10] — литер. *пумыз*; *пунтэм* 'необъятный' [с. 50, строка 24] — литер. *пумтэм*; ср. *puŋ* (M, J, MU), *put* (G) 'конец' [Wichmann 1987: 211]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *put* 'конец'; коми литер. *пом*, вв., вым., иж., нв., печ., уд. *пом*, лл., скр., сс., вс. *пон*, к.-я. *пон*, кп. *пон* 'конец' [КЭСКЯ 1970: 224] < ПУ **pāŋe* 'голова, глава' [UEW: 365].

б) /ŋ/ (графически *н*) в соответствии с литер. /n/:

донгытыса 'заставив толкнуть' [с. 59, строка 23] — литер. *донгытыса*; ср. *doŋŋinŋ* (G, U), *doŋg-* (B), *doŋŋin* (M, J, MU) 'толкнуть, толкать' [Wichmann 1987: 36]; бавлПУ., южВБ. *dōngēnē*, бесВ. *dōngānē*, средВ., счК. *dōnginī* 'толкнуть, подтолкнуть; столкнуть' < ПУ **tOŋV* 'толкать' [UEW: 539];

зынмем 'протухлый' [с. 56, строка 11] — литер. *зынмем*; ср. *zŋm* (G), *zŋn* (B), *zŋ* (S, M, J, MU), *zŋŋ* (U) 'запах' [Wichmann 1987: 330]; бавлПУ. *zən*, бесВ., средВ. *zŋn*, счК. *zŋm*, южВБ. *zēn* 'запах; вонь'; коми литер., к.-п. *зын* 'зловоние', к.-я. *zən* 'запах', *zəna* 'душистый, вонючий' [КЭСКЯ 1970: 108] < ПУ **śaŋkV* 'вкус, запах; пробовать, пахнуть' [UEW: 365];

лангыш 'ошибочный; виноватый' [с. 23, строка 20; с. 37, строка 7; с. 49, строка 21; с. 55, строка 4] — литер. *янгыш*; *лангышыса* 'провинившись' [с. 50, строка 5] — литер. *янгышаса*; ср. *jaŋgiš* (S, M), *ḍ'angiš* (MU), *ḍ'angīš* (U) 'ошибка; ошибочный' [Wichmann 1987: 73], *jaŋgišminj* (M), *ḍ'angišinj* (MU), *ḍ'angīšŋnŋ* (U) 'ошибаться' [Wichmann 1987: 73—74].

3. В ауслауте /ŋ/ (графически *н*) в памятнике не встречается.

Фонема /ŋ/ в системе современного удмуртского литературного языка не представлена, однако она имела место в праудмуртском языке-основе и, по данным некоторых ученых, функционировала и в более ранних языковых пластах. Так, Т. И. Тепляшина отмечает: «Этот специфический удмуртский сонорный *н* представляет собой древний финноугорский согласный. Кроме удмуртского языка *н* сохранили марийский, мордовский, хантыйский, мансийский языки» [Тепляшина 1961: 139]. А учитывая данные словаря [UEW], можно говорить о том, что этот согласный был характерен и для прауральских форм.

В. К. Кельмаков выделяет следующие «внутрисистемные факторы», которые привели к постепенному исчезновению древней фонемы **ŋ*: «1) слабая функциональная нагрузка фонемы *ŋ*, выражающаяся в ее низкой частотности и ограниченной дистрибуции; 2) слабая включенность согласного *ŋ* в фонологическую систему прапермского (resp. праудмуртского) языка; 3) бóльшая артикуляционная сложность фонемы *ŋ*» [Кельмаков 1993: 38]. На сегодняшний день фонемный статус **ŋ* сохранился лишь в отдельных говорах южного наречия, в остальных же диалектах он заменился носовыми согласными /m/, /n/ и /n'/, хотя, как видим, по данным Ю. Вихманна, в конце XIX в. эта фонема имела еще довольно широкое распространение.

Употребление согласной /z'/

1. В анлауте:

/z'/ (графически *жс*) встречается единожды в одном слове; исходя из количества случаев, где согласный /z'/ (графически *жс*) памятника соответствует литер. /z'/, уместно предположить, что в этом единичном случае присутствует описка:

жсеч 'хороший' [с. 5, строка 24] (ср. *жсеч* [с. 3, строка 1; с. 3, строка 6; с. 3, строка 21; с. 4, строка 15; с. 5, строка 8; с. 6, строка 2; с. 6, строка 6; с. 6, строка 8; с. 7, строка 1; с. 7, строка 5; с. 7, строка 12; с. 9, строка 12; с. 10, строка 8; с. 10, строка 11; с. 10, строка 15; с. 11, строка 23; с. 16, строка 24; с. 17, строка 11; с. 17, строка 14; с. 17, строка 19; с. 18, строка 18; с. 18, строка 24; с. 19, строка 22; с. 20, строка 3; с. 20, строка 8; с. 20, строка 12; с. 20, строка 20; с. 22, строка 6; с. 22, строка 18; с. 22, строка 19 (x2); с. 23, строка 1; с. 23, строка 7; с. 23, строка 15; с. 23, строка 23; с. 25, строка 24; с. 29, строка 5; с. 29, строка 16; с. 29, строка 17; с. 29, строка 19; с. 30, строка 8; с. 30, строка 17; с. 32, строка 3; с. 33, строка 5; с. 34,

строка 1; с. 34, строка 4 (x2); с. 34, строка 6; с. 36, строка 12; с. 37, строка 10; с. 39, строка 21; с. 40, строка 16; с. 41, строка 4; с. 41, строка 5; с. 41, строка 19; с. 43, строка 8; с. 43, строка 13; с. 43, строка 19; с. 44, строка 5; с. 44, строка 9; с. 46, строка 1; с. 46, строка 9; с. 47, строка 2; с. 49, строка 16; с. 49, строка 17; с. 50, строка 13; с. 50, строка 18; с. 51, строка 1; с. 52, строка 19; с. 52, строка 20; с. 52, строка 24; с. 53, строка 5; с. 53, строка 7; с. 53, строка 23; с. 55, строка 12; с. 55, строка 15; с. 55, строка 17; с. 55, строка 18; с. 55, строка 20; с. 55, строка 21; с. 56, строка 9; с. 56, строка 10; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 56, строка 22; с. 56, строка 24; с. 57, строка 2; с. 57, строка 3; с. 57, строка 4; с. 57, строка 7; с. 57, строка 9; с. 58, строка 6; с. 59, строка 1; с. 59, строка 9; с. 59, строка 14; с. 60, строка 16; с. 60, строка 18; с. 60, строка 22; с. 61, строка 4; с. 61, строка 18; с. 62, строка 2; с. 62, строка 3; с. 62, строка 10; с. 62, строка 15; с. 63, строка 4; с. 63, строка 9] (также и в пяти формах этого слова) — литер. *žet*; ср. *d'žet's* (G), *d'eš*, *d'es* (B), *d'žet's* (S), *d'žet's* (M, J, MU), *d'žes* (J), *d'jet's* (U) ‘хороший, добрый’ [Wichmann 1987: 47]; бесВ. *žete*, счК. *žete* ‘хороший, добрый’.

2. В инлауте:

а) /z'/ (графически *ж*) в соответствии с литер. /z'/:

вожыны ‘держат’ [с. 21, строка 23; с. 61, строка 23] (также и в пяти формах этого слова) — литер. *vožyni*; ср. *vožinî* (G, B), *vožni* (M), *vožini* (J, MU) ‘держат’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ., южВБ. *vožyné*, бесВ. *vožyné*, средВ. *vožni*, счК. *vožini* ‘держат, удерживать’;

кижы ‘как’ [с. 5, строка 4; с. 21, строка 13; с. 22, строка 7; с. 30, строка 6; с. 39, строка 23; с. 40, строка 5; с. 40, строка 20; с. 41, строка 1; с. 43, строка 15; с. 46, строка 17; с. 48, строка 6; с. 51, строка 9; с. 62, строка 3] — литер. *kyžy*; ср. *kîžî* (G, B, U), *kî-žî*, *kižî* (G), *kîd'žî* (M), *kîžî*, *kî-žî* (J), *kižî*, *ki-žî* (MU) ‘как’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kîžə*, бесВ., южВБ. *kîžv*, средВ. *kîžó*, счК. *kîžî* ‘как, каким образом’;

ожы ‘так’ [с. 3, строка 14; с. 5, строка 2; с. 6, строка 7; с. 7, строка 17; с. 8, строка 4; с. 9, строка 8; с. 11, строка 22; с. 13, строка 16; с. 14, строка 16; с. 16, строка 15; с. 18, строка 15; с. 18, строка 19; с. 18, строка 20; с. 18, строка 24; с. 19, строка 4; с. 20, строка 12; с. 24, строка 13; с. 26, строка 14; с. 27, строка 9; с. 27, строка 13; с. 28, строка 9; с. 28, строка 22; с. 29, строка 7; с. 30, строка 3; с. 30, строка 6; с. 30, строка 12; с. 30, строка 17; с. 31, строка 9; с. 32, строка 13; с. 35, строка 12; с. 36, строка 3; с. 36, строка 9; с. 36, строка 22; с. 37, строка 10; с. 37, строка 14; с. 38, строка 21; с. 41, строка 2; с. 42, строка 3; с. 45, строка 3; с. 45, строка 5; с. 45, строка 11; с. 45, строка 15; с. 45, строка 18; с. 45, строка 23; с. 46, строка 7; с. 53, строка 1; с. 55, строка 21; с. 58, строка 11; с. 60, строка 1] — литер. *ožy*; ср. *ož* (G, B), *oži* (M), *oži* (S, M, J, MU), *o-žî* (J, MU), *ožî* (U) ‘так, таким образом’ [Wichmann 1987: 183]; бавлПУ. *ožajén*, бесВ., счК. *ož*, средВ. *ožî*, южВБ. *ožé* ‘так, таким образом’.

б) /z'/ (графически *ж*) в соответствии с литер. /ž'/:

кыржанъес ‘пения’ [с. 17, строка 12] — литер. *kyržan'jes*; *кыржамез* ‘пение’ [с. 33, строка 2] — литер. *kyržam / kyržamez*; ср. *kîržanî* (G, B, U), *kîrd'žanî* (G), *kîržani* (J, MU), *kîrd'žani* (M, J, MU) ‘петь’ [Wichmann 1987: 115];

небжоз ‘отойдет’ [с. 33, строка 4] — литер. *nebžoz*; ср. *nebžt* (G, U), *nebžt* (M, J, MU) ‘мягкий’, *nebd'žinî* (G), *nebd'žini* (M), *nebžini* (JI), *nebd'žinî* (U) ‘становиться мягким’ [Wichmann 1987: 176]; коми литер. *небжыны* ‘размягчиться, стать рыхлым, развариться’ [КЭСНЯ 1970: 187];

пегжыса ‘скрываясь’ [с. 5, строка 7; с. 5, строка 9] — литер. *pegžyca*; ср. *pegd'žinî* (G), *pegd'žini* (M, J), *pegd'ž-* (MU), *pegžini* (M, J), *pegd'žinî* (U) ‘убегать, спасаться бегством’ [Wichmann 1987: 190];

сялжыса ‘плюнув’ [с. 50, строка 21] — литер. *šald'žinî*; ср. *šald'žinî* (G), *šald'žini* (M, J), *šald'žini* (J), *šald'žini*, *šald'žini* (MU), *šald'žinî* (U) ‘плюнуть, наплевать’ [Wichmann 1987: 229]; коми литер. *сьолавны* ‘плевать’, *сьоэжыны* ‘плюнуть’ [КЭСНЯ 1970: 270];

улжыса ‘воскреснув’ [с. 8, строка 17; с. 8, строка 18] — литер. *ulžyca*; *улжэмзе* ‘его воскресение’ [с. 16, строка 5] — литер. *ulžemze*; ср. *uld'žinî* (G), *ul'd'žini* (S), *uld'žini* (M), *uld'žini* (J), *ulžinî* (U) ‘оживать’ [Wichmann 1987: 297];

диал. *раңжытон* ‘обижание’ [с. 36, строка 20; с. 36, строка 23; с. 37, строка 4]; диал. *раңже* ‘обижается’ [с. 37, строка 1]; диал. *раңжытиц* ‘обижающий’ [с. 36, строка 24] (также и в других четырех формах диал. слова *раньжытыны* ‘1) замучить; обессилить; утомить; 2) обидеть’); ср. *rand'žinî* (G), *rañž-* (B), *řand'žinî* (U) ‘страдать, мучиться; злиться’, *rand'žinî* (G) ‘мучить’ [Wichmann 1987: 215].

3. В ауслауте

/z'/ (графически *ж*) в соответствии с литер. /z'/ в памятнике встречается только в одной лексеме и ее форме:

толэж ‘луна’ [с. 13, строка 21] — литер. *toləž*; *толэжез* ‘луну’ [с. 10, строка 22] — литер. *toləž / toləžez*; ср. *tolež* (G, B, J, MU, U), *tol'ž* (G), *toled'ž* (M), *touž* (J, MU) ‘луна; месяц’ [Wichmann 1987: 265].

В данном случае в употреблении согласной /z'/ в соответствии с литер. /ž'/, видимо, отражается процесс деаффрикатизации, который на сегодняшний день характерен для многих периферийно-южных говоров и бесермянского наречия. Это явление свойственно в том числе и шошминскому говору. Так, Т. И. Тепляшина в одной из своих работ отмечает, что «в середине слова этимологические аффрикаты *дж', д'з'* (...) в данном диалекте не встречаются. Согласные *дж', д'з'* деаффрикатизировались, т. е. перешли во фрикативные *ж* и *з*» [Тепляшина 1961: 134]. Однако аффриката /ž'/ в памятнике утрачена не полностью. Она встречается в следующих словах.

а) в анлауте:

лжеч [с. 3, строка 1; с. 3, строка 6; с. 3, строка 21; с. 4, строка 15; с. 5, строка 8; с. 6, строка 2; с. 6, строка 6; с. 6, строка 8; с. 7, строка 1; с. 7, строка 5; с. 7, строка 12; с. 9, строка 12; с. 10, строка 8; с. 10, строка 11; с. 10, строка 15; с. 11, строка 23; с. 16, строка 24; с. 17, строка 11; с. 17, строка 14; с. 17, строка 19; с. 18, строка 18; с. 18, строка 24; с. 19, строка 22; с. 20, строка 3; с. 20, строка 8; с. 20, строка 12; с. 20, строка 20; с. 22, строка 6; с. 22, строка 18; с. 22, строка 19 (x2); с. 23, строка 1; с. 23, строка 7; с. 23, строка 15; с. 23, строка 23; с. 25, строка 24; с. 29, строка 5; с. 29, строка 16; с. 29, строка 17; с. 29, строка 19; с. 30, строка 8; с. 30, строка 17; с. 32, строка 3; с. 33, строка 5; с. 34, строка 1; с. 34, строка 4 (x2); с. 34, строка 6; с. 36, строка 12; с. 37, строка 10; с. 39, строка 21; с. 40, строка 16; с. 41, строка 4; с. 41, строка 5; с. 41, строка 19; с. 43, строка 8; с. 43, строка 13; с. 43, строка 19; с. 44, строка 5; с. 44, строка 9; с. 46, строка 1; с. 46, строка 9; с. 47, строка 2; с. 49, строка 16; с. 49, строка 17; с. 50, строка 13; с. 50, строка 18; с. 51, строка 1; с. 52, строка 19; с. 52, строка 20; с. 52, строка 24; с. 53, строка 5; с. 53, строка 7; с. 53, строка 23; с. 55, строка 12; с. 55, строка 15; с. 55, строка 17; с. 55, строка 18; с. 55, строка 20; с. 55, строка 21; с. 56, строка 9; с. 56, строка 10; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 56, строка 22; с. 56, строка 24; с. 57, строка 2; с. 57, строка 3; с. 57, строка 4; с. 57, строка 7; с. 57, строка 9; с. 58, строка 6; с. 59, строка 1; с. 59, строка 9; с. 59, строка 14; с. 60, строка 16; с. 60, строка 18; с. 60, строка 22; с. 61, строка 4; с. 61, строка 18; с. 62, строка 2; с. 62, строка 3; с. 62, строка 10; с. 62, строка 15; с. 63, строка 4; с. 63, строка 9] (также и в пяти формах этого слова) — литер. *жеч*; *лжечлыг* 'доброта; благость' [с. 9, строка 14; с. 26, строка 22] (также и в двенадцати формах этого слова) — литер. *жечлык*; *лжечлыго* 'добротный' [с. 54, строка 23] — литер. *жечлыко*; *лжечкын* 'по-хорошему' [с. 42, строка 4; с. 61, строка 23] — литер. *жечкын*; диал. *лжин* 'сход' [с. 24, строка 3].

б) в инлауте:

алжыны 'видеть' [с. 26, строка 21; с. 45, строка 12; с. 51, строка 24; с. 57, строка 15] (также и в одиннадцати формах этого слова) — литер. *адзыны*; *алжем* 'увиденное' [с. 5, строка 1; с. 44, строка 3; с. 45, строка 24; с. 59, строка 4] — литер. *адзем*; *алжон* 'несчастье' [с. 58, строка 14; с. 58, строка 17; с. 58, строка 21; с. 58, строка 23] — литер. *адзон*; *алжонлиц* 'от несчастья' [с. 26, строка 8] — литер. *адзонлэсь*; *күлжүны* 'опьянеть' [с. 21, строка 2; с. 21, строка 4] (также и в двух формах этого слова) — литер. *кудзыны*; *күлжүтиц* 'опьяняющий' [с. 21, строка 2] — литер. *кудзытйсь*; *куралжыса* 'страдающая' [с. 8, строка 16; с. 8, строка 20; с. 11, строка 17; с. 14, строка 22; с. 16, строка 9; с. 26, строка 17; с. 27, строка 24; с. 29, строка 24; с. 30, строка 23; с. 49, строка 6; с. 53, строка 13; с. 53, строка 15; с. 53, строка 18; с. 53, строка 20; с. 53, строка 22; с. 54, строка 9; с. 54, строка 13; с. 55, строка 8; с. 58, строка 4; с. 58, строка 5] — литер. *курадзыса*; *куралжем* 'оказывается, он страдал' [с. 12, строка 19] — литер. *курадзем*; *куралжемзе* 'его страдание' [с. 16, строка 4; с. 53, строка 6] — литер. *курадземзе*; *куралжон* 'мучение, страдание' [с. 11, строка 18; с. 14, строка 23; с. 30, строка 10; с. 31, строка 4; с. 31, строка 5; с. 45, строка 21; с. 52, строка 9; с. 53, строка 9; с. 55, строка 1; с. 57, строка 24] — литер. *курадзон*; *куралжонлиц* 'от страдания' [с. 26, строка 5; с. 30, строка 18] — литер. *курадзонлэсь*; *куралжытыса* 'причиняющая страдания' [с. 27, строка 11] — литер. *курадзытыса*; *куралжытод* 'причинишь страдания' [с. 6, строка 10] — литер. *курадзытод*; *куралжытыцсослы* 'мучителям' [с. 45, строка 19] — литер. *курадзытыцсёслы*.

Что касается соответствий в [Wichmann 1987], здесь тоже не все однозначно. Из шести случаев, которые мы выявили в памятнике, малмыжско-уржумские соответствия представлены только для трех, при этом в двух из них отмечено параллельное употребление форм с /ž'/ и /z'/ (ср. *kjrd'žànj* ~ *kjrzànj* 'петь' [Wichmann 1987: 115], *šàud'žinj* ~ *šàuzinj* 'плюнуть, наплевать' [Wichmann 1987: 229]), а в одном зафиксирована фонема /ž'/ (*pegd'ž-* 'убегать, спастись бегством' [Wichmann 1987: 190]). Подобный нерегулярный характер обнаруженного нами явления, возможно, объясняется тем, что на момент написания «Наставления...» и сбора материала для словаря [Wichmann 1987] процесс деаффрикатизации в диалекте, потомком которого является современный шошминский говор периферийно-южного наречия, еще не был завершен.

Употребление согласной /с/

1. В анлауте /с/ (графически *ц*) в памятнике не встречается.

2. В инлауте:

а) /с/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /č'/:

кот кытчы 'куда угодно' [с. 34, строка 10; с. 34, строка 14; с. 34, строка 15; с. 34, строка 20] — литер. *коткытчы*; *кытчыке* 'куда-нибудь' [с. 7, строка 23] — литер. *кытчы ке*; ср. *kî·tsî*, *kîtsî* (G), *kî't'sî* (B), *kî't'sî* (M), *kî·ts'i*, *kî·t't'sî* (J), *kî·tsî* (MU), *kî't't'sî* (U) 'куда?' [Wichmann 1987: 127]; коми литер. *кытчö* 'куда' [КЭСНЯ 1970: 155];

отцы 'туда' [с. 24, строка 24; с. 35, строка 17] — литер. *отчы*; ср. *o·tsî*, *otsî* (G), *ot'sî* (B), *ot't'sî* (S, M), *o·tsî* (J), *otsî* (MU), *ot't'sî*, *o·t't'sî* (U) 'туда' [Wichmann 1987: 183]; к.-я. *i·s'č'ə* 'вот туда' [КЭСНЯ 1970: 332]; *тамцы* 'сюда' [с. 35, строка 18] — литер. *тамчы*; ср. *tatsî* (G), *ta·t'sî* (B), *ta't'sî* (M), *ta·tsî* (J), *tatsî* (MU), *ta't'sî* (U) 'сюда' [Wichmann 1987: 255].

б) /с/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /ž'/:

бытца 'величиной с' [с. 53, строка 17] — литер. *быдža*; ср. *bîtsa* (G), *bîtsa* (MU) 'величиной с' [Wichmann 1987: 22], *og bîd'd'ža* (M) 'одного возраста' [Wichmann 1987: 23].

в) /с/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /s'/:

муртце 'его человека' [с. 37, строка 20] (ср. *муртсэ* [с. 19, строка 5]) — литер. *муртсэ*.

3. В ауслауте /с/ (графически *ц*) в памятнике не встречается.

Как уже упоминалось в начале данной статьи, фонема /с/ для литературного удмуртского языка не характерна. Как правило, она встречается лишь в поздних заимствованиях из русского языка. Однако в качестве исключения в некоторых диалектах /с/ может выступать и в определенной группе исконных слов, к которой относятся и приведенные выше примеры. Как видим, подобная рефлексия отмечена Ю. Вихманном в трех диалектах: глазовском, елабужском и малмыжско-уржумском.

Употребление согласной /č/

1. В анлауте:

/č/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /č'/:

щентыса 'споткнувшись' [с. 34, строка 13] — литер. *щемтыса*; ср. *tšentjini* (J, MU), *tšemtjini* (S), *tšentjini* (MU), *tšenđinî* (U) 'споткнуться, запнуться, спотыкаться' [Wichmann 1987: 273];

щоцатыса 'сравнивая, сравнив' [с. 29, строка 1; с. 43, строка 24; с. 46, строка 5] — литер. *щошатыса*; ср. *tšoŝkat-* (S, M), *tšoŝkat-* (M), *tšo·tšatjini* (J), *tšo·tšat-* (MU), *tšo·tšatjini* (U) 'выровнять; сравнить; пустить в запуск' [Wichmann 1987: 275];

щуцыса 'вытерев' [с. 43, строка 21] — литер. *щушыса*; ср. *tšutšîni* (G, U), *tšutšîni* (S, M, J, MU), *t'ušîni* (B) 'стереть, вытереть, зачеркнуть' [Wichmann 1987: 276].

2. В инлауте:

а) /č/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /č'/:

көще 'какой' [с. 37, строка 4; с. 51, строка 14; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 58, строка 10; с. 58, строка 12] — литер. *кыче*; ср. *ke·tšë* (G, M, U), *kî·tšë* (G), *kö·tšë* (J, MU) 'какой' [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *käffe*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kîfë* 'какой' < ПУ *ku- ~ *ko- 'кто; который' [UEW: 191];

таще 'такой' [с. 57, строка 14] — литер. *таче*; ср. *ta·tšë* (G, M, J, MU, U) 'такой' [Wichmann 1987: 255]; бавлПУ., южВБ. *tafë* 'такой';

ыще 'такой' [с. 4, строка 16; с. 6, строка 6; с. 8, строка 20; с. 9, строка 11; с. 11, строка 8; с. 11, строка 23; с. 12, строка 11; с. 18, строка 10; с. 18, строка 17; с. 20, строка 24; с. 23, строка 16; с. 23, строка 18; с. 23, строка 21; с. 23, строка 23; с. 23, строка 24; с. 25, строка 13; с. 26, строка 15; с. 26, строка 20; с. 26, строка 23; с. 27, строка 19; с. 27, строка 21; с. 28, строка 1; с. 30, строка 19; с. 33, строка 21; с. 33, строка 24; с. 38, строка 12; с. 39, строка 8; с. 41, строка 6; с. 44, строка 18; с. 51, строка 12; с. 52, строка 2; с. 52, строка 4; с. 52, строка 10; с. 52, строка 11; с. 52, строка 12; с. 55, строка 6; с. 55, строка 10; с. 57, строка 19] (также и в одной форме этого слова) — литер. *сыче*; ср. *sî·tšë* (G), *sî·tšë* (S, M, J, MU), *tšî·tšë*, *šî·tšë* (U) 'такой' [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *sîteé*, счК. *sîfë* 'такой' < ПУ *e 'такой' [UEW: 67].

б) /č/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /š'/:

вацкала 'древний' [с. 27, строка 6] — литер. *вацкала*; ср. *vačškâca*, *vaškâca*, *vačškâca*, *vaškâca* (MU), *vačškala* (S), *vaškala*, *vaškâca* (J) 'старый, древний, прежний' [Wichmann 1987: 308];

лушкаса ‘украсть’ [с. 51, строка 21] — литер. *лушкаса*; *лушкем* ‘тайно’ [с. 23, строка 15; с. 23, строка 22; с. 38, строка 11] — литер. *лушкем* (ср. *лушкаскыны* ‘воровать’ [с. 6, строка 4] — литер. *лушкаскыны*); ср. *luškànî* (G), *luškànî* (M), *luškànî* (MU), *luškànî* (U) ‘красть, воровать’, *luškem* (G, M, J), *luškem* (U) ‘тайно, скрытно’ [Wichmann 1987: 149];

щощатыса ‘сравнивая, сравнив’ [с. 29, строка 1; с. 43, строка 24; с. 46, строка 5] — литер. *щощатыса*; ср. *tšořkat-* (S, M), *tšořkat-* (M), *tšo,třatiñi* (J), *tšo,třat-* (MU), *tšo,třatiñî* (U) ‘выровнять; сравнить; пустить в запуск’ [Wichmann 1987: 275];

щущыса ‘вытерев’ [с. 43, строка 21] — литер. *щущыса*; ср. *třu,třîñî* (G, U), *třu,třîñi* (S, M, J, MU), *třu,třîñî* (B) ‘стереть, вытереть, зачеркнуть’ [Wichmann 1987: 276]; коми литер. *чышкôд* ‘предмет, служащий для вытирания, обтирания’, *кичишкôд* ‘полотенце’, *чышкыны* ‘утереть, вытереть, обтереть; мести, вымести, подмести’ [КЭСЯ 1970: 314].

3. В ауслaute /č/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /č/ в памятнике не встречается.

Эта особенность, встречающаяся в употреблении согласной /č/, видимо, также относится к процессам деаффрикатизации, но в данном случае аффриката еще сохранила свой статус, т. е. на момент создания памятника в данных лексемах /č/ еще использовалась. Как отмечают ученые, «все аффрикаты, по-видимому, свободно функционировали во всех позициях праудмуртского корня: в начале, середине (преимущественно между гласными) и в конце (...)» [Кельмаков 1987: 35]. Вероятно, именно этот факт подтверждают приведенные выше примеры из «Наставления...». В материалах [Wichmann 1987] мы также можем заметить, что аффриката /č/ в конце XIX в. в данных лексемах сохранялась во многих диалектах. Исходя из этого, можно предположить, что в данном случае представлено архаическое явление.

Употребление согласной /č'/

1. В анлауте:

/č'/ (графически *ч*) в соответствии с литер. /č'/:

чебер ‘красивый || красиво || красота’ [с. 30, строка 3; с. 31, строка 24; с. 32, строка 15; с. 32, строка 18; с. 32, строка 19; с. 32, строка 22] (также и в одной форме этого слова) — литер. *чебер*; ср. *t'seber* (G, U), *t'seber* (S, M, J, MU) ‘красивый; хороший’ [Wichmann 1987: 280];

чиданы ‘терпеть’ [с. 19, строка 10] (также и в одной форме этого слова) — литер. *чиданы*; ср. *t'sidànî* (G, U), *t'sîdànî* (B), *t'sidànî* (S, M, J, MU) ‘терпеть, переносить, выносить’ [Wichmann 1987: 283];

чурым ‘твердый || скупой’ [с. 35, строка 17; с. 52, строка 8] — литер. *чурым*; ср. *t'surît* (G, U), *t'surît* (S, M, J, MU) ‘твердый, крепкий, прочный’ [Wichmann 1987: 289]; бавлПУ. *teurát*, бесВ., южВБ. *teurét*, средВ., счК. *teurît* ‘твердый’ < ПУ *čarV ‘твердый, крепкий, прочный’ [UEW: 30].

2. В инлауте:

а) /č'/ (графически *ч*) в соответствии с литер. /č'/:

канчи ‘легкий’ [с. 59, строка 18] — литер. *канчи*; ср. *kapt'si* (G, B, U), *kapt'si* (M, J, MU) ‘легкий’ [Wichmann 1987: 90]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kaptci* ‘легкий, нетрудный’ < ПУ *kepā ‘легкий’ [UEW: 146];

ничу ‘немного’ [с. 36, строка 16] — литер. *ничу*; ср. *pi,t'si* (M, J, MU), *pi,t'si* (U), *pe,t'si*, *pî,t'si* (G), *po,t'si* (G, B) ‘маленький; молодой’ [Wichmann 1987: 198];

утчаны ‘искать’ [с. 25, строка 8; с. 25, строка 21; с. 26, строка 10] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *утчаны*; ср. *ut't'sànî* (G), *ut't'sànî* (S, M, J, MU), *ut't'sànî* (U) ‘искать’ [Wichmann 1987: 303]; бавлПУ., южВБ. *ute:ané*, средВ., счК. *ute:ani* ‘искать’.

б) /č'/ (графически *ч*) в соответствии с литер. /s'/:

ачыме ‘наш’ [с. 38, строка 13; с. 53, строка 14; с. 54, строка 3; с. 55, строка 8] — литер. *ачыме*; *ачымес* ‘мы сами’ [с. 11, строка 16; с. 11, строка 22; с. 12, строка 2; с. 12, строка 18; с. 12, строка 20; с. 12, строка 21; с. 12, строка 23; с. 18, строка 11; с. 18, строка 13; с. 18, строка 16; с. 22, строка 5; с. 22, строка 22; с. 22, строка 23; с. 29, строка 12; с. 40, строка 4; с. 49, строка 6; с. 53, строка 6; с. 53, строка 8; с. 54, строка 7; с. 55, строка 7; с. 55, строка 10; с. 59, строка 9; с. 60, строка 4] — литер. *ачымеос*; ср. *ачым* ‘я сам’ [с. 46, строка 17] — литер. *ачим*; ср. *a,t'simes* (G), *ašmes* (B), *ašmeješ* (J), *a,t'sîmε*, *a,t'sîmε*, *a,t'sîmεs*, *a,t'simez*, *mi a,t'sîmεs* (MU), *mi a,t'smîjos* (M), *mi ašmîjos* (U) ‘мы сами’ [Wichmann 1987: 10].

в) /č'/ (графически *ч*) в соответствии с литер. сочетанием *-mc-*:

*берыкчем*⁴ ‘оказывается, он повернулся’ [с. 27, строка 8] — литер. *берытскем* / *берытскемез*; ср. *berjktišk-* (J), *berjtskîñî* (G), *beret'sk-* (B), *berjtskîñi* (M), *berj'tškîñi*, *berjtskîñi* (MU), *berj'tkiškîñî* (U) ‘перевернуться, воротиться’ [Wichmann 1987: 19];

⁴ В данном случае, видимо, представлена метатеза (*берыкчем* > *берыкчем*).

кучком ‘начало’ [с. 60, строка 17] (также и в одной форме этого слова) — литер. *кутскем*; *кучке* ‘начинает’ [с. 55, строка 23; с. 58, строка 11] (также и в других десяти формах слова *кутскыны* ‘начать, начинать, приступить, приступать; начаться, начинаться’) — литер. *кутске*; ср. *kutskîñî*, *ku't'skîñî* (G), *ku,t'sîk-* (B), *kutskîñî*, *ku'tskîñî* (M), *kuti'skîñî*, *ku'skîñî* (J), *ku't'skîñî* (J, MU), *kuti'skîñî* (U) ‘начинать, приступать’ [Wichmann 1987: 136] < ПУ **kattV* ‘нажимать, давить’ [UEW: 130].

г) /č'/ (графически ч) в соответствии с литер. /ž'/:

ачконтэм ‘незаметный’ [с. 23, строка 21; с. 26, строка 22] — литер. *адžиськонтэм*; *ачкытэк* ‘не показываясь’ [с. 11, строка 9; с. 41, строка 9; с. 57, строка 13] (также и в других трех формах слова *адžиськыны* ‘увидеться, свидеться, видеться, повидаться; встретиться, встречаться’) — литер. *адžиськытэк*; ср. *ad'd'ži'skîñî* (J, JI, MU), *adskîñî* (JI), *at'skîñî*, *a'skîñî* (MU), *atskîñî*, *at'skîñî* (G), *ad'd'žîkîñî* (B), *ad'd'ji'skîñî* (U) ‘видеться, повидаться, (по-)казаться, свидеться’ [Wichmann 1987: 3].

3. В *ауслaute* /č'/ (графически ч) в соответствии с литер. /č'/ встречается только в одном слове:

жеч ‘хороший’ [с. 3, строка 1; с. 3, строка 6; с. 3, строка 21; с. 4, строка 15; с. 5, строка 8; с. 6, строка 2; с. 6, строка 6; с. 6, строка 8; с. 7, строка 1; с. 7, строка 5; с. 7, строка 12; с. 9, строка 12; с. 10, строка 8; с. 10, строка 11; с. 10, строка 15; с. 11, строка 23; с. 16, строка 24; с. 17, строка 11; с. 17, строка 14; с. 17, строка 19; с. 18, строка 18; с. 18, строка 24; с. 19, строка 22; с. 20, строка 3; с. 20, строка 8; с. 20, строка 12; с. 20, строка 20; с. 22, строка 6; с. 22, строка 18; с. 22, строка 19 (x2); с. 23, строка 1; с. 23, строка 7; с. 23, строка 15; с. 23, строка 23; с. 25, строка 24; с. 29, строка 5; с. 29, строка 16; с. 29, строка 17; с. 29, строка 19; с. 30, строка 8; с. 30, строка 17; с. 32, строка 3; с. 33, строка 5; с. 34, строка 1; с. 34, строка 4 (x2); с. 34, строка 6; с. 36, строка 12; с. 37, строка 10; с. 39, строка 21; с. 40, строка 16; с. 41, строка 4; с. 41, строка 5; с. 41, строка 19; с. 43, строка 8; с. 43, строка 13; с. 43, строка 19; с. 44, строка 5; с. 44, строка 9; с. 46, строка 1; с. 46, строка 9; с. 47, строка 2; с. 49, строка 16; с. 49, строка 17; с. 50, строка 13; с. 50, строка 18; с. 51, строка 1; с. 52, строка 19; с. 52, строка 20; с. 52, строка 24; с. 53, строка 5; с. 53, строка 7; с. 53, строка 23; с. 55, строка 12; с. 55, строка 15; с. 55, строка 17; с. 55, строка 18; с. 55, строка 20; с. 55, строка 21; с. 56, строка 9; с. 56, строка 10; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 56, строка 22; с. 56, строка 24; с. 57, строка 2; с. 57, строка 3; с. 57, строка 4; с. 57, строка 7; с. 57, строка 9; с. 58, строка 6; с. 59, строка 1; с. 59, строка 9; с. 59, строка 14; с. 60, строка 16; с. 60, строка 18; с. 60, строка 22; с. 61, строка 4; с. 61, строка 18; с. 62, строка 2; с. 62, строка 3; с. 62, строка 10; с. 62, строка 15; с. 63, строка 4; с. 63, строка 9] (также *жеч* [с. 5, строка 24]) — литер. *žеч*; ср. *d'žet's* (G), *d'žs*, *d'es* (B), *d'žet's* (G), *d'žet's* (S), *d'žet's* (M, J, MU), *d'žes* (J), *d'jet's* (U) ‘хороший, добрый’ [Wichmann 1987: 47]; бесВ. *čee*, счК. *čete* ‘хороший, добрый’.

Что касается особенностей употребления согласной /č'/, определить однозначно инновационный или архаический характер этого явления, как нам кажется, сложно. На каждое нерегулярное соответствие имеется по одному-два примера, хотя все они подтверждаются формами малмыжско-уржумского диалекта словаря [Wichmann 1987].

Единичные отклонения

1) /b/ (графически б) в соответствии с литер. /p/:

эсеб ‘мысль’ [с. 25, строка 17; с. 25, строка 21; с. 28, строка 23] (также *эсэб* [с. 34, строка 3]) — литер. *эсэн*; ср. *esep* (G, S, M, J, MU, U), *eseb* (MU) ‘охота, хотение; мысль; средство’ [Wichmann 1987: 52].

2) /d/ (графически д) в соответствии с литер. /ž'/:

лурдым ‘отвратительный’ [с. 24, строка 15] — литер. *юрžым*; ср. *jurzim* (возможно, *ž*) (G) ‘отвратительный’ [Wichmann 1987: 84].

3) /ž'/ (графически ж) в соответствии с литер. /l'/:

жэалчи ‘батрак’ [с. 35, строка 20; с. 41, строка 14; с. 51, строка 2] (также и в одной форме этого слова) — литер. *ляльчи*; ср. *l'al't'si* (S, M, J), *l'ai't'si* (J), *d'žal't'si* (MU), *d'al't'si* (U) ‘поденщик, работник’ [Wichmann 1987: 150].

4) /s'/ (графически с) в соответствии с литер. сочетанием *-mc-*:

дышескисез ‘его ученик’ [с. 15, строка 24] — литер. *дышетскисез*; ср. *dîšetskîs* (G), *dîšeškiš* (MU) ‘ученик’ [Wichmann 1987: 35];

тупацкыны ‘исправиться’ [с. 58, строка 13] — литер. *тупатскыны*; ср. *tupañîñî* (G, U), *tupañîñî* (M, J, MU) ‘чинить, ремонтировать; улучшать; исправлять свою ошибку’ [Wichmann 1987: 268].

5) /t'/ (графически т) в соответствии с литер. /t'/:

пунит ‘против’ [с. 45, строка 5] — литер. *пумит*; ср. *puñit* (M, JI, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puñit'* (J, JI, MU) ‘навстречу, вопреки, напротив’ [Wichmann 1987: 212]; коми литер. *паныд* ‘навстречу, напротив, против’ [КЭСЯ 1970: 216].

Кроме вышеперечисленных особенностей, в памятнике также встречаются следующие явления:

1) Употребление в инлауте сочетаний согласных типа *-pC-* в соответствии с литер. *-pCC⁻⁵*:

луртыны ‘помочь, помогать’ [с. 63, строка 1] (также и в пяти формах этого слова) — литер. *юрттыны*; *луртонлиц* ‘от оказания помощи’ [с. 31, строка 16] — литер. *юрттонлэсь*; *луртэмен* ‘с помощью’ [с. 60, строка 2] — литер. *юрттэмен*; *луртэменыз* ‘с его помощью’ [с. 46, строка 8] — литер. *юрттэменыз*; ср. *jurťŋŋ* (G), *jurit-* (B), *d'urtŋŋ* (MU); *jurťŋŋ* (G), *jurťŋŋ* (S, M) ‘помогать’ [Wichmann 1987: 84]; бесВ. *jurit:ənb*, средВ. счК. *jurit:inŋ*, южВБ. *jurit:vnŋ* ‘помочь, помогать’;

лыбыртыско ‘молюсь’ [с. 15, строка 1] (также и в двух других формах слова *йыбыртыны* ‘1) поклониться; преклонить колени; 2) просить, молить; 3) рел. молиться; помянуть умерших’) — литер. *йыбырттиско*; ср. *jŋbŋrtŋŋ* (G, B), *d'jŋbŋrtŋŋ* (MU), *d'jŋbŋrtŋŋ* (U), *jŋbŋrtŋŋ* (S, M, J), *jŋbŋrtŋŋ* (J) ‘поклониться, молиться’ [Wichmann 1987: 77];

тыртыса ‘стараясь’ [с. 3, строка 19; с. 20, строка 2; с. 21, строка 22; с. 24, строка 10; с. 55, строка 6; с. 60, строка 11] (также и в трех других формах слова *турттыны* ‘стараться, стремиться, намереваться, иметь намерение’) — литер. *турттыса*; ср. *turtŋŋ*, *tirtŋŋ* (MU), *turtŋŋ* (M, J), *turtŋŋ* (J), *tirtŋŋ* (MU), *tirtŋŋ* (U) ‘хотеть, желать; собираться, намереваться’ [Wichmann 1987: 269].

2) Ассимиляция в сочетаниях типа *-Cŋ-*:

музем ‘земля’ [с. 8, строка 1; с. 8, строка 14; с. 11, строка 16; с. 12, строка 14; с. 12, строка 18; с. 12, строка 24; с. 13, строка 9; с. 13, строка 24; с. 14, строка 1; с. 20, строка 18; с. 25, строка 4; с. 26, строка 16; с. 43, строка 14; с. 43, строка 24; с. 44, строка 1; с. 44, строка 5; с. 44, строка 7; с. 44, строка 13; с. 44, строка 20; с. 46, строка 1; с. 54, строка 19] — литер. *музем*; ср. *muzjem* (G, M, J, MU), *muzjem* (G), *muźjem* (G, B, MU), *muzźem* (MU, U) ‘земля; почва’ [Wichmann 1987: 167];

иззян ‘урон, ущерб’ [с. 45, строка 20] (также и в одной форме этого слова) — литер. *изъян*; ср. *izjan* (G, S, M, U) ‘убыток; траг’.

3) Выпадение начальной согласной:

ыще ‘такой’ [с. 4, строка 16; с. 6, строка 6; с. 8, строка 20; с. 9, строка 11; с. 11, строка 8; с. 11, строка 23; с. 12, строка 11; с. 18, строка 10; с. 18, строка 17; с. 20, строка 24; с. 23, строка 16; с. 23, строка 18; с. 23, строка 21; с. 23, строка 23; с. 23, строка 24; с. 25, строка 13; с. 26, строка 15; с. 26, строка 20; с. 26, строка 23; с. 27, строка 19; с. 27, строка 21; с. 28, строка 1; с. 30, строка 19; с. 33, строка 21; с. 33, строка 24; с. 38, строка 12; с. 39, строка 8; с. 41, строка 6; с. 44, строка 18; с. 51, строка 12; с. 52, строка 2; с. 52, строка 4; с. 52, строка 10; с. 52, строка 11; с. 52, строка 12; с. 55, строка 6; с. 55, строка 10; с. 57, строка 19] — литер. *сыче*, *ыщеюсыз* ‘таких’ [с. 44, строка 17] — литер. *сычеосыз* / *сычеосты*; ср. *sŋ*, *tŋe* (G), *sŋ*, *tŋe* (S, M, J, MU), *tŋŋ*, *tŋe*, *ŋŋe* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *sŋe*, счК. *sŋe* ‘такой’.

Итак, в «Наставлении христианском святителя Тихона на вотском языке» представлены консонантные особенности как архаического, так и инновационного происхождения. К архаическим можно отнести следующие три⁶:

1) употребление /ŋ/ (графически *н*) в соответствии с литер. /m/ в инлауте;

2) употребление /ŋ/ (графически *н*) в соответствии с литер. /n/ в инлауте;

3) употребление /č/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /š/ в инлауте.

Инновационными можно считать следующие пять особенностей:

1) употребление /d/ (графически *л*) в соответствии с литер. /j/ в анлауте;

2) употребление /l/ (графически *л*) в соответствии с литер. /j/ в анлауте в позиции перед *-Vz(-)* / *-Vk(-)*;

3) употребление /n/ (графически *н*) в соответствии с литер. /n/ в позиции после *и*;

4) употребление /c/ (графически *ц*) в соответствии с литер. /č/ в инлауте;

5) употребление /z/ (графически *ж*) в соответствии с литер. /ž/ в инлауте;

6) употребление сочетаний согласных типа *-pC-* в соответствии с литер. *-pCC-* в инлауте.

⁵ Это явление характерно для бесермянского наречия, а также для кукморского и шошминского говоров периферийно-южного диалекта. Данную особенность нельзя отнести к графическим, поскольку в памятнике удвоенные согласные все же встречаются, напр.: *вуттыны* ‘довести до конца; завершить; успеть’ [с. 20, строка 12; с. 23, строка 13] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *вуттыны*; *поттыны* ‘выдворить; произвести; извлекать’ [с. 41, строка 2] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *поттыны*; *бурттэм* ‘бескрылый’ [с. 61, строка 16] — литер. *бурдтэм*.

⁶ Учитываются только регулярные соответствия, подтверждающиеся тремя и более лексемами.

Как было указано выше, данные особенности инновационного характера, на основе которых можно делать выводы о диалектной принадлежности памятника, представлены и в современном шошминском говоре, а также были отмечены в словаре [Wichmann 1987] в малмыжско-уржуском диалекте (см. таблицу ниже). Архаические по своему происхождению изоглоссы, выявленные в памятнике, напротив, встречаются в современном шошминском говоре лишь частично.

Итак, рассмотрение консонантной системы еще раз подтверждает целесообразность нашей гипотезы, выдвинутой ранее на основе анализа вокалических особенностей «Наставления...», о том, что диалектной основой языка памятника является один из периферийно-южных говоров, который в конце XIX в. был отмечен Ю. Вихманном как малмыжско-уржумский. Его современным продолжением является шошминский говор.

Основные соответствия согласных памятника

		анлаут		инлаут		ауслаут	
согласная памятника		/d'/ (графически <i>ɟ</i>)					
соответствия	литер.	/j/		/d'/			
	по [Wichmann 1987]	G j		G d'			
		B j		B d'			
		S j		M d'			
		M j		J d'			
		J j		MU d'			
		MU d'		U d'			
		U d'					
	по аудиословарям	бавлПУ. d'		бавлПУ. d'			
		бесВ. j		бесВ. d'			
		средВ. j		средВ. d'			
		счК. j		счК. d'			
		южВБ. j		южВБ. d'			
согласная памятника		/l'/ (графически <i>ɭ</i>)					
соответствия	литер.	/l'/		/j/		/l'/	
	по [Wichmann 1987]	G l'	G j	G l'		G l'	
		S l'	S j	B l'		B l'	
	M l', j	M j	S l'		S l'		
	J l'	J l'	M l'		M l'		
	MU l'	MU l' ~ d'	J l'		J l'		
	U l', d'	U d'	MU l'		MU l'		
			U l'		U l'		
	по аудиословарям	бавлПУ. l'		бавлПУ. l'		бавлПУ. l'	
		бесВ. l'		бесВ. l'		бесВ. l'	
		средВ. l'		средВ. l'		средВ. l'	
		счК. l'		счК. l'		счК. l'	
		южВБ. l'		южВБ. l'		южВБ. l'	
согласная памятника		/n/ (графически <i>ɳ</i>)					
соответствия	литер.	/n/		/m/		/n/	
	по [Wichmann 1987]	G n	G m	G n		G n	
		B n	M m	B n	S m	B n	
	M n	J m	M n	JI η	M n		
	J n	MU n	J n	MU η ~ n	J n		
	MU n	U m	MU n	U η	MU n		
	U n		U n		U n		
	по аудиословарям	бавлПУ. n		бавлПУ. n		бавлПУ. n	
		бесВ. n		бесВ. n		бесВ. n	
		средВ. n		средВ. n		средВ. n	
		счК. n		счК. n		счК. n	
		южВБ. n		южВБ. n		южВБ. n	

		анлаут	инлаут		ауслаут	
согласная памятника		/n'/ (графически <i>н</i> (<i>н</i>))				
соответствия	литер.	/n'/	/n'/	/n/	/n'/	/n/
	по [Wichmann 1987]	G <i>ń</i> B <i>ń</i> M <i>ń</i> J <i>ń</i> MU <i>ń</i> U <i>ń</i>	G <i>ń</i> B <i>ń</i> S <i>ń</i> M <i>ń</i> J <i>ń</i> MU <i>ń</i> U <i>ń</i>	G <i>n, ń</i> B <i>ń</i> S <i>n</i> M <i>n</i> J <i>n ~ ń, n'</i> MU <i>n ~ ń, n'</i> U <i>m, n, n ~ ń</i>	G <i>ń</i> B <i>ń</i> S <i>ń</i> M <i>ń</i> J <i>ń</i> MU <i>ń</i> U <i>ń</i>	G <i>n, ń</i> B <i>ń</i> M <i>n</i> J <i>ń, ń ~ n</i> MU <i>ń</i> U <i>n, m</i>
	по аудиословарям	бавлПУ. <i>n'</i> бесВ. <i>n'</i> средВ. <i>n'</i> счК. <i>n'</i> южВБ. <i>n'</i>	бавлПУ. <i>n'</i> бесВ. <i>n'</i> средВ. <i>n'</i> счК. <i>n'</i> южВБ. <i>n'</i>	бавлПУ. <i>n'</i> бесВ. <i>n</i> средВ. <i>n</i> счК. <i>n</i> южВБ. <i>n'</i>		бавлПУ. <i>n'</i> бесВ. <i>n</i> средВ. <i>n</i> счК. <i>n</i> южВБ. <i>n'</i>
согласная памятника		/ŋ/ (графически <i>н</i>)				
соответствия	литер.		/m/	/n/		
	по [Wichmann 1987]		G <i>m</i> B <i>n</i> M <i>ŋ</i> J <i>ŋ</i> MU <i>ŋ</i> U <i>ŋ</i>	G <i>ŋ, m</i> B <i>ŋ, n</i> S <i>ŋ</i> M <i>ŋ</i> J <i>ŋ</i> MU <i>ŋ</i> U <i>ŋ</i>		
	по аудиословарям		бавлПУ. <i>m</i> бесВ. <i>m</i> средВ. <i>m</i> счК. <i>m</i> южВБ. <i>m</i>	бавлПУ. <i>n</i> бесВ. <i>n</i> средВ. <i>n</i> счК. <i>n, m</i> южВБ. <i>n</i>		
согласная памятника		/c/ (графически <i>ц</i>)				
соответствия	литер.		/č'/			
	по [Wichmann 1987]		G <i>ts</i> B <i>t'š, ts</i> S <i>t'š</i> M <i>t'š</i> J <i>ts, ts ~ t'š</i> MU <i>ts</i> U <i>t'š</i>			
	по аудиословарям					
согласная памятника		/z'/ (графически <i>ж</i>)				
соответствия	литер.		/z'/	/ž'/		
	по [Wichmann 1987]		G <i>ž</i> B <i>ž</i> M <i>ž, d'ž</i> J <i>ž</i> MU <i>ž</i> U <i>ž</i>	G <i>ž, d'ž</i> S <i>d'ž</i> M <i>ž, d'ž, d'ž ~ ž</i> J <i>d'ž, d'ž ~ ž</i> B <i>ž</i> MU <i>d'ž, d'ž ~ ž</i> U <i>ž, d'j, d'ž</i>		
	по аудиословарям		бавлПУ. <i>z</i> бесВ. <i>z</i> средВ. <i>ž</i> счК. <i>z</i> южВБ. <i>z</i>			

		анлаут	инлаут		ауслаут
согласная памятника		/č/ (графически ц)			
соответствия	литер.	/č/	/č/	/š/	
	по [Wichmann 1987]	G tš B t' S tš M tš J tš Л tš MU tš U tš	G tš S tš M tš J tš MU tš U tš, tš ~ š	G tš B t' S tš M tš, tš ~ š J š Л tš MU tš ~ š, š, tš U š, tš	
	по аудиословарям		бавлПУ. <i>ʃ</i> бесВ. <i>ʃ, tɕ</i> средВ. <i>ʃ, tɕ</i> счК. <i>ʃ</i> южВВ. <i>ʃ</i>		

Сокращения

бес. — бесермянское наречие

бесВ. — говор д. Ворца

диал. — диалектный

литер. — литературная форма, литературный язык (удмуртский)

ПУ — прауральский

рел. — религиозный

рус. — русский язык

сев. — северное наречие

счК. — говор д. Кабаково (среднечепецкий диалект)

сред. — срединные говоры

средВ. — говор д. Вылынгурт

юж. — центрально-южный диалект

южВВ. — говор с. Варклет-Бодья

Диалекты удмуртского языка по [Wichmann 1987]

В — бесермянский диалект

G — глазовский диалект

J — елабужский диалект

Л — елабужский диалект по рукописному словарю

В. Ислентьева

Языки и диалекты по [КЭСНЯ 1970]

к.-з. — коми-зырянские диалекты

иж. — ижемский диалект

вс. — верхнесысольский диалект

вв. — верхневычегодский диалект

вым. — вымский диалект

лет. — летский диалект

лл. — лузско-летский диалект

нв. — нижневычегодский диалект

печ. — печорский диалект

скр. — присыктывкарский диалект

сс. — среднесысольский диалект

уд. — удорский диалект

говоры периферийно-южного диалекта:

бавлПУ. — говор с. Покровский Урустамак (бавлинский)

кукм. — кукморский говор

татш. — татышлинский говор

шошм. — шошминский говор

С — согласный

V — гласный

M — малмыжский диалект

MU — малмыжско-уржумский диалект

S — сарапульский диалект

U — уфимский диалект

кп. — коми-пермяцкий литературный язык

к.-п. — коми-пермяцкие диалекты

к.-я. — коми-язьвинский диалект

Литература

Безенова 2016 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. 2016, 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M.P.* The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): graphical and vocalic specifics // *Ural-Altai Studies*. 2016, 1 (20). P. 7-40.}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987, XXIII. С. 34—44. {*Kelmakov V.* Proto-Permic affricates in modern Udmurt dialects // *Soviet Finno-Ugric Studies*. 1987, XXIII. P. 34-44.}

Кельмаков 1993 — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт. Ижевск, 1993. {*Kelmakov V.* Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: Preprint. Izhevsk, 1993.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V.* Concise course of Udmurt dialectology: a Tutorial for higher education institutions. 2nd edition. Izhevsk, 2006.}

КЭСЯ 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V., Gulyaev E.* Concise etymological dictionary of the Komi language. M., 1970.}

Тараканов 1958 — *Тараканов И. В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. {*Tarakanov I.* Phonetical specifics of the Bavlin dialect of the Udmurt language (in light of experimental data). Ph. D. thesis. Tartu, 1958.}

Тепляшина 1961 — *Тепляшина Т. И.* Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1961. С. 125—139. {*Teplyashina T.* From observations of phonetic specifics of the Shoshmin dialect of the Udmurt language // *Works / Mari research institute of language, literature and history*. Is. 15. Yoshkar Ola, 1961. P. 125-139.}

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

РЕЗЮМЕ

В статье описываются особенности консонантизма одного из памятников удмуртской письменности конца XIX в. На основе сопоставления выявленных особенностей с материалами словаря [Wichmann 1987] и данными современных удмуртских говоров предпринимается попытка определения их архаичного или инновационного характера.

SUMMARY

The article represents consonant features of the Udmurt written monument of the late 19th century. Comparing these characteristics with the materials of the dictionary [Wichmann 1987] and the data of the modern Udmurt dialects the author attempts to describe these features as archaic or innovative.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты, памятники письменности, особенности консонантизма

Keywords: the Udmurt language, dialects, written monuments, consonant features

Безенова Мария Петровна, Институт языкознания РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Maria P. Bezenova, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); mary_kaj@mail.ru

Отзыв о статье М. П. Безеновой
«Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891)
(«Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»):
особенности консонантизма

Статья М. П. Безеновой представляет собой исследование фонетических особенностей в области консонантизма одного из памятников удмуртской письменности конца XIX в. Актуальность ее заключается в том, что дореволюционные письменные тексты изучены весьма недостаточно, и это является определенным препятствием для использования их и как источника для изучения исторической фонетики удмуртского языка, с одной стороны, и в качестве текстов с позиций истории удмуртского литературного языка, — с другой. В данной работе исследование строится скорее как анализ фонетического материала определенной территориальной разновидности удмуртского языка, получившего отражение в письменном тексте 1891 г. изд., с целью дальнейшего использования его для изучения исторической фонетики. В этом сила статьи, в этом же заключается, как увидим далее, определенная ее и слабость.

Автор подробно описывает с учетом данных различных удмуртских диалектов как парадигматические (находит в памятнике 28 удмуртских согласных фонем — 26, характерных и для литературного языка, и еще *h* и *ц*), так и синтагматические отличительные фонетические особенности памятника (употребление *д'*- в анлауте вм. *й*- лит., замещение *ж*- согласным *д'*-; стяжение сочетаний типа *-рСС-* > *-рС-* и пр.), «которые не соответствуют современным литературным нормам» [Безенова 2016: 46]. Правда, фонематичность «фонемы /с/» [Безенова 2016: 56], употребленной в инлауте лишь трех местоименно-наречных корней и их производных (*отцы*, *таты* и *кыты*) и еще комбинаторно — в формах, где сочетаются *-т + с-* (см. об этом ст. В. И. Алатырева [Алатырев 1955]), весьма сомнительна (по крайней мере, в данной работе она не аргументирована).

Подкупает в данной работе и то, что выводы строятся на обильном фактическом материале, что облегчает дальнейшее использование памятника и его исследование в работах обобщающего характера (в частности, по исторической фонетике, исторической диалектологии и пр.).

В качестве не столько замечания, сколько возможного совета исследователю ранних памятников удмуртской письменности хотелось бы предложить рассматривать любой памятник письменности не изолированно, а, как говорят в таких случаях литературоведы, «в хоре времени» (В. Б. Шкловский), т. е. в контексте серии аналогичных письменных текстов. Ибо любой ранний памятник удмуртской письменности, как мне удалось уже заметить, — это не просто «зеркальное отражение» какого-либо диалекта, а звено в цепи таких текстов, которые имеют определенные претензии стать в языковом отношении «общеудмуртскими» и посему отражают не только особенности конкретного диалекта, для носителей которого якобы предназначено издание, но и языковые черты, ставшие к этому времени уже своеобразными клише — **элементами языковой нормы письменной литературы**. Приведу два примера.

1. Явление «*-рСС-* > *-рС-*» [Безенова 2016: 58]. Во многих памятниках письменности оно (почти регулярно!) встречается по крайней мере с 1775 г., хотя не все они созданы на той территории, где распространены говоры с *-рС-*:

1775: *шарци* 'рѣпа' [Соч. 1775: 23], *мертёмь пү* 'садъ' [Соч. 1775: 24], *мертёмь бакця* 'садъ' [Соч. 1775: 30], *кускертонъ* 'опояска' [Соч. 1775: 32], *циркёмь* 'быстрый' [Соч. 1775: 39], *монъ перьциськô* 'я розвязываю' (и другие формы спряжения этого глагола) [Соч. 1775: 83—90], *орциськô* 'превышаюсь' [Соч. 1775: 99] и др.;

1785: *бурцинь* 'шолкъ, шолковый' [Кротовъ 1785: 15], *вертаскô* 'обращаю, шатаю, машу, движу, прикасаюсь' [Кротовъ 1785: 23], *кертиськô* 'связываю, повязываю, вяжу, завязываю, перевязываю' [Кротовъ 1785: 86], *куркиськô* 'обиваю', *куркыськô* 'отбиваю' [Кротовъ 1785: 103], *курциськô* 'кусаю, угрызаю, прокусываю' [Кротовъ 1785: 104] и пр.;

1786: *курчангï* 'коросты, своробъ' [Могилинь 1786: 31], *бурцинь* 'шолкъ' [Могилинь 1786: 36], *вертаскô* 'шатаю' [Могилинь 1786: 76], *кертиськô* 'вяжу, связываю' [Могилинь 1786: 83], *курцильськô* 'кусаю, грызу', *сертиськô* 'розвиваю' [Могилинь 1786: 85], *мертиськô* 'сажу ниву' [Могилинь 1786: 88] и др.

Ср. также приводимые ниже переводы фрагмента из Евангелия: «⟨...⟩ и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» [Библия 1988: 1033].

1847: сар. '⟨...⟩ *музьёмь-выльинь кертэмь-эдъ кертэмь лудъз инь выльинь; музьёмь-выльинь бонъ перцильмь-эдъ перцильмь лудъз инь-выльинь*' [Еванг. Сар. 1847: 124] ~ глаз. '⟨...⟩ *музьёмь-выльинь кертэмь-*

эдъ тынэстыдъ, кертэмынъ лудъ инъ-вылынъ-но; музейемъ-вылынъ бенъ перцгьмъ-эдъ ношъ, перцгьмынъ лудъ инъ-вылынъ-но» [Еванг. Глаз. 1847: 124].

1863: «(...) *mužem vylyn kōrtemed in vylyn no kōrtem luoz, mužem bōn vylyn pertšemed in vylyn no pertšem luoz*» [Evang. 1863: 57—58].

1877: «(...) *тон музейем вылын мае дүмидкэ иҗмын но со думемын луоз; музейем вылын мае перчидкэ иҗмын но со перчемын луоз шуэм*» [Еванг. 1877: 43].

1882: «(...) *тон музет вылын көртемед иньмын но көртеммын луоз; музет вылын перцемед нош иньмын но перцеммын луоз, шуэм*» [Еванг. 1882: 47].

1904: «(...) *тон музейем вылын мае кертод, со инмын но кертэмын луоз, музейемын мае перчод, со инмын но перчысыскоз, шуэм*» [Еванг. 1904: 54].

1912: «(...) *тон музейем вылын мае кертод, со инмын но кертэмын луоз, музейемын мае перчод, со инмын но перчысыскоз, шуэм*» [Еванг. 1912: 50—51].

Очевидно, что не все памятники отражают диалектную фонетическую особенность; явно чувствуется наличие **письменной традиции**.

2. Употребление согласной /č/ [Безенова 2016: 57—58].

1775: *нянь пучкэсь* ‘мякишь’ [Соч. 1775: 24], *вычкы* ‘кадка’ [Соч. 1775: 32], *пэзь пучкэсь* ‘варьги’ [Соч. 1775: 33], *чочкытысыскдочкыть карысыскд* ‘ровняю, ровно дѣлаю’ [Соч. 1775: 102], *чочкыть* ‘равно на земли’ [Соч. 1775: 109], *пучкэзь* ‘внутри’ [Соч. 1775: 110], *лучкёнъ воруитызь* ‘тайно, воровски’ [Соч. 1775: 111], *пучкысь* ‘изъ’, *пучкэмынъ, пучкэдынъ, пучкынь, пучкы* ‘во, въ’ [Соч. 1775: 113]

1785: *воцкемъ* ‘переведенець’ [Кротовъ 1785: 32], *вычки* ‘кадка’ [Кротовъ 1785: 39], *квачкаскад* ‘разсѣдаюся, обваливаюся’ [Кротовъ 1785: 81], *кыть пучкэзь пиналь кылдэ* ‘зачинаю во чревѣ’ [Кротовъ 1785: 116], *лучкамэсь* ‘крадливый’, *лучканъ* ‘воровство’, *лучкаскад* ‘краду, воруя, расхишаю’ [Кротовъ 1785: 123], *лучкасъ* ‘воръ’, *лучкэмъ* ‘украдкою’, ‘тайный, потаенный, въ тайнѣ’, *лучкэмъ вераскад* ‘шепчу’, *лучкэмъ пуктэмъ* ‘засада’ [Кротовъ 1785: 124], *нянь пучкэсь* ‘мякишь’ [Кротовъ 1785: 150], *пучкы* ‘внутренний’ [Кротовъ 1785: 183], *пучкысь* ‘изъ’ [Кротовъ 1785: 184], *чочкыть* ‘гладкий’, *чочкыть инти* ‘гладкое мѣсто, ровное мѣсто, равнина’ [Кротовъ 1785: 257], *чучконъ киеть* ‘салфетка’ [Кротовъ 1785: 260]

1786: *пвезъ-пучкэсь* ‘вариги’ [Могилинъ 1786: 28], *нянь-пучкэсь* ‘мякишь’ [Могилинъ 1786: 29], *лучкаскад* ‘ворую’ [Могилинъ 1786: 76] и др.

Ср. также приводимые ниже переводы фрагмента из Евангелия: «Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй (...)» [Библия 1988: 1037].

1847: сар. *‘Иисусъ веразъ: энъ вий; җоҗорд энъ-каръ, энъ-лучка; юнме энъ-цягъ*» [Еванг. Сар. 1847: 146]. ~ глаз. *‘Иисусъ веразъ: энъ вий; җоҗорд энъ-каръ (муртъ кышно-энъ энъ-улъ); энъ-лучка; ложной-присягаэ энъ-пыръ*» [Еванг. Глаз. 1847: 146].

1863: *‘Jisus veraz: ön vi, tsotsoro ön kar, ön lutska, junmä ön tsag (...)’* [Evang. 1863: 67].

1882: *‘Иисус верам: мурт эн ви, мурт кышноэн эн улы, эн лучкасыкы, крыж карыса эн цяг (...)’* [Еванг. 1882: 55].

1888—1889: Сь мѣломъ вѣмойся, утрись! *‘Майталэн мисьтасыкы но чучкы!’* [Ислентьевъ 1888: 142]. *Разъ украль, а всё вѣромъ сталъ. ‘Огнол лучкад, ялан лучкасыкысылы кошкид’* [Ислентьевъ 1888: 148]. Человѣкъ (...) снялъ шерсть съ овечь и козь и пригото́вилъ изъ нея сукно (...) [Ислентьевъ 1888: 159] *‘Адыми (...) ыжлэсь но кеҗлэсь гонзэ чычкиз но сое урдэг лэсьтыз (...)’* [Ислентьевъ 1889: 140]. Вдругъ пришло́ ему на мысль сорва́ть и съѣсть оди́нъ огуре́ць [Ислентьевъ 1888: 165]. *‘Огак нодэз лыктъиз одыг куярез ычкэлысы сыны’* [Ислентьевъ 1889: 144]. Шатёръ рѣхнулъ. Князь Алексáндръ самъ вѣступилъ на Бѣргера и возложилъ копьёмъ своймъ печáтъ на лицо́ его́ [Ислентьевъ 1888: 172]. *‘Тылысэз куачкас. Александр кун Биргер шоры аҗиз султъиз (потъиз)-но шибодъиеныз солэн баназ бычкэлыз’* [Ислентьевъ 1889: 150]. Когда́ Авраа́мъ пришёлъ въ доли́ну Сихёмскую, тутъ явилъся ему́ Богъ и сказа́лъ (...) *‘Сихем шуон чочкыт иньтъиз вуэм беразы Авраамлы адскиз Иньмар но вераз (...)’* [Ислентьевъ 1888: 180].

1924: *Кысысытым уксе́ме лу́йкальям. ‘Из кармана моего деньги украли’* [Верещагин 1924: 15]; *Нумыр улэ кыед-пучкын. ‘Червяк живет в навозе’* [Верещагин 1924: 16]; *Отын пичи пинал’ес шудо, ичкэ сысыкаосыз, куяло со ичкэм сысыкаоссыз одыгозгы — вылэ. ‘Тут маленькие дети играют, рвут цветы, срывают те срываемые цветы друг на друга’* [Верещагин 1924: 23].

В свете вышеприведенных материалов из письменных документов 1775—1924 гг. издания возникает серьезное сомнение в том, во всех ли случаях инлаутная аффриката /č/ «еще сохранила свой статус, т. е. на момент создания памятника в данных лексемах /č/ еще использовалась» [Безенова 2016: 57].

В заключение хочется отметить, что подобного типа аналитические исследования, вводящие в научный оборот ранние памятники удмуртской письменности, очень нужны для удмуртской диалектологии.

Сокращения

глаз. — «глазовское нарѣчіе» (по кн.: [Еванг. Глаз. 1847])
сар. — «сарапульское нарѣчіе» (по кн.: [Еванг. Сар. 1847])

Литература

Алатырев 1955 — *Алатырев В. И.* Существует ли звук *ц* в удмуртском языке? // Записки / Удмурт. НИИ истории, яз. и лит. и фольклора при Сов. Мин. Удмурт. АССР. Вып. 17. Ижевск, 1955. С. 177—192.

Безенова 2016 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 46—63.

Библия 1988 — Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. М., 1988.

Еванг. Глаз. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангеліа отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Глазовское наречіе / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. *Ившин Л. М.*, отв. за вып. *Карпова Л. Л.* Предисл. *Ившин Л. М.* Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). С. 13—386.]

Еванг. Сар. 1847 — Господа нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртскомъ языке: Сарапульское наречіе / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. *Ившин Л. М.*, отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Предисл. *Ившин Л. М.* Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11—248.]

Еванг. 1877 — Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея. Милям Господь Иисус Христослэн чѣн Евангеліеез. Матѳей гожтэм Евангеліе: Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань, 1877.

Еванг. 1882 — Господа нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѳея на вотякскомъ языкѣ. Милям Господы Иисус Христослэн Дзэць йыворез, Матѳей гожтем Дзэць йывор удмурт кылын. Гельсингфорсь, 1882.

Еванг. 1904 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Иоанна на вотскомъ языкѣ. Казань, 1904.

Еванг. 1912 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Иоанна на вотскомъ языкѣ. Казань, 1912.

Верещагин 1924 — “Удмурт”. Руководство к изучению вотского языка. Ижевск, 1924.

Ислентьевъ 1888 — Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго унзда. Составилъ Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго унзда Владиславъ Ислентьевъ. Елабуга, 1888.

Ислентьевъ 1889 — Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкѣ и учебнику для вотяковъ В. Ислентьева. Въ двухъ частяхъ / Составилъ Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ. Казань, 1889.

Кротовъ 1785 — *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года).

Могилинъ 1786 — *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. *Кириллова Л. Е.* Ижевск, 1998.

Соч. 1775 — Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР. Ижевск, 1975. С. 3—15].

Evang. 1863 — Das Evangelium des Matthaus wotjakisch, mit Hülfe eines eingeborenen Wotjaken redigiert von F. J. Wiedemann, Mitglie der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften in St. Petersburg. London, 1863.

РЕЗЮМЕ

В языке памятников удмуртской письменности конца XIX в. следует отделять диалектные особенности от явлений общеудмуртских, освященных длительной письменной традицией.

SUMMARY

In the language analysis of the Udmurt texts written in the end of the 19th century it is important to distinguish between the properties of certain dialects and the phenomena belonging to the long written tradition of Udmurt.

Ключевые слова: диалектные особенности, общеудмуртские явления, письменная традиция

Keywords: peculiarities of dialects, all-Udmurt phenomena, written tradition

Кельмаков Вале́й Кельмакович, Удмуртский государственный университет (Ижевск); finnugor@mail.ru

Valey K. Kelmakov, Udmurt State University (Izhevsk); finnugor@mail.ru

Фоонико-фонологические исследования языков народов Сибири в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН¹

1. Значение фонологии для развития гуманитарного знания

Фонология как наука о звуках речи с точки зрения их функционирования в языке зародилась в России. Ее основоположником является российский ученый польского происхождения Иван Александрович (Ян Нецислав Игнаций) Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), доказавший, что сущность языка — в речевой деятельности, а значит, необходимо изучать живые языки и диалекты, а не только памятники письменности. Он же разработал теорию фонем и изложил ее в труде «*Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen...*» [Baudouin de Courtenay 1895; Бодуэн де Куртенэ 1963], а также первым начал применять в лингвистике математические модели.

Развивалась фонология в недрах отечественной лингвистической традиции в работах Л. В. Щербы, Н. Ф. Яковлева, Е. Д. Поливанова, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского, В. Б. Касевича, С. В. Кодзасова и др. Усилиями российских ученых основные идеи фонологии стали доступными для европейских и американских лингвистов [Соколянский 2010].

Значение фонологии для развития гуманитарного знания было оценено основателем структурной антропологии Клодом Леви-Строссом, считавшим, что «...фонология призвана сыграть в отношении гуманитарных наук ту же революционизирующую роль, что и ядерная физика в отношении точных наук» [Lévi-Strauss 1949]. Фонология для гуманитарных наук не только раздел лингвистики, но фундамент для построения гуманитарного знания в целом. Принципы описания, сформулированные в фонологии, могут быть использованы не только при изучении различных ярусов языка, но и в процессе анализа системно организованных объектов гуманитарного знания [Леви-Стросс 2001: 39 и др.]. Фонология — наука-лоцман, на которую должны во многом ориентироваться все другие филологические науки [Мамудян 1985: 70]. Фонология, как своего рода демиург, создает лингвистику XX в. по образу и подобию своему [Журавлев 1986: 4].

Приведенные выше высказывания подчеркивают роль отечественной лингвистики в формировании фонологии как фундаментальной, базовой для гуманитарного знания науки, в которой «...оформилось представление о системном устройстве объектов реальной действительности. Именно здесь центр внимания исследователя перенесен на целостность объекта-системы и взаимную детерминацию элементов целостности; здесь четко разграничена парадигматика и синтагматика и т. д. Все это оказалось весьма существенным для успешного развития современного научного мышления» [Журавлев 1982: 171].

2. Инструментальная фонетика

Возвращаясь к личности Бодуэна де Куртенэ, следует добавить, что именно он задал своими трудами новое направление в языкознании — направление экспериментальной фонетики. Инструментальные методы используются в лингвистике при изучении звуковых систем языков мира с середины XIX в. Но первая лаборатория, в которой физиология и акустика речи изучались с помощью различных аппаратов и приспособлений, была открыта в Париже лишь в 1897 г. французским языковедом, «отцом» экспериментальной фонетики аббатом Жан-Пьером Руссло. В России первая лаборатория экспериментальной фонетики появилась в Санкт-Петербургском университете в 1899 г. Долгие годы ее деятельность была связана с именем академика Л. В. Щербы, основателя Петербургской (Ленинградской) фонологической школы — ныне одной из признанных ведущих фонологических школ мира. Среди приоритетных направлений, разрабатываемых ленинградскими фонетистами-эксперименталистами, было и остается до настоящего времени инструментальное исследование неизученных языков малочисленных народов России.

Активное использование аппаратных методов в исследованиях звуковых систем в языках мира началось в 50-е гг. XX в., когда пришло четкое осознание необходимости оперирования объективными данными, исключающими присущий аудитивной фонетике фактор субъективности. Как отмечал Л. В. Щерба, исследователь воспринимает новый для него язык через призму фонетических и фонологических систем родного и других известных ему языков, поскольку даже самое изошренное ухо слышит

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения».

то, что оно привыкло слышать. По этой причине описания звуковых систем неизученных ранее языков Сибири, выполненные в XIX—XX вв. на слуховом уровне в основном русскоязычными и немецкоязычными исследователями, испытали на себе сильное влияние традиций индоевропеистики, в том числе и русистики. Дальнейшее развитие фонетической науки было невозможно без применения объективных методов, обеспечивающих адекватность фиксации и интерпретации языкового материала.

3. Экспериментально-фонетические исследования языков народов Сибири

Исследования были начаты в Новосибирске в конце 60-х гг. прошлого столетия под руководством В. М. Наделяева, создавшего в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1990 г. — Институт филологии СО РАН) Лабораторию экспериментально-фонетических исследований (ныне — ЛЭФИ ИФЛ СО РАН им. В. М. Наделяева), продолжающую традицию Ленинградской фонологической школы Л. В. Щербы.

Фонологический подход в фонетических описаниях всегда являлся отличительной чертой отечественной лингвистики. Этой же научной традиции с самого начала следовала и Лаборатория экспериментально-фонетических исследований ИФЛ СО РАН.

Фронтальное исследование различных аспектов звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов аппаратными методами проводится впервые как в России, так и за рубежом. В русле единых теоретических концепций и методологической базы, заложенных В. М. Наделяевым, изучены и продолжают изучаться фонетические системы 66 языков, диалектов и говоров — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских, енисейских и палеоазиатских. Активнее всего разрабатывается тюркская фонетика (38 идиомов из 66), прежде всего — южносибирского региона (27 идиомов из 38). Следует отметить, что степень изученности языков — различная: по одним идиомам исследованы все аспекты звукового строя, например, по алтайскому языку имеются монографические описания консонантизма [Чумакаева 1978], вокализма [Шалданова 2007] и словесного ударения [Баданова 2011], по другим, например по шебалинскому говору диалекта алтай-кижи, по бельтирскому диалекту хакасского языка, полученный современными высокотехнологичными инструментальными методами материал лишь ждет своего исследователя.

Результаты опубликованы в 45 монографиях и многочисленных статьях (более 900) в различных научных изданиях. При этом наиболее благоприятно складывалась для ЛЭФИ издательская ситуация в течение 15 лет на рубеже столетий (1998—2012 гг.): благодаря системе компенсаций за изданные труды, введенной Президиумом СО РАН, удалось опубликовать 22 монографии — 5 из них выполнены авторами в 70—80-е гг. прошлого столетия под руководством В. М. Наделяева [Бельтюкова 2004; Верте 2003; Кирсанова 2003; Куркина 2000; Феер 1998], остальные 17 — результат новейших исследований. Большинство монографий — это переработанные и дополненные кандидатские и докторские диссертации выпускников ЛЭФИ ИФЛ СО РАН (списки исследуемых языков, опубликованных трудов и авторефераты диссертаций см. на сайте ИФЛ СО РАН: <http://www.philology.nsc.ru/departments/lefi/index.php>).

Часть архивных аудиоматериалов, собранных в середине прошлого века сибирскими фонетистами по единой методике в виде записей на ферромагнитных пленках с ограниченным сроком хранения, в настоящее время оцифровываются, сегментируются на словоформы, расшифровываются и транскрибируются для последующего введения их в научный оборот. Работа проводится в рамках проекта РФФИ «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения», выполняемого сотрудниками Института языкознания РАН совместно с учеными других НИИ и вузов страны.

Сотрудниками ЛЭФИ осуществлена дигитализация и первичная подготовка для размещения в программной среде материалов по следующим алтайским и уральским языкам: алтайскому, чулымско-тюркскому, теленгитскому, тофскому (тофаларскому), селькупскому, мансийскому, хантыйскому, нанайскому. Аналогичная работа будет проведена с аудиозаписями по чалканскому, кумандинскому, тубинскому (тубаларскому), бачатско-телеутскому, хакасскому, тувинскому, долганскому, энецкому, нганасанскому и эвенкийскому языкам.

Фиксация в открытом доступе в информационном пространстве Интернета данных по языкам, многие из которых определены ЮНЕСКО как исчезающие, будет способствовать сохранению нематериального культурного наследия народов Сибири, послужит базой для изучения динамики языковых процессов.

4. Методы инструментальных исследований в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН

Используемая сибирскими фонетистами комплексная методика включает как собственно лингвистические методы фонологического анализа, так и аппаратные: методы статического рентгенографирова-

ния, дентопалатографирования, лабиографирования, лингвографирования, спектрографирования, пневмоосциллографирования, — а также компьютерные программы создания и обработки звуковых файлов.

В начале XXI в. в связи с развитием инновационных технологий инструментальные исследования звуковых систем стали проводиться в большинстве ведущих лабораторий мира с использованием новейших методов магнитно-резонансного томографирования (МРТ), дигитального рентгенографирования (ДРТ) и ларингографирования (ДЛГ), а также электромиографирования и др. Английский язык (в сопоставлении с другими языками мира) обследуется с помощью указанных аппаратных методов в США в Хаскинской лаборатории, в Йельском университете, в Университетах Брауна, Южной Калифорнии; французский язык — в Институте языковой коммуникации Университета им. Стендаля (Гренобль, Франция); японский язык — в Национальном институте японского языка (Токио, Япония); корейский язык — в Сеульском университете. В России подобные исследования проводятся на материале русского языка в Центре магнитно-резонансного томографирования и спектрографирования Московского государственного университета.

В Сибири выход на современный уровень исследований исчезающих миноритарных языков стал возможен благодаря грантовой поддержке Президиумом СО РАН в рамках конкурса фундаментальных междисциплинарных исследований. В 2009—2014 гг. ученые трех институтов СО РАН — Института филологии (ИФЛ СО РАН), Института «Международный томографический центр» (МТЦ СО РАН) и Института химической биологии и фундаментальной медицины (ИХБФМ СО РАН) — проводили комплексное мультидисциплинарное исследование систем произносительных установок, свойственных носителям исчезающих сибирских языков в рамках проекта «Сравнительные исследования артикуляционных баз коренных народов Сибири методами высокопольной магнитно-резонансной томографии, дигитальной рентгенографии и ларингографии высокого разрешения».

Была разработана инновационная парадигма инструментального изучения звуков речи. Сотрудники МТЦ и ИХБФМ проделали необходимую работу по адаптации программ медицинского магнитно-резонансного томографирования, дигитального рентгенографирования и ларингографирования применительно к целям и задачам экспериментально-фонетических исследований.

Томографические исследования проводились в МТЦ на высокопольном МР-томографе Philips Achieva Nova Dual 1.5 T (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands). Графическая постобработка, архивация и морфометрия МР-томограмм выполнялись на рабочей станции Philips ViewForum RS.1 (Dell).

Цифровая рентгенография выполнялась в Центре новых медицинских технологий ИХБФМ на малодозовой цифровой рентгеновской установке «Сибирь-Н» (производство Института ядерной физики СО РАН).

При проведении прямой цифровой ларингоскопии использовались два аппарата с наименьшим диаметром фиброволоконной оптики и улучшенным изображением: бронхоскоп PENTAX FB-18V и бронхофиброскоп OLYMPUS BF-3C40 (оба — производства Японии). Для визуального контроля эксперимента и последующего документирования получаемых данных производилась фиксация процесса с помощью видеоустройства EVIS EXERA II video system center olympus CV-180 с параллельной аудиозаписью в видеофайл с помощью программы AVER Media.

В результате выполнения комплексного междисциплинарного исследования впервые сформирована электронная база данных, включающая экспериментально-фонетический соматический материал уникальной научной ценности по 46 языкам и диалектам автохтонных миноритарных этносов. От 110 информантов получены магнитно-резонансные томограммы, дигитальные рентгенограммы и ларингограммы высокого разрешения, визуализирующие артикуляторные настройки вокальных и консонантных компонентов звучащей речи.

Одной из актуальных и приоритетных задач в современной фонетике является задача сегментации, анализа и отождествления речевых отрезков для последующего построения корреляционной матрицы, в которой переменными величинами являются артикуляторные и акустические параметры звуков речи. Лингвистами разработана универсальная унифицированная классификационная модель звуков речи в языках мира, базирующаяся на данных об анатомо-физиологических возможностях речевого аппарата и учитывающая как известные науке артикуляторные настройки звуков, так и теоретически возможные в неисследованных языках [Щерба 1937; Надеяев 1960; Ладефогед 1999; Уртегешев и др. 2009]. Физиками детально проработана акустическая теория речеобразования [Fant 1960, 2004; Ladefoged 2003]. Вопрос о соотношении фаз артикуляторных работ с соответствующими им акустическими эффектами, о выработке корреляционных алгоритмов остается открытым. Сложность проблемы заключается в поливариантности акустических сигналов, соответствующих одной и той же артикуляторной структуре. Дальнейшее совершенствование методики комплексной синхронной фиксации звуковых цепей с последующим параллельным изучением акустической и анатомо-физиологической составляющих речи может послужить базисом для построения корреляционной модели.

5. Артикуляционно-акустические базы как историко-лингвистический источник

Исследования звуковых систем миноритарных языков народов Сибири и сопредельных регионов, выполняемые фонетистами Сибири, базируются на выдвинутом В. М. Надеяевым в 80-е гг. прошлого столетия положении о том, что артикуляционно-акустическая база (ААБ) как атрибут этноса является — в совокупности с данными других дисциплин — потенциальным историко-лингвистическим источником при реконструкции этногенетических процессов, особенно ценным при изучении истории народов Сибири, не оставивших письменных памятников [Надеяев 1980: 6; 1981: 14—15; 1986: 3—15].

Следует отметить, что активно развивающиеся в последние годы междисциплинарные исследования, выполняемые на стыке лингвистики и генетики, позволили установить «корреляции между фонетическими особенностями языков и генетической филогенией соответствующих популяций». В частности, на большом репрезентативном материале, охватывающем основные регионы мира, удалось установить, что «1) особенности фонетико-фонологического инвентаря могут нести филогенетический сигнал, полезный для генеалогической классификации языков; 2) фонетико-фонологические характеристики легко заимствуются при языковых контактах». При этом, по мнению авторов, «...второй эффект сильнее первого. Это означает, что вторичные языковые контакты подавляют сигнал от унаследованных фонетических черт. Поэтому и вызывают скепсис попытки реконструировать языковую филогению, опирающиеся на фонетические или, шире, грамматические признаки» [Creanza et al. 2015] (цит. по: http://генофонд.рф/?page_id=6613).

Безусловно, современное состояние языковой системы, в том числе и звукового ее яруса, является результатом одновременных и разноплановых взаимодействий субстратного языка (~ языков) с другими языками — родственными или иного генезиса и типологии, взаимодействий, происшедших в процессе исторического развития этноса. Следствием таких контактов становится перестройка фонико-фонологической² системы идиома. В то же время субстантная, артикуляционно-акустическая база как система произносительных навыков и коррелирующих с ними акустических эффектов слагается на ранней стадии формирования этноса и, транслируясь через поколения в доминантных чертах, сохраняет свою специфику даже при переходе этноса в процессе популяционных трансформаций на другие языки — но лишь в том случае, если данная этническая группа все же осталась компактной, не рассеялась территориально. Способность артикуляционно-акустических баз сохраняться в своих основных существенных чертах объясняется относительной автономностью звуковой системы в языке. ААБ — исторически слагающаяся система, являющаяся атрибутом этнической общности, не свойственная языку непосредственно, но реализующаяся в его материальной стороне. При этом ААБ, изначально свойственная этносу, при переходе его на другой язык принципиально меняет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для нее языка, стараясь приспособиться к его произносительным нормам. Этнос, усвоив новый язык с его лексикой и грамматикой, но сохранив свою ААБ, создает новый диалект языка-суперстрата с отличной от него фонетикой.

Видоизменяясь, артикуляционно-акустическая база передается из поколения в поколение в своих основных доминантных признаках. Эта особенность закрепления ААБ у носителей языка позволяет использовать ее в качестве одного из источников при построении языковой ретроспективы и индикатора этногенетических процессов. Многие фонетические закономерности и регулярные звуковые соответствия у родственных языков в значительной степени объясняются спецификой артикуляционно-акустических баз, т. е. особенностями произносительных навыков носителей субстратных языков.

Использование результатов анализа типов артикуляционно-акустических баз в качестве историко-лингвистического источника позволило выдвинуть и обосновать ряд гипотез по этногенезу народов Сибири и сопредельных регионов; большая роль в этих построениях отводится субстратному воздействию. В частности, это гипотезы о тюркском происхождении монголов центральных аймаков МНР; о формировании якутской народности на средней Лене на базе этнического слияния древних тюрков (курукан) с монголами (кидзянами) в XI—XII вв.; о системообразующей оппозиции согласных по квантитету в алтае-саянских тюркских языках как результате ассимиляции тюрками самодийских и обско-угорских этносов с несвойственной их языкам сильной напряженностью консонантов; о миграции эвенов в IX—X вв. из прибайкальско-енисейского региона на северо-восток, в ходе которой они усвоили новый для себя тунгусо-маньчжурский язык, но проявили в нем свою ААБ с характерным для нее признаком фарингализации гласных, не свойственной другим тунгусо-маньчжурским языкам, и др. [Надеяев 1981: 15; 1986: 12, 14].

² Вслед за В. М. Надеяевым, мы используем термин *фоника* для обозначения науки о звуках речи. *Фонетика* является родовым понятием по отношению к видовым *фоника* и *фонология*.

6. Специфика артикуляционно-акустических баз в языках народов Сибири

Результаты анализа комплексных экспериментально-фонетических данных, обеспечивающих высокий уровень визуализации вокальных и консонантных артикуляторных настроек в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и финно-угорских языках, позволили внести коррективы в традиционные представления о фонетических ареалах Сибири, о генезисе этносов и их языков, об их пересечениях.

6.1. Тюркские языки

Инструментальные данные свидетельствуют о высокой функциональной нагруженности гортанно-глоточного отдела речевого тракта носителей южносибирских тюркских языков при речепроизводстве. В ряде языков выявлены вокальные и консонантные системы, для которых структурирующим признаком является наличие или отсутствие фарингализации как артикуляции, являющейся дополнительной по отношению к основной и создающей специфический акустический эффект низкого «сдавленного» резонирования.

Артикуляторная специфика фарингализованных вокальных настроек (Рис. 1—3) заключается в сильной напряженности речевого аппарата, оттянутости корня языка к задней стенке фаринкса — и, как следствие, сокращении объема гортанно-глоточного отдела резонаторной полости (Рис. 1b) и напряженном сближении голосовых связок (Рис. 3b) по сравнению с нефарингализованными гласными (Рис. 1a, 3a). Акустическим коррелятом фарингализации является специфический трехфазовый контур частоты основного тона (ЧОТ): резконисходящий — плавнонисходящий (~ плавновосходящий ~ ровный ~ прерывистый) — резковосходящий (Рис. 2b) в отличие от плавновосходящего ~ ровного основного тона при артикулировании нефарингализованного гласного (Рис. 2a).

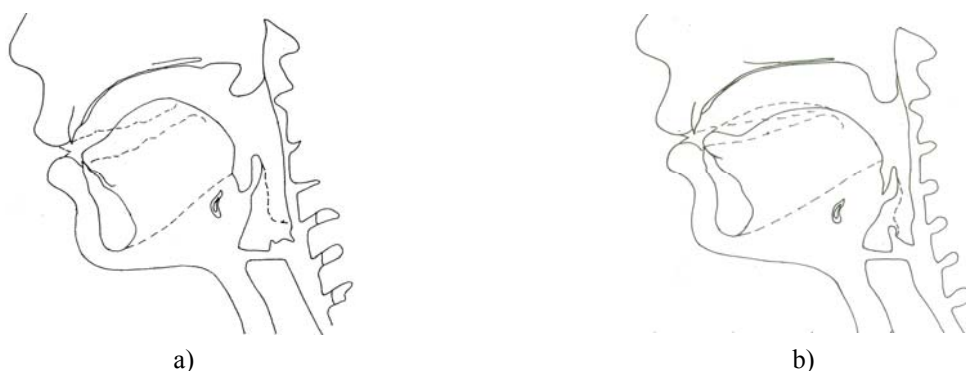

Рис. 1. Рентгеносхемы тувинских гласных:

- a) нефарингализованный звук « \ddot{o}_4 » в словоформе *өө* 'юрта=его';
 b) фарингализованный звук « $\ddot{o}_4\text{̣}$ » в словоформе *өк* (звукоподражание)

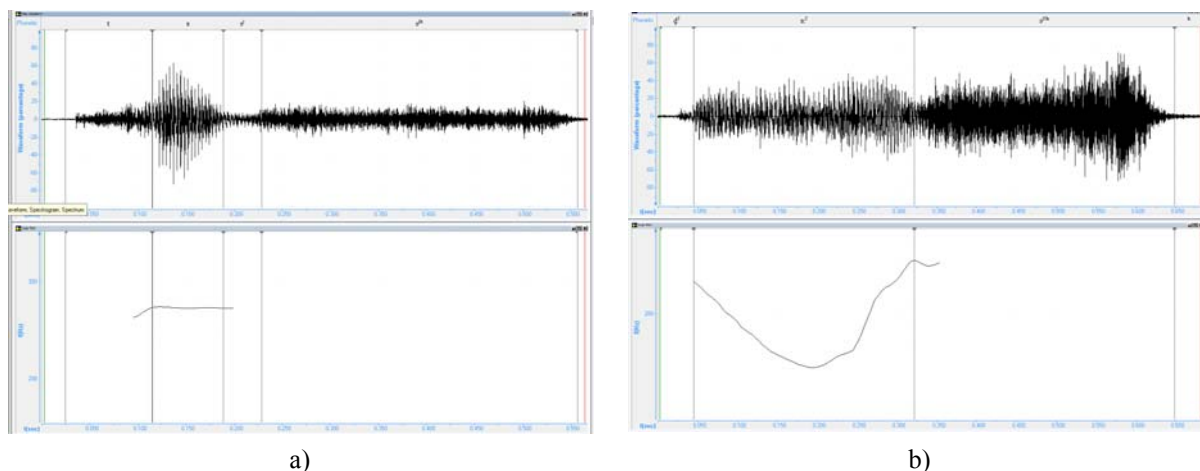

Рис. 2. Осциллограммы и огибающие кривые ЧОТ тувинских словоформ:
 a) нефарингализованной *Тес* 'Тес (топоним)'; b) фарингализованной *дес* 'кровь'

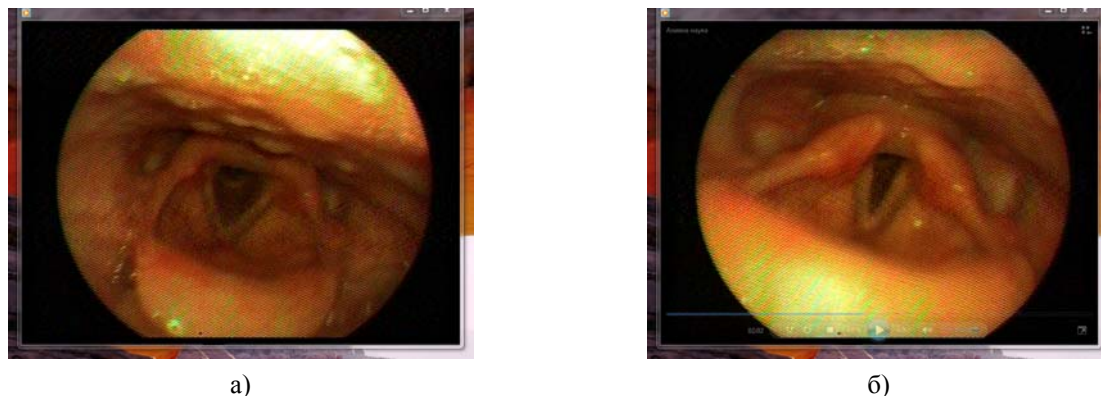

Рис. 3. Ларингограммы тувинских гласных: а) *a* «á» и б) *a*~ «á~»

В тувинском языке согласные фонемы вступают в оппозицию как сильные / слабые / сверхслабые. Особенностью тувинской фонетики является то, что не только гласные, но и согласные компоненты подвергаются фарингализации в фарингализованных словоформах. Глоттализиция гласных в тувинском — это фонологический признак, фарингализация согласных — аллофонный. Выбор согласного в составе монотематической словоформы обусловлен — в полном соответствии с закономерностями тувинского фарингального сингармонизма — качеством гласного первого слога основы [Дамбыра 2005; Кечил-оол 2006].

Таким образом, результаты инструментальных исследований указывают на наличие корреляции между степенью артикуляторной напряженности и дополнительной работой стенок глотки, с одной стороны, и акустическим эффектом низкого резонирования при произношении фарингализованных согласных, с другой стороны [Бичелдей 2001а, 2001б]. Следует также отметить, что функциональный статус фарингализованных согласных в южно-сибирских тюркских языках различен, например, фарингализация консонантов является систематизирующим дистинктивным признаком в шорском и барабинско-татарском языках и аллофонным — в тувинском [Уртегешев 2002; Рыжикова 2005].

6.2. Монгольские языки

При относительной близости монгольских языков, восходящей к периоду первоначального единства в циркумбайкальском регионе, принципы структурно-таксономической организации консонантных систем типологически различны. Если в халха-монгольском и калмыцком языках консонантизм структурируется тройной оппозицией по напряженности [Наделяев 1985; Биткеев 1965], обнаруживая сходство с южносибирскими тюркскими языками (тувинский, тофский) саяно-байкальского этноареала, то хори-бурятская система с бинарным противопоставлением слабых и сверхслабых фонем [Соктоева 1988] близка к алтае-саянским тюркским (алтайский, хакасский) и к уральским угро-самодийским языкам, для которых сильнонапряженные артикуляции неприемлемы.

Лингвистически значимой является для бурятского консонантизма тройная оппозиция по способу образования шумообразующей преграды — согласные противопоставлены как смычные, щелевые и вибранты. Аффрикатy отсутствуют в бурятском языке, что выделяет его на фоне других монгольских языков, в которых сложные по способу образования консонанты относятся к числу продуктивных элементов системы.

По данным МР-томографирования и цифрового рентгенографирования, в фонетической системе халха-монголов палатализация — как фонологическая умеренная, так и оттенковая слабая — осуществляется продвижением тела языка вперед (большим при умеренном смягчении) с образованием объемного заднеротово-глоточного резонатора и одновременным увеличением площади касания (при смычных артикуляциях) или сближения (при фрикативных настройках) активных и пассивных органов произношения (Рис. 4—6). В этом проявляется специфика ААБ халхасов на фоне языков Сибири и сопредельных регионов, где палатализация достигается, прежде всего, дополнительным подъемом передне-средней части спинки языка к твердому небу.

Столь существенные расхождения в генетически родственных языках обусловлены различной историей этносов, их взаимодействий и взаимовлияний, сформировавших специфику артикуляционно-акустических баз носителей современных монгольских языков.

Томограммы и томосхемы ртовых переднеязычных согласных
халха-монгольского языка

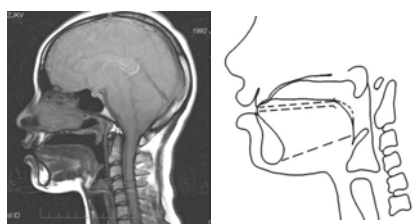

Рис. 4. Слабый смычный непалатализованный *d* «d» в словоформе *хад* ‘скала’

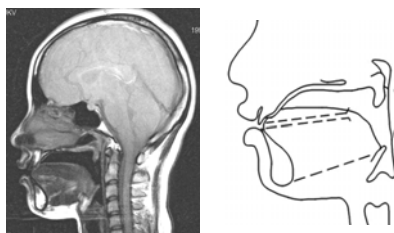

Рис. 5. Слабый смычный слабопалатализованный *d* «d'» в словоформе *хэд* ‘сколько’

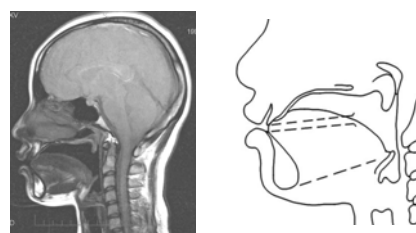

Рис. 6. Слабый смычный умереннопалатализованный *d* «d'» в словоформе *бодь* ‘совершенство’

6.3. Тунгусо-маньчжурские языки

Анализ комплексных инструментальных данных по тунгусо-маньчжурской фонетике на примере эвенкийского языка показал, что его специфика определяется общей более передней по сравнению с тюркскими и монгольскими языками Сибири локализацией произносительных настроек согласных. Губные, переднеязычные и передне-среднеязычные артикуляции (14 единиц) преобладают, класс гуттуральных фонем представляют лишь четыре фонемы; при этом увулярные реализации в системе не зафиксированы. Тотальная палатализованность настроек, при которых тело языка продвигается вперед-вверх (Рис. 7—8), увеличивая объем заднеротово-глоточного отдела резонаторной трубы и обуславливая акустический эффект мягкости, а также отсутствие продуктивных в языках Сибири веларизованных, увуларизованных и назализованных артикуляций — все это свидетельствует о выдвинутости механизмов звукообразования вперед как об артикуляционно-базовом признаке.

Томограммы и томосхемы согласных эвенкийского языка

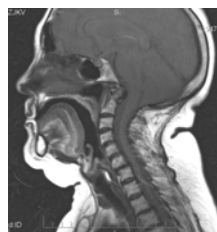

Рис. 7. Смычный губно-губной умереннопалатализованный глухой ртовый согласный *p* «p'» в словоформе *чэти* ‘утопить’

Рис. 8. Смычный переднеязычный слабопалатализованный глухой ртовый согласный *t* «t'» в словоформе *амут* ‘озеро’

Для ААБ эвенков-селемджинцев нехарактерна сильная напряженность: манифестации фонем — как шумных, так и малошумных — определяются как умереннонапряженные (за исключением губных). По данному признаку эвенкийский язык обнаруживает типологическое сходство с угро-самодийскими языками, тюркскими языками алтае-байкальского региона, сформировавшимися в результате тюркизации угро-самодийского населения с неприемлемой для его ААБ сильной артикуляцией, а также с одним из языков монгольской семьи — бурятским. В этом же заключается его типологическое отличие от консонантных систем таких языков урало-алтайской общности, как халха-монгольский, калмыцкий, южносибирские тюркские языки саяно-байкальского региона (тувинский, тофский, шорский, барабинско-татарский).

Специфической чертой эвенкийского консонантизма в его селемджинском варианте, сближающей его с одним из контактных тюркских языков — якутским, является превалирование в системе смычных по способу образования согласных (11 единиц) над щелевыми (4 единицы) [Андреева 1988].

Наличие в системе фарингального *h* сближает эвенкийский консонантизм с бурятским, включающим аналогичный компонент в фонологическом статусе. Монголисты трактуют согласный *h* как один из элементов эвенкийского фонетического субстрата в бурятском языке, сформировавшемся в результате длительного взаимодействия эвенкийского и монгольского этносов. Монгольский язык сохранил свою лексику, грамматический строй, но в то же время приобрел ряд фонетических особенностей, обусловленных спецификой артикуляционно-акустической базы контактирующего эвенкийского языка [Бураев 1987].

6.4. Обско-угорские языки

Инструментальные данные, впервые полученные методами МРТ и ДЛГ по казымскому диалекту, а также по пимскому, юганскому и тром-аганскому говорам сургутского диалекта, свидетельствуют о кардинальных отличиях в структурно-таксономической организации вокальных и консонантных систем в генетически близких идиомах, в субстантных характеристиках реализаций единиц и в их функционировании.

В системе консонантизма шумность превалирует над сонорностью: артикуляции, которые в традиционной фонетике трактуются как сонорные, в хантыйском языке реализуются с ярко выраженным акустическим эффектом специфического шума.

Переднерядные артикуляции казымского и сургутского диалектов, как правило, кончиковые — апиальные или какуминальные (Рис. 9), а не дорсальные, как в большинстве сибирских тюркских и монгольских языков; дорсальность в хантыйском языке фактически не фиксируется.

Рис. 9—10. Томограммы и томосхемы настроек согласных в казымском диалекте хантыйского языка

Рис. 9. Щелевой переднеязычный какуминальный переднетвердонебный *ш* в словоформе *хаш* ‘талынок’

Рис. 10. Смычный передне-межзубочный твердонебно-переднемягконебный *к* в словоформе *сак* ‘бисерт’

При этом отмечается высокая частотность локализации переднеязычной преграды согласных на твердом небе, а не на зубах и альвеолах, как в сибирских тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Наиболее отчетливо эта особенность реализуется в сургутском диалекте. Указанные характеристики настроек свидетельствуют о том, что в хантыйском языке переднеязычные консонантные артикуляции отодвигаются назад.

В то же время гуттуральные — в препозиции как к мягкорядным, так и к твердорядным гласным — существенно выдвигаются вперед, реализуясь в межзубочных оттенках. Увулярные настройки в казымском диалекте рентгенографически и с помощью МР-томографирования не выявлены.

Экспериментально зафиксированные сдвиги хантыйских артикуляторных настроек к центру ротового отдела резонаторной полости — переднеязычные консонанты отодвигаются назад, а гуттуральные — как в препозиции к мягкорядным, так и к твердорядным гласным — существенно выдвигаются вперед, реализуясь в межзубочных оттенках (Рис. 9—10), — аналогичны выявленным ранее процессам в сегменте вокализма языков южносибирских тюрков, для которых предполагается угро-самодийский субстрат [Шалданова 2007; Эсенбаева 2009].

Полученные инструментальные данные свидетельствуют о высокой продуктивности работы гортанно-глоточного отдела речевого аппарата ханты — она фиксируется не только на аудитивно-визуальном уровне, но и на томограммах, рентгенограммах и ларингограммах.

7. Заключение

Инструментальные данные, полученные методами магнитно-резонансного томографирования, дигитального рентгенографирования и ларингографирования, свидетельствуют о некоторых особенностях анатомии гортани у представителей южносибирских тюркских этносов — алтайцев, чалканцев, хакасов, тувинцев — по сравнению с носителями иных языков — бурятского, русского, а также турецкого. У большинства дикторов — южносибирских тюрков последовательно отмечается явно выраженная асимметрия черпаловидно-надгортанной складки. Констатируется относительное укорочение правой складки, достигающее у некоторых индивидуумов 2 мм. У этих же дикторов фиксируются отличия в толщине указанной складки — правая толще левой с разницей до 1 мм.

На наш взгляд, объяснение этому феномену следует искать в сложной этнической истории современных тюрков Южной Сибири, сформировавшихся на базе угро-самодийских и кетского субстратов и подвергшихся многоэтапной тюркизации со стороны как уйгуро-огузских, так и кыргызо-кыпчакских племен [Широбокова 2015: 249]. Несмотря на то, что этот процесс завершился в XVI—XVII вв. полной

культурной, языковой и этнической ассимиляцией, артикуляционно-акустические базы субстратных этносов, не рассеявшихся территориально, сохранились в доминантных чертах в силу относительной автономности звуковой системы в языке. Зафиксированные инструментально особенности морфологии гортани у южносибирских тюрков и специфика их ААБ коррелируют друг с другом, подчиняясь закономерностям системной взаимозависимости и взаимообусловленности.

По предварительным данным ларингоскопии, в сибирских языках фиксируется относительная индифферентность голосовых связок при речепроизводстве на фоне высокой артикуляторной активности надсвязочных органов речи — надгортанника, корня языка и задней стенки фаринкса [Ryzhikova et al. 2014: 38]. Это наблюдение, нуждающееся в дальнейшей верификации, представляет значительный интерес не только для сибирской, но и для общей фонетики, поскольку может пролить свет на природу ряда фонетических закономерностей, выявленных в ходе предшествующих исследований. Например, отмеченная ларингоскопически пассивность голосовых связок объясняет необязательность, факультативность фиксации сигнала или даже полное его отсутствие на огибающей кривой частоты основного тона при акустическом исследовании гласных и звонких согласных во многих языках Сибири.

Кроме того, высокой продуктивностью и функциональной нагруженностью работы надгортанного отдела речевого аппарата обусловлено, по-видимому, наличие в сибирских языках артикуляций, дифференцируемых по положению гортани (поднятое, нейтральное, опущенное), — эйктивные, нейтральные и инъективные гласные звуки в кетском языке [Феер 1998] и согласные в шорском [Уртегешев 2002]. С напряженной работой гортанно-глоточного отдела речевого тракта коррелирует также наличие фарингализованных и нефарингализованных вокальных и консонантных единиц фонического или фонологического уровня в ряде южносибирских тюркских языков [Рыжикова 2005; Кечил-оол 2006] и, более того, функционирование так называемого глоточного сингармонизма в тувинском языке [Дамбыра 2005].

Наличие на территории Сибири звуковых систем, для которых структурирующими являются параметры работы гортани, а также выявленные на материале тувинского языка закономерности фарингального сингармонизма, наряду с наблюдениями о фактически обязательной фарингализации русских заимствований в современном тувинском языке [Дамбыра 2000], — все это указывает на необходимость пересмотра сложившейся в тюркологии точки зрения на фарингализацию как на явление отмирающее, реликтовое и, кроме того, свидетельствует о значимости фарингально-ларингального отдела речевого тракта для формирования специфика артикуляционно-акустических баз народов Сибири и фонологических систем в их языках.

Причинами расхождений фонических и фонологических систем в тюркских языках Южной Сибири являются гетерогенность субстратов, различный характер тюркизации, специфика одновременных и разноплановых контактов этносов — носителей различных артикуляционно-акустических баз.

Дальнейшие инструментальные исследования звуковых систем малочисленных алтайских и уральских языков, многие из которых находятся на грани исчезновения, позволят пролить свет на некоторые дискуссионные проблемы происхождения и контактирования этносов и их языков на территории Сибири и сопредельных регионов.

Сокращения

ААБ — артикуляционно-акустическая база

ДЛГ — дигитальное ларингографирование

ДРГ — дигитальное рентгенографирование

ИФЛ СО РАН — Институт филологии Сибирского отделения РАН

ИХБФМ СО РАН — Институт химической биологии и фундаментальной медицины Сибирского отделения РАН

ЛЭФИ — Лаборатория экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева ИФЛ СО РАН

МРТ — магнитно-резонансное томографирование

МТЦ СО РАН — Институт «Международный томографический центр» Сибирского отделения РАН

ЧОТ — частота основного тона

Литература

Андреева 1988 — Андреева Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка: Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1988. {*Andreeva T. Phonetic structure of the Tommot dialect of the Evenki language: Experimental phonetic research. Novosibirsk, 1988.*}

- Баданова 2011 — *Баданова Т. А.* Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2011. {*Badanova T.* Word stress in the Altaic language in comparative aspect. Novosibirsk, 2011.}
- Бельтюкова 2004 — *Бельтюкова Н. П.* Консонантизм долганского языка (экспериментальное исследование). Томск, 2004. {*Beltyukova N.* Consonantism of the Dolgan language (experimental study). Tomsk, 2004.}
- Биткеев 1965 — *Биткеев П. Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965. {*Bitkeev P.* Consonant phonemes of the Kalmyk language. Ulan Ude, 1965.}
- Бичелдей 2001a — *Бичелдей К. А.* Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001. {*Bicheldey K.* Theoretical problems of the modern Tuvinian language phonetics. Author's summary of the D. Litt. thesis. M., 2001.}
- Бичелдей 2001b — *Бичелдей К. А.* Фарингализация в тувинском языке. М., 2001. {*Bicheldey K.* Pharyngealization in the Tuvinian language. M., 2001.}
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт теории фонетических альтернатив // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 265—347. {*Baudouin de Courtenay I.* A study in the theory of phonetic alterations // Selected works in general linguistics. V. 1. M., 1963. P. 265-347.}
- Бураев 1987 — *Бураев И. Д.* Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск, 1987. {*Buraev I.* Development of the sound structure of the Buryat language. Novosibirsk, 1987.}
- Верте 2003 — *Верте Л. А.* Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2003. {*Verte L.* Consonantism of the Khanty language (experimental study). Novosibirsk, 2003.}
- Дамбыра 2000 — *Дамбыра И. Д.* Фарингализация гласных в русских заимствованиях в тувинском языке (на материале каа-хемского говора) // Вторая зимняя типологическая школа «Универсалии в культуре и языке». М., 2000. С. 118—120. {*Dambyra I.* Vowel pharyngealization in Russian loanwords in the Tuvinian language (based on material of the Kaa-Khem patois).}
- Дамбыра 2005 — *Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005. {*Dambyra I.* Vocalism of the Kaa-Khem patois in comparison with other patois and dialects of the Tuvinian language. Novosibirsk, 2005.}
- Журавлев 1982 — *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982. {*Zhuravlev V.* External and internal factors of language evolution. M., 1982.}
- Журавлев 1986 — *Журавлев В. К.* Диахроническая фонология. М., 1986. {*Zhuravlev V.* Diachronic phonology. M., 1986.}
- Кечил-оол 2006 — *Кечил-оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006. {*Kechil-ool S.* Typological specifics of the Sut-Khol patois consonantism in the system of the Tuvinian language patois and dialects. Novosibirsk, 2006.}
- Кирсанова 2003 — *Кирсанова Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск, 2003. {*Kirsanova N.* Consonantism in the language of Chelkans (based on experimental data). Novosibirsk, 2003.}
- Куркина 2000 — *Куркина Г. Г.* Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. {*Kurkina G.* Consonantism of the Khanty language (experimental study). Novosibirsk, 2000.}
- Ладефогед 1999 — *Ладефогед П.* МФА и фонетико-фонологический интерфейс // Проблемы фонетики. Ч. III. М., 1999. С. 25—37. {*Ladefoged P.* IPA and phonetic-phonological interface // Problems in phonetics. Part III. M., 1999. P. 25-37.}
- Леви-Стросс 2001 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. {*Levi-Strauss C.* Structural anthropology. M., 2001.}
- Мамудян 1985 — *Мамудян М.* Лингвистика. М., 1985. {*Mamudyan M.* Linguistics. M., 1985.}
- Наделяев 1960 — *Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.—Л., 1960. {*Nadelyaev V.* Project of a universal unified phonetic transcription (UUPT). M.-L., 1960.}
- Наделяев 1980 — *Наделяев В. М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3—91. {*Nadelyaev V.* Articulatory classification of vowels // Phonetic studies of Siberian languages. Novosibirsk, 1980. P. 3-91.}
- Наделяев 1981 — *Наделяев В. М.* Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 11—37. {*Nadelyaev V.* Theoretical and practical meaning of phonetic studies of languages of peoples of the North // Writing of the peoples of Siberia. History and perspectives. Novosibirsk, 1981. P. 11-37.}
- Наделяев 1985 — *Наделяев В. М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 3—24. {*Nadelyaev V.* Phonemes constitution in the sound structure of the Modern Mongolian language // Phonetics of Siberian languages. Novosibirsk, 1985. P. 3-24.}
- Наделяев 1986 — *Наделяев В. М.* К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3—15. {*Nadelyaev V.* On the typology of articulatory acoustic bases (AAB) // Phonetic structures in Siberian languages. Novosibirsk, 1986. P. 3-15.}

Рыжикова 2005 — *Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005. {*Ryzhikova T.* Consonantism of the language of the Baraba Tartars: comparative-typological aspect. Novosibirsk, 2005.}

Соколянский 2010 — *Соколянский А. А.* Модель многоуровневой фонологии русского языка. Магадан, 2010. {*Sokolyanski A.* Model of multi-level phonology of the Russian language. Magadan, 2010.}

Соктоева 1988 — *Соктоева С. П.* Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка. Новосибирск, 1988. {*Soktoeva S.* Consonantism of the Khori dialect of the Buryat language. Novosibirsk, 1988.}

Уртегешев 2002 — *Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. {*Urtegeshev N.* Obstruent consonantism of the Shor language (on the material of the Mrasu dialect). Novosibirsk, 2002.}

Уртегешев и др. 2009 — *Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А.* Фонетические транскрипционные системы УУФТ и МФА: стандарты соответствий // Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». М., 2009. № 1. С. 100—115. {*Urtegeshev N., Selyutina I., Esenbaeva G., Ryzhikova T., Dobrinina A.* Phonetic transcription standarts UUPT and IPA: accordance system // Issues in philology. Series: Ural-Altai studies. 2009, 1 (1). P. 110-115.}

Феер 1998 — *Феер Б. Б.* Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск, 1998. {*Feer B.* Acoustic characteristics of the Ket language vowels (the Pakulikhin patois). Novosibirsk, 1998.}

Чумакаева 1978 — *Чумакаева М. Ч.* Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978. {*Chumakaeva M.* Consonants of the Altaic language (based on experimental phonetic studies). Gorno-Altaysk, 1978.}

Шалданова 2007 — *Шалданова А. А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2007. {*Shaldanova A.* Vocalism of the Altai-Kizhi dialect in comparative aspect. Novosibirsk, 2007.}

Широбокова 2015 — *Широбокова Н. Н.* О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 242—250. {*Shirobokova N.* About the change of classification type (based on material of the Turkic languages of Siberia) // Siberian philological journal. 2015. № 4. P. 242-250.}

Щерба 1937 — *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. Л.—М., 1937. {*Shcherba L.* Phonetics of the French language. A survey of the French pronunciation compared to Russian. L.-M., 1937.}

Эсенбаева 2009 — *Эсенбаева Г. А.* Вокальные системы тюркских языков южносибирского региона и киргизского языка: общность и специфика. Новосибирск, 2009. {*Esenbaeva G.* Vocal systems of the Turkic languages of the South Siberia and the Kirghiz language: common aspects and specifics. Novosibirsk, 2009.}

Baudouin de Courtenay 1895 — *Baudouin de Courtenay J.* Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen: Ein Capitel aus der Psychophonetik. Strassburg, 1895.

Creanza et al. 2015 — *Creanza N., Ruhlen M., Pemberton T. J., Rosenberg N. A., Feldman M. W., Ramachandran S.* A comparison of worldwide phonemic and genetic variation in human populations // PNAS. 2015. Vol. 112, 5. P. 1265—1272.

Fant 1960 — *Fant G.* Acoustic Theory of Speech Production. The Hague, Netherlands, 1960.

Fant 2004 — *Fant G.* Speech Acoustics and Phonetics. Selected Writings. Netherlands, 2004.

Ladefoged 2003 — *Ladefoged P.* Phonetic Data Analysis: An Introduction to Fieldwork and Instrumental Techniques. Oxford, 2003.

Lévi-Strauss 1949 — *Lévi-Strauss C.* Les structures élémentaires de la parenté. Paris, 1949.

Ryzhikova et al. 2014 — *Ryzhikova T., Dobrinina A., Morozov V., Kulikov V.* Studying Sound Systems of Siberian Turkic Languages by the Method of Laryngoscopy (Interdisciplinary Approach) // Permanent International Altaistic Conference. The 57th Annual Meeting of the PIAC. September 9—14, 2014. Vladivostok, Russia. 2014. P. 38.

РЕЗЮМЕ

В статье освещаются результаты инструментальных исследований фонетики языков малочисленных народов Сибири и сопредельных регионов. Наличие звуковых систем, для которых структурирующими являются параметры работы гортани, а также выявленные на материале тувинского языка закономерности фарингального сингармонизма, наряду с наблюдениями о фактически обязательной фарингализации русских заимствований в современном тувинском языке, свидетельствуют о значимости фарингально-ларингального отдела речевого тракта в формировании специфики артикуляционно-акустических баз народов Сибири и фонологических систем в их языках.

При относительной близости монгольских языков принципы структурно-таксономической организации консонантных систем типологически различны. Специфика фонетики эвенкийского языка определяется общей более передней по сравнению с тюркскими и монгольскими языками Сибири локализацией произносительных настроек со-

гласных. Сдвиги хантыйских артикуляторных настроек к центру ротового отдела резонаторной полости — переднеязычные консонанты отодвигаются назад, а гуттуральные существенно выдвигаются вперед — аналогичны выявленным ранее процессам в сегменте вокализма языков южносибирских тюрков, для которых предполагается угро-самодийский субстрат. Причинами расхождений фонических и фонологических систем в тюркских языках Южной Сибири являются гетерогенность субстратов, характер тюркизации, специфика одновременных и разноплановых контактов этносов — носителей различных артикуляционно-акустических баз.

SUMMARY

The article shows the results of instrumental studies of the sound systems of indigenous minorities' languages of Siberia and adjacent regions. The presence of systems which are structured by the parameters of the larynx movement, as well as regularities of a developed pharyngeal harmony revealed in the Tuvan language, and also the obligatory pharyngealization of the Russian borrowings by the Tuvians — all these factors serve to prove the important role of pharyngo-laryngeal part of a vocal tract for specifying Siberian peoples' articulatory-acoustic bases (AAB) and phonological systems in their languages.

With the Mongolian languages being relatively close, the principles of a structural-taxonomical organization of the consonant systems of the Mongolian languages are, however, typologically different.

A comprehensive analysis of instrumental data on the Tungus-Manchu phonetics through the example of the Evenki language shows that the specifics of the Evenki AAB is determined by a more forward localization of articulatory settings of consonants than in the majority of the surveyed Turkic and Mongolian languages of Siberia.

The shifts of Khanty articulatory settings to the center of the oral part of the resonator cavity — meaning that the forelingual consonants' push back, and, on the contrary, the guttural settings' move forward — are similar to the previously identified processes in the segment of the vocal systems of the South Siberian Turkic languages, for which an Ugro-Samoyedic substrate is assumed.

The reasons for discrepancies between phonic and phonological systems in the Turkic languages of southern Siberia are the heterogeneity of substrates, the different nature of turkization, the specifics of multi-temporal and multi-dimensional contacts of ethnic groups and the differences in their articulatory-acoustic bases.

Ключевые слова: языки народов Сибири, инструментальная фонетика, фонология, артикуляционно-акустическая база, языковые контакты

Keywords: languages of the peoples of Siberia, instrumental phonetics, phonology, articulatory-acoustic base, language contacts

Селютина Ираида Яковлевна, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); siya_irina@mail.ru

Iraida Ya. Selyutina, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); siya_irina@mail.ru

**О предполагаемых субстратных явлениях в некоторых языках Сибири
(комментарий к статье И. Я. Селютиной «Фонико-фонологические
исследования языков народов Сибири в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева
Института филологии СО РАН»)¹**

Статья И. Я. Селютиной представляет собой обзор лабораторных исследований фонетики языков народов Сибири, проведенных в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева. В статье перечисляются методы исследования и учреждения, на базе которых они были проведены, а также приводятся несколько примеров из исследований языков различных семей. С точки зрения современной экспериментальной фонетики исследования с использованием магнитно-резонансной томографии, цифрового рентгенографирования и ларингографирования действительно являются передовыми. К сожалению, как это и отмечено в статье, такие методы в основном используются в исследованиях по крупным государственным языкам (английскому, французскому, русскому и др.) и гораздо реже — при описании звуковых систем малых языков. Таким образом, в исследованиях ЛЭФИ сочетаются наиболее современные методы экспериментальной фонетики и обширный материал языков Сибири (46 языков и диалектов автохтонных миноритарных этносов).

Статья дает представление о проделанной работе, однако информация представлена очень сжато — по-видимому, вследствие ограничения по объему. Очевидно, что такое исследование имеет огромный масштаб, и в обзорной статье невозможно детально описать условия каждого эксперимента для каждого языка и обсудить, как были получены числовые данные: например, как по томосхемам определялась площадь касания активных и пассивных артикуляторных органов для палатализованных смычных в халха-монгольском примере или как измерялась кривизна контура частоты основного тона для фарингализованных тувинских гласных. Информация подана настолько плотно, что, кажется, каждый абзац мог бы быть развернут в отдельную детальную публикацию. Статья безусловно выиграла бы от перечисления языков и диалектов, материал которых исследовался современными экспериментальными методами. Такое перечисление облегчило бы доступ к лабораторным исследованиям и к их результатам лингвистам, изучающим именно эти языки или диалекты.

Определенные трудности представляет использование артикуляционно-акустических баз (ААБ) как историко-лингвистического источника, предложенное В. М. Наделяевым. С теоретической точки зрения вызывает сомнения суждение о том, что ААБ обладает относительной автономностью от других уровней языка и транслируется через поколения в своих доминантных чертах даже при переходе этноса на другие языки. В случае языкового сдвига ААБ проявляет себя как субстрат в новом диалекте языка-суперстрата. Единственное ограничивающее условие для этого субстратного влияния заключается в следующем: согласно И. Я. Селютиной, сохранение субстратной ААБ возможно только «в том случае, если данная этническая группа все же осталась компактной, не рассеялась территориально». Однако условия для субстратного влияния в области фонетики или для его отсутствия определяются не только этим фактором. Например, в одной из наиболее влиятельных работ в области языкового контакта [Thomason, Kaufman 1988: 47, 50 (Таб. 3)] степень интерференции между языком-субстратом и языком-суперстратом (target language) связывается с размером группы, усваивающей новый язык-суперстрат, и временем, за которое этот сдвиг происходит и которое, в свою очередь, влияет на уровень усвоения этого языка. В ситуации долговременного билингвизма и небольшого размера группы, усваивающей новый язык, этот язык полностью усваивается новыми поколениями как родной, после чего происходит собственно сдвиг. В такой ситуации не ожидается интерференции как таковой (perfect learning). Субстратное влияние в фонологии и синтаксисе ожидается при большом размере группы, переходящей на новый язык, и при отсутствии длительного периода билингвизма, из-за чего происходит неполное выучивание языка-суперстрата (imperfect learning). Таким образом, теория [Thomason, Kaufman 1988] и положение,

¹ Работа выполнена за счет субсидий, выделенных в рамках государственной поддержки КФУ в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, а также при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения». Автор статьи выражает благодарность Б. Пакендорф за обсуждение вопросов происхождения эвенов и А. В. Архипову за чтение предварительной версии рукописи и ценные замечания. За все ошибки или неточности в тексте статьи ответственность несет автор.

выдвинутое В. М. Надеяевым и поддерживаемое И. Я. Селютиной, расходятся в вопросах о факторах, благоприятных для субстратного влияния в фонетике при языковом сдвиге, обязательности этого влияния и автономности фонетики и фонологии от других уровней языка.

Кроме того, в статье явно недостает точного определения ААБ или указания на доминантные черты ААБ: исходя из текста статьи, в отдельных случаях это определенные характеристики гласных, а в других случаях, скорее, противопоставления в области консонантизма. Однако именно на основании сходств и различий ААБ в разных языках и диалектах в статье делаются выводы о возможных популяционных трансформациях и миграциях.

Несмотря на то, что И. Я. Селютина отмечает важную роль междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и генетики, некоторые гипотезы, выдвинутые и обоснованные благодаря анализу ААБ, явно опровергаются последними данными популяционной генетики. Так, данные генетики опровергают участие монголов в формировании якутской народности [Pakendorf et al. 2006; Pugach et al. 2016]. Формирование эвенского языка в результате миграции этой группы из прибайкальско-енисейского региона и последующего языкового сдвига также не подтверждается генетическим анализом, проведенным на материале многочисленных популяций Сибири (включая несколько географически отдаленных групп эвенов). В работе [Pugach et al. 2016: 12] говорится о более вероятном амурском происхождении северо-тунгусских групп. Эвены обнаруживают очень близкое генетическое родство с эвенками, что также противоречит гипотезе о формировании эвенского в результате языкового сдвига. Более того, согласно одной из последних реконструкций прото-тунгусо-маньчжурской фонологической системы гласных, оппозиция по фонологическому признаку «продвинутый vs. отодвинутый корень языка» (*advanced vs. retracted tongue root*) характерна для всей этой языковой семьи, а фарингализация в эвенском не появилась как субстратное влияние в результате языкового сдвига, а развилась из вторичной артикуляции при отодвигании корня языка назад и сокращения резонирующего пространства в области глотки [Ard 1980; Ko, Joseph, Whitman 2014].

Тем не менее, основным материалом статьи являются примеры из экспериментальных исследований, и эти данные, безусловно, представляют научную ценность. Особенно хотелось бы остановиться на тувинском примере, а именно на наблюдении о специфическом трехфазовом контуре частоты основного тона как акустическом корреляте фарингализации тувинских гласных. В языках с фонологическим противопоставлением гласных по признаку фарингализации эта оппозиция акустически выражается в различной общей конфигурации формант. Вероятно, эти конфигурации могут варьироваться от языка к языку. В работе [Ladefoged, Maddieson 1996] авторы описывают фарингализованные гласные как имеющие более высокие значения для нижних формант (F1 и F2) и более низкое значение третьей форманты (F3) по сравнению с нефарингализованными гласными, см. раздел о фарингализованных гласных и примеры из некоторых кавказских и койсанских языков в [Ladefoged, Maddieson 1996: 307—310], а также исследование фарингализованных гласных в арчинском [Arkhipov 2015].

Интересно, с чем связано изменение в контуре частоты основного тона у тувинских фарингализованных гласных, характерно ли оно исключительно для тувинского языка и не является ли оно следствием какой-либо дополнительной артикуляции? В связи с последним предположением хочется отметить упоминание глоттализации в тувинском. Создается впечатление, что автор использует термины «фарингализация» и «глоттализация» как синонимы. Действительно, во введении к монографии [Селютина и др. 2014: 3] авторы отмечают: «Фарингализация (обозначаемая в литературе также терминами “глоттализация”, “ларингализация”)...». Тем не менее во многих монографиях проводится достаточно четкое противопоставление между фарингализацией и глоттализацией. Хотя в каждом конкретном языке эти артикуляции могут отличаться по степени выраженности и вовлечению других артикуляторов, в общем случае фарингализацией называют сужение в области глотки, сопровождающееся отодвижением назад корня языка. Под глоттализацией понимается напряжение голосовой щели, с частичным (в случае скрипучего голоса) или полным (в случае гортанной смычки) смыканием голосовых связок (ср. [Ladefoged, Maddieson 1996: 99—100, 306], хотя скрипучий голос называется авторами также ларингализованным [там же: 48]; [Кодзасов, Кривнова 2001: 41—44] рассматривают скрипучий голос в ряду фонаций, т. е. как артикуляцию, возникающую в результате одной из возможных конфигураций голосовой щели; глоттализованными авторы называют гортанную смычку и эйективные согласные [там же: 298]; фарингализация упоминается в описании звуковой системы арчинского языка [там же: 376]). Однако скорее всего в статье И. Я. Селютиной имеется в виду, что глоттализация и фарингализация гласных происходят в тувинском одновременно — это подтверждается и иллюстрацией на ларингограммах (более напряженные голосовые связки для фарингализованных гласных на *Рус. 3б*). Тем не менее, наличие глоттализации не помогает в объяснении загадочного контура частоты основного тона. Во многих языках мира глоттализация, преимущественно гортанная смычка, исторически связана с развитием тоновых

противопоставлений (ср. [Hombert, Ohala, Ewan 1979], [Thurgood 2002] о тонах в языках юго-восточной Азии, [Kingston 2005] о тоногенезе в атабаскских языках, [Kortlandt 2010] о тонах в балто-славянских языках). Но во всех перечисленных случаях глоттализация связана с восходящим тоном, в то время как фарингализованные тувинские гласные характеризуются резконисходящим-плавнонисходящим-резко-восходящим тоном. Более развернутое и терминологически прозрачное описание артикуляции тувинских гласных, а также их акустических характеристик, безусловно, расширит наши знания о типологии звуковых систем в языках мира и о соответствии между этой сложной артикуляционной установкой и ее акустическим коррелятом.

С методологической точки зрения не совсем удачно, что в примере с тувинскими гласными рентгеносхемы, контуры частоты основного тона и ларингограммы проиллюстрированы тремя разными парами гласных. Кроме того, в статье не указывается, записаны ли эти данные от одного и того же диктора или от разных. В идеальном случае было бы интересно проследить акустические и артикуляторные установки для одних и тех же пар гласных, записанных у одних и тех же дикторов.

Помимо интригующего поведения частоты основного тона тувинских гласных, особенный интерес вызывают наблюдения о толщине и асимметрии черпаловидно-надгортанной складки у южно-сибирских тюрков. Результаты исследования показали систематичное укорочение (до 2 мм) и утолщение (на 1 мм) правой складки по сравнению с левой. Это важное и, можно сказать, сенсационное открытие приводится в разделе «Заключение». В очередной раз здесь упоминаются ААБ субстратных этносов, однако конкретные особенности артикуляционного аппарата или общие черты фонологических систем, которые связываются с этой физиологической особенностью, не указаны. По всей вероятности, эта особенность должна быть связана с фарингализацией, хотя артикуляторные причины, по которым асимметричное строение гортани должно способствовать наличию фарингализации, не очевидны. Автор объясняет такое морфологическое строение гортани возможным угро-самодийским и кетским субстратом. В таком случае было бы логично привести здесь данные о соответствующих параметрах строения гортани по данным угро-самодийских и кетских дикторов (в статье же только отмечается, что данная особенность отсутствует у носителей русского, бурятского и турецкого языков). Однако если угро-самодийские и кетские данные обнаружат ту же особенность, это будет означать, что мы имеем дело не просто с лингвистическим субстратом, а с лингвистической особенностью, предопределенной анатомией. Насколько нам известно, такие данные до сих пор не были зафиксированы ни для одного языка мира. Единственное исследование, о котором нам известно и которое также связывает анатомические особенности с артикуляторными стратегиями, — это пилотное исследование [Dediu, Moisis 2016]. В этой работе демонстрируется, что форма твердого неба имеет некоторое влияние на способность произносить щелкающие согласные в койсанских языках, хотя речь идет скорее не о способности / неспособности произнесения этих звуков при определенном строении неба, а об индивидуальных произносительных стратегиях, обусловленных данной формой неба.

Последнее замечание относится к наблюдению об «относительной индифферентности голосовых связок при речепроизводстве на фоне высокой артикуляторной активности надсвязочных органов речи» в сибирских языках. Это наблюдение также требует дальнейшего пояснения и более развернутых иллюстраций. В своем нынешнем виде оно противоречит как данным тувинского языка, так и последующему рассуждению о «напряженной работе гортанно-глоточного отдела речевого тракта» в южно-сибирских языках.

Таким образом, в статье представлена ценная для многих лингвистов информация о текущих экспериментальных исследованиях в ЛЭФИ, однако отдельные наблюдения требуют более детальных пояснений. В дальнейшем было бы очень интересно ознакомиться с более подробным описанием экспериментов, упоминаемых в статье, условиями их проведения и методами, с помощью которых были получены результаты.

Литература

Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. {*Kodzasov S., Krivnova O.* General phonetics. M., 2001.}

Селютина и др. 2014 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В.* Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск, 2014. {*Selyutina I., Urtegeshev N., Ryzhikova T., Dambyra I., Kechil-ool S.* Pharyngealization as a typological characteristic of phonological systems (based on the material of the Turkic languages of South Siberia). Novosibirsk, 2014.}

- Ard 1980 — *Ard J.* A sketch of vowel harmony in the Tungus languages // *International Review of Slavic Linguistics*. 1980, 5. P. 23—43.
- Arkhipov 2015 — *Arkhipov A.* The acoustic correlates of vowel pharyngealisation in Archi (East Caucasian) // *Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences*. Glasgow, 10—14 August 2015. Available online: <https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2015/Papers/ICPHS1014.pdf>
- Dediu, Moisik 2016 — *Dediu D., Moisik S.* Anatomical biasing of click learning and production: An MRI and 3^d palate imaging study // *The Evolution of Language: Proceedings of the 11th International Conference (EVOLANG11)* / Eds. *Roberts S., Cuskley C., McCrohon L., Barceló-Coblijn L., Feher O., Verhoef T.*, 2016. Available online: <http://evolang.org/neworleans/papers/57.html>.
- Hombert, Ohala, Ewan 1979 — *Hombert J.-M., Ohala J., William E.* Phonetic explanations for the development of tones // *Language*. 1979, 55. P. 37—58.
- Kingston 2005 — *Kingston J.* The phonetics of Athabaskan tonogenesis // *Athabaskan Prosody* / Eds. *Hargus S., Rice K.* Amsterdam, 2005. P. 137—184.
- Ko, Joseph, Whitman 2014 — *Ko S., Joseph A., Whitman J.* Comparative consequences of the tongue root harmony analysis for proto-Tungusic, proto-Mongolic, and proto-Korean // *Paradigm change in the Transeurasian languages and beyond* / Eds. *Robbeets M., Bisang W.* Amsterdam, 2014. P. 141—176.
- Kortlandt 2010 — *Kortlandt F.* Glottalization and Tonogenesis in Athabaskan, Balto-Slavic and Germanic // *Suvremena lingvistika*. 2010, 69. P. 37—44.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — *Ladefoged P., Maddieson I.* *The Sounds of the World's Languages*. Oxford, 1996.
- Pakendorf et al. 2006 — *Pakendorf B., Novgorodov I. N., Osakovskij V. L., Danilova A. P., Protod'jakonov A. P., Stoneking M.* Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts // *Human Genetics*. 2006, 120 / 3. P. 334—353.
- Pugach et al. 2016 — *Pugach I., Matveev R., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Stoneking M., Pakendorf B.* The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations // *Molecular Biology and Evolution*. 2016. Advance access: <http://mbe.oxfordjournals.org/content/early/2016/05/05/molbev.msw055.full.pdf>
- Thomason, Kaufmann 1988 — *Thomason S., Kaufmann T.* *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley, 1988.
- Thurgood 2002 — *Thurgood G.* Vietnamese and tonogenesis: Revising the model and the analysis // *Diachronica*. 2002, 19 / 2. P. 333—363.

РЕЗЮМЕ

Настоящая статья является комментарием к работе И. Я. Селютиной «Фонико-фонологические исследования языков народов Сибири в ЛЭФИ им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН». Теоретическая база исследования, принятая автором (теория артикуляционно-акустических баз, разработанная В. М. Наделяевым), предполагает обязательное субстратное влияние в области фонетики и фонологии при языковом сдвиге, хотя это и дискуссионный вопрос. При этом строгое определение артикуляционно-акустических баз отсутствует, что затрудняет оценку адекватности этой теории. В статье И. Я. Селютина высказывает предположение (которое также основано на работе В. М. Наделяева), что фарингализация в эвенском языке возникла как субстратное явление в результате языкового сдвига. Однако эта гипотеза противоречит данным современных исследований в области генетики, согласно которым эвены относятся к тунгусским народам. Кроме того, с точки зрения исторической фонологии развитие фарингализации объясняется внутриязыковыми факторами.

Одним из интереснейших и интригующих результатов, представленных в статье И. Я. Селютиной, являются данные о частоте основного тона у фарингализованных гласных тувинского языка. Специфический контур частоты основного тона не характерен для противопоставления гласных по признаку «фарингализация». Даже если предположить, что фарингализация в тувинском осложняется дополнительной глоттализацией, контур частоты основного тона, описанный в статье, не поддается объяснению.

В заключении И. Я. Селютина приводит интересное сообщение об анатомической особенности строения гортани у южно-сибирских тюрков, которые предположительно произошли от носителей уральских и енисейских языков и позднее претерпели языковой сдвиг. Но измерения гортани носителей предполагаемых субстратных языков в статье не приводятся. Если эта гипотеза подтвердится, это будет сенсационное открытие, связывающее определенную анатомическую особенность с конкретной лингвистической чертой.

SUMMARY

This is a comment on the paper by I. Ya. Selyutina "Phonetic-phonological investigations of the languages of Siberia in the Nadelyaev Laboratory of experimental phonetic research of SO RAN". The theoretical framework adopted in the paper

(“the theory of articulatory-acoustic bases”, proposed by V. M. Nadelyaev) assumes that a substrate influence in phonetics and phonology will occur automatically in a situation of language shift, which is questionable. Moreover, a strict definition of “articulatory-acoustic base” is not provided, making it difficult to assess the theory. Selyutina also specifically presents a hypothesis (likewise based on Nadelyaev’s work) that pharyngealization in Even is a result of substrate influence. This particular proposal, however, runs contrary to the evidence of molecular anthropology, which indicates that Evens are genetically Tungusic, and from the point of view of historical phonology pharyngealization can be explained as an internal development.

One of the most intriguing results in Selyutina’s paper concerns the fundamental frequency in Tuvan pharyngealized vowels. Normally one would not expect pharyngealization to be accompanied by a characteristic fundamental frequency. Even if one assumes that pharyngealization is accompanied by glottalization, the particular f_0 contour described in the paper is unexpected.

Finally, I. Ya. Selyutina reports some data on special laryngeal anatomical features of South Siberian Turkic peoples, who are supposed to descend from speakers of Uralic and Yenisseian languages who underwent language shift. But anatomical measurements from speakers of the supposed substrate languages are not presented, and it would be very surprising — indeed, sensational — to find any connection between a certain anatomical phenotype and specific features of a language.

Ключевые слова: экспериментальная фонетика, акустическая фонетика, языки Сибири, фарингализация, языковые контакты

Keywords: experimental phonetics, acoustic phonetics, languages of Siberia, pharyngealization, language contact

Аралова Наталия Борисовна, Казанский Федеральный Университет и Институт языкознания РАН (Москва); n.aralova@gmail.com

Natalia B. Aralova, Kazan Federal University & Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); n.aralova@gmail.com

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. Lessing F. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — Kiefer F., Gyuris B. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. Kiefer F. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. Fernandez-Vest J. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — Clark L. V. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — Doerfer G. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — Helimski E. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;

- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;

- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редакторы
С. И. Переверзева, И. Б. Иткин

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Svetlana Pereverzeva, Ilya Itkin

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >